

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2017, №2

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2017, №2

Magna adsurgit: historia studiorum

Научный журнал

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

№2, 2017

ISSN 2541-9749

DOI 10.22162/2541-9749-2017-4-2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

E-mail: ochirovub@kigiran.com

Главный редактор:

Очиров У.Б., д.и.н., доцент

Зам. главного редактора:

Бакаева Э. П., д.и.н., доцент,

Лиджиева И.В., к.и.н.

Ответственный секретарь:

Сартикова Е.В., д.и.н., доцент

Члены редколлегии:

Бадмаева Е.Н., д.и.н., доцент,

Батырева С.Г., д.иск., доцент

Тепкеев В.Т., к.и.н.

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста,
ул. Илишкина, д. 8, оф. 147. КалмНЦ РАН.

E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	4
---------------------------------	---

ИСТОРИЯ КАЛМЫКИИ

<i>Тепкеев В.Т.</i> Калмыцко-донские отношения в период Азовских походов 1695–1696 гг.	7
<i>Лиджиева И.В.</i> Торги по продаже права аренды земельных участков в Большедербетовском улусе: практические особенности	14
<i>Сартикова Е.В.</i> Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.)	22
<i>Заярный С.А., Очиров У.Б.</i> Дивизия «Великая Германия» против 110-й Калмыцкой кавдивизии	38
<i>Эмгенов С.Н.</i> 51-я армия в оборонительных боях на элистинском направлении в августе 1942 г.	69

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ЭТНОГРАФИЯ

<i>Оконова Л.В.</i> Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом	83
<i>Батырева С.Г.</i> К вопросу об изучении сувенирной продукции из войлока в контексте калмыцких народных традиций	98

AD MEMORIAM

<i>Очиров У.Б., Тепкеев В.Т.</i> Научное наследие М.Л. Кичикова: к 95-летию со дня рождения	111
<i>Лиджиева И.В.</i> Научное наследие А.И. Наберухина: к 80-летию со дня рождения	121
<i>Очиров У.Б., Лиджиева И.В.</i> Научное наследие К.П. Шовунова: к 80-летию со дня рождения	136
Сведения об авторах	149

Дорогой читатель!

В 2017 г. отдел истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН, на базе которого функционирует наш журнал, отметил юбилеи трех своих старших коллег: доктора исторических наук Мергена Лиджиновича Кичикова (1922–1999), кандидата исторических наук Аркадия Исаевича Наберухина (1937–1998), доктора исторических наук Кима Павловича Шовунова (1937–1998).

Эти ученые внесли огромный вклад как в возрождение и развитие исторической науки Калмыкии, так и в восстановление и работу нашего научного учреждения: КНИИЯЛИ – КНИИИФЭ – КИОН РАН – КИГПИ, с 1999 г. – КИГИ РАН, а с 2016 г. – КалмНЦ РАН. Их разработки во многом определили темпы и пути направления развития исторической науки в Калмыкии 2-й пол. XX века, их исследования имели ключевое значение для таких важнейших проблем истории Калмыкии, как образование Калмыцкого ханства, военная служба калмыков в составе Российской императорской армии XVIII – нач. XIX в., история калмыков-казаков, Калмыкия в период Гражданской и Великой Отечественной войн и подвиги уроженцев республики на фронтах этих войн и др.

Помимо научных исследований они вели и научно-организационную работу: все трое в разные годы были заведующим научными подразделениями, которые позже вошли в состав нашего отдела, М.Л. Кичиков и А.И. Наберухин являлись также заместителями директора по научной работе, К.П. Шовунов – директором института. Помимо научно-исследовательской и научно-организационной деятельности они занимались преподавательской работой на историческом отделении Калмыцкого госуниверситета, большинство сотрудников нашего отдела являются их учениками.

Уже много лет наших старших коллег нет рядом с нами. Сменилась эпоха, пришел новый век, появились новые исследовательские методики, технологии и аппаратура. Однако многие их работы по-прежнему являются актуальными, опорными для новых поколений ученых, от которых они отталкиваются в своих исследованиях. В память о наших старших коллегах и учителях, в честь 95-летия М.Л. Кичикова, 80-летия А.И. Наберухина, 80-летия К.П. Шовунова отдел истории, археологии и этнологии КалмНЦ РАН принял решение написать обзорные статьи об их научном наследии. Редакционная коллегия «*Magna adsurgit: historia studiorum*» объединила эти статьи в данном номере, выделив их в специальный раздел «*Ad memoriam*».

Главный редактор У.Б. Очиров

История Калмыкии

КАЛМЫЦКО-ДОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД АЗОВСКИХ ПОХОДОВ 1695–1696 гг.*

Тепкеев В.Т.¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: tvt75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения калмыков и донских казаков в конце русско-турецкой войны 1686–1700 гг. На основе новых архивных данных автор фактологически восполняет пробелы в освещении этого периода. Автор приходит к выводу, что Азовская кампания Петра Великого оказала значительное влияние на характер калмыцко-донских отношений в указанный период, поскольку личное присутствие государя на юге страны способствовали его вмешательству в дела калмыков и донских казаков, когда конфликтная ситуация между ними достигла критического уровня. Стороны довольно скоро нашли возможность ее немедленного разрешения путем переговоров и заключения мирного соглашения.

Ключевые слова: донские казаки, калмыки, Азовские походы, русско-турецкая война, Аюка-хан, Петр Первый.

В русских архивных материалах сохранилось большое количество документальных свидетельств, дающих достаточно подробное представление о характере калмыцко-донских отношений. Периоды союзничества калмыков с донцами часто прерывались возникавшими противоречиями, доходивших порой до открытых и ожесточенных вооруженных конфликтов, особенно в последней трети XVII в. К началу Азовских походов 1695–1696 гг. калмыцко-донские отношения переходят в стабильное состояние, причина которому послужило желание царского правительства использовать в полной мере их военный потенциал в русско-турецкой войне.

После свержения правительства царевны Софьи Алексеевны военные действия против турок были приостановлены, а русские войска были лишь заняты отражением набегов крымских и азовских татар. В 1694 г. новым правительством Петра Алексеевича было решено возобновить

*Статья написана в рамках исследований по Государственному заданию № АААА-А16-116053010036-2 «Калмыцкое ханство в первой четверти XVIII века».

активные боевые действия и нанести удар не по крымским татарам, как в походах В.В. Голицына, а по турецкой крепости Азов. Изменён и путь следования: не через пустынные степи, а по районам Волги и Дона. С этой целью с началом 1695 г. на Дону были построены транспортные суда: струги, морские лодки и плоты для доставки войск, боеприпасов, артиллерии и продовольствия для передислокации к Азову. Весной 1695 г. русская армия тремя группами под командованием А.М. Головина, П. Гордона и Ф.Я. Лефорта двинулась на юг [Доценко 1992: 15].

О позиции Аюки в это время нам известно из сообщения станичного атамана Григория Белицкого, прибывшего в Москву в марте 1695 г. Со слов пленных, бежавших из Азова, Аюка и астраханский татарин Ишкой Ишкарин присылали в турецкую крепость своих людей с вестью, что русский царь с войском направляется в Азов, а передовые части армии уже находились в Саратове. Азовцы решили проверить поступившую информацию и направили разведывательные отряды для захвата языков в район Астрахани, Царицына, Полтавы и Изюма. Донские казаки с целью перехватить указанных азовских разведчиков также отправили под Астрахань 150 человек, а в крымские степи – 300 человек. Услышав о надвигающейся угрозе, азовский бий срочно отправил к Аюке посольство с богатыми подарками (пищали, луки и т.д.) и просьбой оказать как можно скорее военную помощь [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Л. 4–5]. Согласно сведениям крымского историка Саид Ризы, один из приближенных крымского хана, Мердан Али-ага, во главе посольства был направлен в калмыцкие улусы в начале 1695 г. Именно он и привез оттуда новости о намечающемся азовском походе русской армии и возможном нападении на Крым. По мнению М. Ходарковского, информация Аюки позволила азовскому гарнизону вовремя подготовиться, а крымскому хану отправить туда подкрепление, что стало одной из причин военной неудачи русской армии в первой кампании под Азовом [Khodarkovsky 1992: 128].

Анализ русских документов отчетливо показывает, что Аюка не принял никакого деятельного участия в первом Азовском походе русской армии. Более того, по словам едисанского ногай Шаршенбека, который в декабре 1695 г. был взят в плен казаками под Азовом, еще до прихода царских войск Аюка присылал шестерых посланцев в турецкую крепость с уведомлением, что будет оказывать в предстоящем русско-турецком противостоянии помощь только тем, «которая сторона будет сильнее». Обещанное подкрепление туркам он так и не прислал [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 13. Л. 32].

В июле русские войска начали осадные работы. 14 и 16 июля им удалось занять каланчи – две сторожевые каменные башни по обоим берегам Дона, выше Азова, с протянутыми между ними железными цепями, которые преграждали речным судам выход в море. Но в ходе предпри-

**Тепкеев В.Т. Калмыцко-донские отношения в период Азовских походов
1695–1696 гг.**

нятых двух попыток штурма (5 августа и 25 сентября) крепость взять не удалось. 20 октября осада Азова русской армией была снята.

О реакции Аюки на последние события нам известно из более поздних документов. В основном, это различные сведения от донских казаков, полученные ими от пленных азовцев. Например, в январе 1696 г. в Москву казаки привезли пленного азовского татарина, со слов которого «Аюкай и калмыки ево зело радостны, что Азов не взят, и к хану он (Аюка. – В. Т.) писал, что он московским людям помочи не давал»; «и для той радости по своей поганской вере зарезал в жертву себе лутчих двух белых своих лошадей; а дети де ево и мурзы так же бараны резали на курманлык». В то же время Аюка якобы также говорил: «когда б де белые цари Азов взяли, то б де он зарезать велел белого быка» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 5. Л. 1–2, 9].

Донские казаки всячески пытались прервать связи калмыков с Азовом. Для этого с Черкаска на «азовские шляхи» были направлены отряды казаков и донских калмыков, которым удалось дважды разгромить калмыцкие посольства, направлявшиеся в Азов или возвращавшиеся обратно в улусы. Например, одно из таких разгромленных казаками посольств возглавлял сын покойного Мазан-Батура – Янтемир. Все это привело к тому, что калмыки отказались от азовского направления и стали пригонять на продажу свой скот и лошадей прямо на Дон [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 5. Л. 2, 21].

Всю зиму 1695/1696 года русская армия готовилась ко второму Азовскому походу. Петр Алексеевич, учитывая ошибки предыдущей кампании, предпринял ряд новых и существенных мер по привлечению калмыцкого правителя на свою сторону. В первую очередь, это касалось более значительного по сравнению с прошлыми годами материального стимулирования. С этой целью в феврале 1696 г. к Аюке был направлен стольник Кирилл Пущин с царской грамотой и жалованьем за будущую азовскую службу: «платяной и соболиной и иной всякой рухляди» общей стоимостью 2 094 рубля, а также 3 тыс. суконных портищ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 3–4].

6 мая 1696 г. К. Пущин прибыл в калмыцкие улусы с царским указом, чтобы Аюка направил под Азов 3 тыс. конников. Однако Аюка в ответ выдвинул уже свое условие, попросив, чтобы государь отправил указы к башкирам и яицким казакам о категорическом запрете нападать на калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 7–8]. 25 мая Аюка направил Пущина к Чакдорджабу и Менке-Темиру для дальнейших переговоров. В разговоре с царским посланником они сообщили, что Аюка, «намыслясь с тайшами своими», решил под Азов во главе 3-тысячной калмыцкой конницы направить Менке-Темира. Жалованье за службу, по просьбе Аюки, Пущин раздавал участникам похода в Саратове [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 9].

Именно после приезда Пущина начинается всплеск посольской активности калмыков, которые стали частыми гостями в столице, так как представилась хорошая возможность возобновить торговые отношения. Так, 1 июля 1696 г. в Москву прибывает Самаган – посланец Аюки, а также Чебохар – представитель Менке-Темира, его брата Цюрюма и сына Четера. Послы приехали с сообщением об отправке калмыцкой конницы с Менке-Темиром под Азов. Однако к приходу калмыков Азов в июле 1696 г. был уже взят, и Менке-Темиру было указано направиться на Кубань, куда он так и не пошел. На этом основании послам было заявлено, что их тайши жалованья не заслужили [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 3. Л. 1, 9, 25]. Основания для отказа были. По сообщению донских казаков после второго Азовского похода Менке-Темир отправил в Кубанскую орду посланца к калге и нуреддину, которым сообщил, «чтоб они держались правды своей, а он де договору своего нарушить не хочет, и под Азовым помехи им никакой не чинили». Крымцы, получив такие вести, «за то одаря, Мункотемиревых людей отпустили» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 4]. Таким образом, мы видим, что опоздание Менке-Темира было отнюдь не случайным. Но в Москве, видимо, решили не обострять из-за этого русско-калмыцкие отношения, поскольку правительство и в дальнейшем рассчитывало на военную помощь калмыков.

Летом 1696 г. возобновляются случаи отгона донскими казаками лошадей у калмыков, о чем последние неоднократно жаловались местным властям в Царицыне. Например, тайша Черкес сообщал, что казаки отогнали у него 50 лошадей, а его люди в устье реки Сарпы поймали семерых «воровских» казаков, которые оказались жителями верховых городков и которых перед набегом якобы снабдили оружием станичные атаманы и есаулы. В Москве срочно отреагировали на эти известия, прислав указ астраханскому воеводе И.А. Мусину-Пушкину о казни указанных пойманных казаков, часть из которых потребовали отправить в столицу «для подлинного розыску» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 92–93, 97, 143; Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 5. Л. 2].

Калмыцкие улусы подвергались набегам не только с донского направления, но и с востока и севера. Строгие правительственные указы о категорическом запрете нападать на калмыков, а также немедленном возвращении им захваченного имущества также были направлены в Уфу и на Яик. В сентябре Аюка жаловался в Астрахань на постоянные набег башкир и яицких казаков. А с возвращением калмыцких улусов к Волге донские казаки к этому времени в ходе 10 набегов отогнали в общей сложности 540 лошадей [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Л. 96].

Подробные сведения о событиях в 1696 г. привез в Москву 18 января 1697 г. посланец Аюки – Замба-кашка. В своем письме Аюка объяснял, почему калмыцкое войско с Менке-Темиром опоздало к началу

боевых действий под Азовом. Он утверждал, что царский указ пришел слишком поздно, поэтому тайши, кочевавшие на довольно отдаленном расстоянии друг от друга, провели мобилизационную кампанию с опозданием [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 6. Л. 29–32].

После взятия Азова в 1696 г. перед правительством Петра Алексеича встала задача прочного закрепления в низовьях Дона и на Азовском море. Для этого предполагалось построить вокруг Азова цепь крепостных сооружений и морскую гавань в Таганроге. Кроме того, летом 1697 г. ожидалось ответные военные действия турецко-крымских войск на азовском направлении. С началом 1697 г. началась отправка к Азову дополнительных русских войск под командованием А.С. Шеина. Всего в его распоряжении предполагалось направить около 35 тыс. воинов, чуть меньше половины которых должна была составить конница, так как действовать пришлось бы против крымских татар. В марте 1697 г. Петр Алексеевич отбыл в Европу с Великим посольством, но продолжал следить за ходом подготовки обороны Азова. В начале года государь к Аюке и другим тайшам направил письмо с указанием уже к концу апреля или в начале мая прислать калмыцкую конницу в полки под Азов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 1].

В феврале из Астрахани в калмыцкие улусы был направлен сотник Иван Исаков с государевой грамотой, где предписывалось Аюке отправить под Азов с Менке-Темиром 3-тысячную конницу, а в Терский городок – 2 тыс. калмыков для защиты от возможного нападения тарковского шевкала (шамхала) Будая и крымского калги. В марте Исаков вернулся в Астрахань с калмыцким посланцем Эджеем. Из расспросов калмыка стало известно, что зима 1696/1697 года выдалась чрезвычайной снежной и холодной, поэтому в улусах начался массовый падеж скота и лошадей. Оставшиеся лошади были от «бескормицы весьма худы». Именно это стало главной причиной, почему Аюка не отправил больше войска, чем планировал изначально [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 4. Л. 1–2].

Из расспроса пленного татарина Укуштука известно, что в начале 1697 г. крымский хан прислал в Кабарду на помощь калге Мамбет-агу и велел отправить с ним 15 отборных воинов к Волге для захвата «языков». В верховьях Кумы татарские разведчики столкнулись с дозорным калмыцким отрядом из 20 человек, были ими разбиты, а плененного Укуштука привезли к Чакдорджабу. Также он сообщил, что из Турции в Кабарду прибыл чауш (уполномоченный) для поездки к шевкалу и эндерийскому Муртазале-мирзе, а также другим горским владельцам, чтобы агитировать их прийти с отрядами на помощь турецким войскам под Азов. Некоторые горские владельцы согласились оказать военную помощь. С целью упрочить свои позиции в этом регионе, турецкий султан дал указ построить крепость в устье Кубани. По сведениям Укуштука на строения среди кубанских ногаев сводились к тому, что в случае выхода

русской армии к Черному морю и строительства ими на Кубани крепости они не исключали возможность ухода к калмыцкому хану. В целом на Северном Кавказе и в Крыму настроения были такие: «если в миру калмыки с русскими людьми, и крымской хан, и турецкое войско, и горские владельцы, и кубанцы под Азов не будут, а пойдут воевать черкасские городы» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 4. Л. 4, 7–8].

В апреле 1697 г. в Москву прибывает калмыцкое посольство из пяти человек во главе с Кашкой, который привез от Аюки два письма и двух крымских «языков». В первом письме он, относительно запроса царскими властями о выделении в русскую армию 3-тысячной конницы, сообщает о готовности выделить на государеву службу не 3-тысячное, а 30-тысячное войско [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 5–6]. В другом письме Аюка снова констатировал: «мы от вас худа никакова к себе не видали, а вы от нас тако ж де никакого худа нет». По его мнению, «только ссоры чинят меж нами, сложася двое – казаки да башкирцы небольшие люди». Аюка просил произвести двухсторонний розыск всех преступников, заверив еще раз царские власти: «хочу быть в любви и в совете, в дали и в близости видетца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 8].

В Москве сразу же на это отреагировали и направили на Дон строгий указ о немедленном сыске преступников. В апреле 1697 г. атаманы сообщили, что в результате расследования были найдены и казнены 14 казаков, участвовавших в отгоне калмыцких лошадей в 1696 г., а их имущество конфисковано в пользу войсковой казны. Более того, «заказ учинили по всем своим верховым городкам под смертною казнью, чтоб впредь отнюдь с калмыки задор и ссор никаких не чинили» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 5. Л. 3–4].

Со своей стороны Аюка также предпринял инициативу к примирению с донскими казаками. В начале марта он прислал на Дон посланцев с предложением выступить совместно против Кубанской орды. В апреле в войско снова прибыли 10 калмыцких посланцев с пленным кубанским татаринном в качестве «языка». Аюка обещал разорвать мир с Турцией и Крымом, а свою орду перевести на казачьи земли, в междуречье Дона, Хопра и Медведицы, чтобы быть готовым к совместному военному выступлению. Калмыки готовили военный поход на Кубанскую орду [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1697 г. Д. 10. Л. 5-6; Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 3. Л. 15–16; 1697 г. Д. 5. Л. 9].

В июне, когда основные силы русской армии стягивались к Азову, Аюка отправил письмо к воеводе А.С. Шеину с просьбой указать место, куда должна была прибыть 3-тысячная калмыцкая конница. Стоит отметить, что численность калмыцкого войска не назначалась русским командованием, Шеин просил Аюку прислать воинских людей «сколько пристойно» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 9]. Воевода беспоко-

Тепкеев В.Т. Калмыцко-донские отношения в период Азовских походов 1695–1696 гг.

ился по поводу того, чем он будет кормить такое количество калмыков, поскольку к тому времени из казны еще не поступила жалованье на питание. Например, в прошлом 1696 г., когда под Азовом на службе стояли 3 тыс. калмыков, только на пропитание им было выделено из казны 500 волов и 1 тыс. овец [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 9, 14–15]. 5 июня из Москвы в Азов с жалованьем в 1 500 рублей для служилых калмыков срочно был направлен подьячий Новгородского приказа Филимон Фомин [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 8. Л. 1].

12 июня 1697 г. 3-тысячная калмыцкая конница под командованием тайшей Менке-Темира, Мелеша, Чимета и Данджина прибыла в большой полк к А.С. Шеину под Азов. Поскольку скота в окрестностях Азова в наличии не было, Шеин принял решение раздать калмыкам денежное довольствие: Менке-Темиру – 2 алтына в день, Мелешу, Чимету и Данджину – по 8 денег, 150 знатым калмыкам – по 6 денег, рядовым – по 4 деньги в день. Всего за месяц вышло в общей сложности 1 849 рублей, 6 алтынов и 4 деньги. За 6 недель, т.е. за все пребывание калмыков на службе под Азовом, расходы на их денежное довольствие составили 2 773 рублей и 6 алтынов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 8. Л. 43–44].

Таким образом, мы видим, что Азовская кампания Петра Великого оказала значительное влияние на характер калмыцко-донских отношений в указанный период. Необходимость продолжения русско-турецкой войны и личное присутствие государя на юге страны способствовали его вмешательству в дела калмыков и донских казаков, когда конфликтная ситуация между ними достигла критического уровня. Стороны довольно скоро нашли возможность ее немедленного разрешения путем переговоров и заключения мирного соглашения. Как показывает история, в южном регионе калмыки и донские казаки могли многие годы сохранять эффективный и крепкий союз, что подтверждают последующие совместные военные действия в войнах России.

Источники:

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература:

Доценко В.Д. Флот Петра Великого. Азовский флот. Великое посольство. Керченский поход // Морской альманах. № 1. История Российского флота. СПб.: Дева, 1992. С. 5–44.

Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. N.Y.: Ythaka, 1992. 278 p.

DOI 10.22162/2541-9749-2017-4-2-14-21

УДК 94

ТОРГИ ПО ПРОДАЖЕ ПРАВА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКОМ УЛУСЕ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ*

Лиджиева И. В.¹

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: irina-lg@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Ставропольского края рассматривается один из аспектов проблемы землепользования на примере торгов по продаже права аренды земельных участков в Большедербетовском улусе. В заключении автор приходит к выводу, что, несмотря на законодательное регулирование данного процесса, отступления от правовой нормы имели широкое распространение.

Ключевые слова: Большедербетовский улус, землепользование, торги, попечитель улуса, улусное управление.

Целью данной статьи является реконструкция на основе анализа документальных материалов из фондов Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия процедуры торгов по продаже права аренды земельных участков в Большедербетовском улусе во второй половине XIX в.

Проблема землепользования в Большедербетовском улусе рассматривалась как дореволюционными, так советскими и современными исследователями [Лебединский 1925; Фарфоровский 1908; Эрдниев 1976; Карагодин 1976; Бурчинова 1976; Команджаев 1999].

Большедербетовский улус общей площадью 872 377 десятин земли был передан из Астраханской губернии в состав Ставропольской губернии по указу 21 октября 1859 г. [НАРК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 206. Л. 5об.]. Однако уже в 1882 г. ставропольский статистик и краевед И.В. Бентковский сообщил о площади земельных наделов, занимаемых инородцами,

* Статья написана в рамках исследований по Государственному заданию № АААА-А17-117030910096-7 «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.».

Лиджиева И.В. Торги по продаже права аренды земельных участков в Большедербетовском улусе: практические особенности

следующие сведения: «Кочевые инородцы: Трухмяне, Едисанцы, Едишкульцы, Джембойлуковцы и Караногайцы занимают северо-восточную и восточную часть Ставропольской губернии, а калмыки – северо-западную. Пространство территории, занимаемой инородцами-магометанами по новейшим вычислениям, простирается до 2 269 138 дес., а калмыками до 313 106 дес. Всего под кочевьями инородцев 2 582 244 дес.» [Бентковский 1882: 1]. Историк и этнограф С.В. Фарфоровский, опирающийся на отчет 1907 г., дал такую информацию: «Пространство, занимаемое улусом, исчисляется в 286 916 десятин земли. Территорию улуса составляют земли: а) душевой надел калмыцких родовых обществ 210 418 десятин, б) надел привилегированного сословия 3 797 десятин, в) надел ламайского духовенства 3 765 десятин, г) отведенные для поселения крещеных калмыков Князе-Михайловского поселка 7 744 десятины, д) 50 173 десятины запасной земли составляют оброчные участки, 225 находятся под хутором, лесом и садом на участке «Башанта» (бывшее имение нойона Гахаева), 68 десятин неудобной земли. Наконец калмыкам принадлежит и 5 020 десятин, находящихся под частью озера Маныч. Свободная калмыцкая земля в количестве 49 880 десятин разделяется на 21 оброчный участок. Эти участки отдаются в аренду с торгов под выпас скота, сенокосение и распашку для посева хлеба не более 1/3 всего участка на сроки от 6 до 12 лет по цене от 60 коп. до 5 руб. за десятину» [Фарфоровский 1908: 15]. Приведенные сведения показывают значительное сокращение площади, занимаемой калмыками Большедербетовского улуса. Земельные потери, которые понесли калмыки, являлись следствием изменения этнокультурной обстановки в рассматриваемом районе [Лиджиева 2015: 19].

Согласно статье 1 «Условий о найме земель, состоящих в ведении управления кочевых инородцев Ставропольской губернии», утвержденных губернатором 17 марта 1883 г.: «Все земли, состоящие в ведении управления кочевых инородцев, как-то: земли Большедербетовского улуса и находящиеся в пользовании: трухмен, караногайцев и ногайцев Едишкульских и Джембойлуковских, свободные от наделов и кочевок, могут отдаваться в наем – под распашки, сенокосение и пастьбу скота» [Условия 1883: 2].

Сдача в аренду «свободных» земель инородцев (в том числе и калмыков Большедербетовского улуса) осуществлялась главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии на специальном аукционе (торгах). Официальное объявление о проведении торгов от имени главного пристава кочующих народов публиковалось за три месяца до их проведения в «Ставропольских губернских ведомостях» с указанием даты проведения, условий сдачи в аренду, начальной стоимости за одну десятину [Объявление 1901: 4]. Так, например, главный пристав кочующих народов Михаил Евгеньевич Коневский объявляет: «в Боль-

шедербетовском улусном управлении в селе Ивановском Медвеженского уезда 27 января 1892 г. в 12 часов состоятся решительные торги, без пересмотра, посредством устного соревнования и подачи объявления на отдачу в оброчное содержание под выпас скота и сенокошение сроком на три года, с 1 января 1892 г. по 1 января 1895 г. участков калмыцкой земли, из коих один на земле, отведенной под постройку ставки» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 27. Л. 1].

Одновременно главный пристав направил в городское полицейское управление письмо с просьбой опубликовать объявление о проведении торгов и кондиции (условия) на отдачу в оброчное содержание участков калмыцкой земли в городе Ставрополе [ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 27. Л. 6]. Например, «Кондиции на отдачу в оброчное содержание по решительному торгу, назначенному в селе Ивановском Медвеженского уезда, 10 февраля 1892 г., 4-х участков калмыцкой земли в Большедербетовском улусе» состоят из 21 статьи и подписаны главным приставом кочующих народов М.Е. Коневским и секретарем Друженко. Статья 1 этого документа гласит: «В оброчное содержание отдаются следующие 4 участка земли: а) В наделе крещеных калмыков поселка Князе-михайловского: 1-й участок в 3 671 десятин., находившийся в аренде под выпас скота и сенокошения у Озерова. 2-й участок в 500 десятин. 3-й участок в 1 953 десятин, находившийся в аренде у Малзаева. б) 4-й участок «Борне» в 312 десятин, предназначенный для улусной ставки, находящийся в аренде по выпас у Кордубана». Статья 2 оговаривает сроки сдачи в аренду. В статье 3 указывается, что участки отдаются в аренду только в полном объеме и только под выпас скота и сенокошение. В случае нарушения положения данной статьи, то согласно статье 12 предусматривается уплата неустойки в размере 10 руб. за десятину. Нарушение условий договора в виде строительства жилых и хозяйственных построек на арендуемом участке, влечет требование о возвращении предмета аренды в первозданном виде (ст. 13). Статьи 4–10 содержат условия и порядок оплаты ренты. По условиям статьи 14 кондиций арендатор обязан также содержать в полной чистоте и исправности в течение арендного срока копани, запруды, колодцы и другие водохранилища. Кроме того, статья 19 содержит правовую норму, согласно которой в случае обнаружения залежей саранчи или пруса арендатор за счет личных средств должен обеспечить их уничтожение. В соответствии со статьей 16 на арендуемой земле не дозволялось продажа спиртных напитков и открытие питейных заведений и постоянных дворов. Все расходы по заключению контракта производились за счет крестьянского общества или лица, арендующего земельный участок [ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–16].

Следующий этап – это подача заявлений на участие в торгах. Заявление оформлялось по стандартной форме: кому, от кого, далее претендент указывал, в каких торгах он желает принять участие и за какие зем-

Лиджиева И.В. Торги по продаже права аренды земельных участков в Большедербетовском улусе: практические особенности

ли, а также сумму. Например: «Желая торговаться на торгах имеющих быть 10 февраля 1892 г. в улусном Правлении, земли из надела Князь Михайловского Поселка в количестве 3 671 десятин. Покорнейше прошу Улусное управление допустить меня к означенным торгам. При сем прилагаю деньгами тысячу восемьсот пятьдесят рублей» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 27. Л. 27–27 об.].

По завершению торговых операций попечитель Большедербетовского улуса направлял главному приставу кочующих народов рапорт о результатах проведенных торгов. Например, в рапорте о вышеуказанном аукционе сообщалось, что в нем приняло участие 12 человек, чьи заявления прилагаются вместе с четырьмя торговыми листами. Кондиции были заключены с участниками торгов, предложивших наибольшую цену за выставленные на торги земельные наделы. Так, участок из надела Князе-Михайловского поселка в 3 671 десятины сдан в аренду крестьянину селения Кизияр Терпеньевской волости Мелитопольского уезда Таврической губернии Архипу Кордубану по цене – 52,5 коп. за десятину; участок в 1 953 десятины крестьянину села Сандаты Медвеженского уезда Ставропольской губернии Никите Степаненко по цене – 52,5 коп. за десятину; участок в 500 десятин крестьянину села Преградного Медвеженского уезда Ставропольской губернии Егору Сазонову по цене – 58 коп. за десятину; участок «Борне» в 312 десятин крестьянину села Кизияр Терпеньевской волости Таврической губернии Кузьме Жадану по 54 ½ коп. [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 27. Л. 18–18 об.].

С указанными лицами заключались так называемые «Условия» (кондиции), в которых подробно описывались права и обязанности арендатора в отношении аренды земельного участка в течение всего его срока [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 27. Л. 73–76об.]. Участниками договорных отношений в «Условиях» выступали: с одной стороны, попечитель Большедербетовского улуса, с другой – арендатор, т. е. победитель торгов, предложивший наиболее высокую цену. Следует отметить, что в годовых отчетах улусного управления упоминается, что нотариальные контракты заключались также с доверенными от родовых обществ [НАРК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 157. Л. 3]. В кондициях указывались: дата их заключения, предмет договора, с приведением данных о количестве удобной и неудобной земли, цель аренды, например, в данном случае, «под выпас скота и сенокосение» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 27. Л. 73]. Далее подробно уже от конкретного лица расписывались условия заключения арендных отношений.

В заключении указывалось: «Большедербетовское улусное Управление сим удостоверяет, что настоящее условие в Улусном управлении явлено и в книгу под номером первым записано» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 27. Л. 76 об.]. Документ завершали подписи двух сторон и печать улусного управления.

Вырученные средства, как отмечалось в рапорте: «записаны по книге пересылочных сумм улусного Управления» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 27. Л. 39]. Следует отметить, что упомянутые средства являлись источником доходов общественного калмыцкого капитала [Лиджиева 2016: 658–665]. Арендная плата вносилась попечителю улуса, который вел учет и «счет родовых сумм по шнуровым книгам, проверяемым кроме Главного пристава кочующих народов еще и доверенными от родовых обществ три раза в течение года» [НАРК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 157. Л. 3 об.].

Как видно из описания этого процесса калмыки Большедербетовского улуса не имели никаких возможностей для управления или контроля над ним. Все находилось в руках чиновника – улусного попечителя, что могло быть и было почвой для разного рода махинаций: например, путем нелегального выпаса скота или распашки земли, не предусмотренной «Условиями» договора аренды. Православный миссионер и этнограф Я.П. Дуброва в своем труде «Быт калмыков Ставропольской губернии» писал: «Всякий нуждающийся в калмыцкой земле – для распашки ли ее, для выпаса ли на ней скота, овец и сенокосения – должен был сначала обратиться к попечителю улуса, получить от него «бланку» на дозволение пользоваться землей и за срочное право пользования ею взнести произвольно установленную плату, а затем уже пахать и выпасывать свой скот, не входя в никакие переговоры с калмыками. При этом контроля над действиями попечителя не было никакого... Сами калмыки как очевидцы, а также чабаны и гуртовщики скота, овцеводы рассказывают, что попечитель и его помощник во время весеннего объезда степи для дозора – нет ли на ней самовольно выпасывающих свой скот и овец, равно и не распахируют ли ее – “собирали полную шкатулку бумажек, было также серебро и золото”. Таким путем не десятки, а сотни тысяч скота и овец ежегодно выкармливались на калмыцкой степи, и не сотни, а десятки тысяч десятин распахивались калмыцкой земли...» [Дуброва 1998: 128].

Любопытно отметить, что и самого Дуброву пытались обвинить в нечто подобном. 29 марта 1890 г. владелец Большедербетовского улуса – нойон М.М. Гахаев направил главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии письмо, в котором отметил, что «напускание крещеными калмыками на общественную родовую землю, без согласия аймачного схода, я нахожу незаконным и крайне убыточным для остальных калмыков и ведет к усилению произвола между всеми калмыками и игнорированию закона» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1196. Л. 3]. Далее в письме описан факт раздачи земли сотрудником миссионера Яковом Дубравой, по объяснению которого на 67 семейств было роздано всего около 1 000 десятин земли. По мнению нойона Гахаева, «калмыки ведут свое хозяйство беспорядочно, напускают скот из окрестных селений, отдают землю под распашку, что для калмыков убыточно и

Лиджиева И.В. Торги по продаже права аренды земельных участков в Большедербетовском улусе: практические особенности

развивает праздность. Было бы желательно, чтобы калмыки силами своими пахали землю или же делали общественный посев, как у аймака зайсанга Опогинова, где результат посева оказался выгодным, имеется даже немного запаса хлеба». Суть письма заключалась в просьбе «об удалении скота, напущенного Дубравой, со степи Икичносова рода, так как калмыки могут остаться без покоса и о производстве дознания и привлечения Дубровы к ответственности за самоуправное эксплуатирование общественной земли и уплате убытков обществу» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1196. Л. 4].

По жалобе Гахаева и факту раздачи земли в Ики-Чоносовом роде было произведено расследование, по итогам которого попечитель Большедербетовского улуса в рапорте главному приставу от 21 июня 1890 г. за № 1632 сообщил следующее. Указанные земли принадлежали общине вышеуказанного рода, который по обоюдному согласию передал их в аренду под распашку и выпас скота. Согласно объяснениям Якова Дубровы, действовал он «по доверию общества крещеных калмыков и полученные средства записаны им на приходрасходную книгу выданную Советом Андреевского братства и расходуются на нужды православных калмыков» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1196. Л. 10]. Таким образом, проведенное попечителем улуса расследование не обнаружило факта нарушения имущественных прав калмыков, так как все действия были произведены по соглашению сторон.

В дальнейшем, по предложению М.М. Гахаева родовыми общинами калмыков были составлены приговоры с целью упорядочения земельных отношений. Так, например, сход калмыков Будульчинерова рода, состоявшийся 10 сентября 1890 г., постановил: «...землю под распашку не должны давать посторонним лицам, а должны сеять сами; не принимать под выпас скот принадлежащий лицам другого ведомства» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1196. Л. 27]. Подобные приговоры были приняты рядом родовых обществ Большедербетовского улуса. В результате этого доля пахотных площадей, находившихся в аренде, стала уменьшаться, что свидетельствует об увеличении доли посевов большедербетовцев. В 1890 г., по данным А.А. Лебединского, под посевами находилось 11,1 тыс. десятин земли, в том числе у арендаторов – 8,6 тыс. десятин (77,5 %) [Лебединский 1925: 57–60], а уже в 1916 г. общая площадь земель под посевами составила 93,9 тыс. десятин, из которых в аренде находилось только 7 тыс. десятин (7,5 %) [НАРК. Ф. И-21. Оп. 2. Д. 56. Л. 21]. По мнению А.Н. Команджаева, в Большедербетовском улусе в указанный период «товарное земледелие неуклонно прогрессировало, в то время как в товарном животноводстве заметен незначительный рост» [Команджаев 1999: 111]. Такое решение вопроса землепользования в улусе привело к тому, что арендаторы из соседних оседлых поселений столкнулись с дефицитом земельных площадей. Так, в канцелярию главного пристава кочующих народов

поступило прошение от 19 июня 1895 г. за № 471 от жителей с. Николаевского Медвеженского уезда «о разрешении отдавать калмыкам Большедербетовского улуса для выпаса скота за плату какую они сойдутся между собой с калмыками» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1196. Л. 29].

Губернатор Ставропольской губернии Б.М. Янушевич, создавший губернскую землеустроительную комиссию, занимавшейся наряду с выделением земли хуторянам, отрубникам и изменением системы землепользования, при которой крестьяне осуществляли переход на трехполье и многополье, в отчете за 1914 г. отметил, что «К числу важнейших потребностей местного населения надлежит отнести вопрос о поземельном устройстве кочующих инородцев губернии. Исконно пользуясь значительными степными пространствами, инородцы эти не укреплены еще надлежащими законодательными актами в правах на занимаемых ими земли, что не только ослабляет в них энергию к усвоению улучшенных способов ведения хозяйства, но и угнетает их морально, внушая неуверенность в прочности землевладения» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 91. Л. 4].

Таким образом, несмотря на законодательное регулирование организации и проведение торгов по продаже права аренды земельных участков, отступления от правовой нормы имели широкое распространение, что во многом было обусловлено коррупцией в административно-управленческом аппарате.

Источники:

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Объявление о проведении торгов в Большедербетовском улусе // Ставропольские губернские ведомости. 1901. 19 мая. № 20.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Условия о найме земель, состоящих в ведении управления кочевых инородцев Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1883. 19 марта. № 12. С. 2.

Литература:

Бентковский И.В. Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1882. 17 июля. № 29.

Бурчинова Л.С. К вопросу о земельной политике царизма в Калмыкии в XIX в. // Социально-экономические и политические проблемы истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 61–90.

Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.

Карагодин А.И. К вопросу о характере частного землевладения в Калмыкии // Социально-экономические и политические проблемы истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 39–61.

Лиджиева И.В. Торги по продаже права аренды земельных участков в Большедербетовском улусе: практические особенности

Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.

Лебединский А.А. Большедербетовский улус во второй половине XIX в. // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 109–123.

Лиджиева И.В. Большедербетовский улус: государственное управление и общественное самоуправление в контексте административно-территориальных преобразований во второй половине XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 14–19.

Лиджиева И.В. Guardianship in Activity Local Governments in the Kalmyks of the XIX – early XX centuries // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. Vol. 41. Is. 3. P. 658–665.

Фарфоровский С.В. Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь: Тип. Губ. Правления, 1908. 42 с.

Эрдниева У.Э. К истории землепользования в Калмыкии // Социально-экономические и политические проблемы истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 27–39.

DOI 10.22162/2541-9749-2017-4-2-22-37

УДК 321.74:9

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ЮГА РОССИИ (20-е – 30-е гг. XX в.)*

Сартикова Е. В.¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности источников по истории партийных организаций автономных республик Юга России в 1920–1930-е гг. на примере трех регионов – Калмыкии, Чечни и Кабардино-Балкарии. Основные архивные документы хранятся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, Национального архива Республики Калмыкия, Управлении Центра новейшей документации Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики, Архивного управления Правительства Чеченской Республики. В заключении делается вывод о том, что выявление и мобилизация основных разновидностей источников (как архивных, так и опубликованных) позволяет показать историю становления парторганизаций и ту огромную организационную и массово-политическую работу, которую они проводили в республиках. Разнообразные исторические источники как по видам, так и по происхождению и содержанию, достаточно освещают историю парторганизаций автономных республик Юга России.

Ключевые слова: архивные источники, опубликованные источники, партийные организации, Юг России, партиестроительство.

Партийному строительству в советский период всегда уделялось серьезное внимание. Для претворения в жизнь директив центральных органов власти создавались партийные организации во всех регионах страны, в том числе и в национальных республиках. Сегодня с позиций нового политического мышления, гласности и демократии необходимо дать объективное, глубокое и аргументированное освещение истории возникновения, развития партийных организаций Юга России, их функционирования в исторических и политических условиях, деятельности

* Статья написана в рамках исследований по Государственному заданию № АААА-А17-117030910096-7 «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.».

Сартикова Е. В. Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.)

местных партийных организаций по руководству всеми сферами общественно-политической жизни региона. Изучение, анализ и обобщение опыта коммунистической партии имеет важное значение, ибо позволяет сделать правильные выводы в целях наиболее оптимального решения проблем, стоящих в современном обществе.

По истории партийных организаций автономных республик Юга России существует обширный комплекс неопубликованных и опубликованных исторических источников. Наиболее значимыми стали *архивные источники*, находящиеся в центральных и региональных архивах.

По проблеме исследования значительный объем необходимой документации находится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), в информационном отделе ЦК (ф. 17). Это стенографические отчеты, решения партийных конференций, пленумов, а также материалы областных партийных конференций национальных автономий, информационный материал партийных органов, статистические документы о составе партийных организаций. В частности, по истории Калмыцкой организации КПСС в РГАСПИ хранятся протоколы заседаний Калмыцкого обкома РКП(б), пленумов и президиумов обкома партии, переписка ЦК РКП(б) с Калмыцким обкомом, отчеты, доклады, информационные сводки обкома РКП(б), ежемесячные хроники о деятельности партийной организации, закрытые письма ответственных секретарей Калмыцкого обкома РКП(б), обзоры-характеристики ответственных инструкторов ЦК партии, о деятельности Калмыцкого обкома и состоянии партийной организации, показательные карточки областной партийной организации [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11].

Эти материалы позволяют воссоздать основные направления деятельности Калмыцкого обкома партии по выполнению решений партийных съездов и конференций. Представляют интерес закрытые письма ответственных секретарей Калмыцкого обкома партии И.Г. Марбуш-Степанова, Т.И. Борисова и И.К. Глухова в ЦК РКП(б). Этот вид источников, не лишенный элементов субъективизма, в то же время сообщает много ценных сведений о состоянии и развитии самой партийной организации.

Обзоры и показательные карточки областной партийной организации, составленные на основании материалов, представленных ответственными инструкторами ЦК РКП(б), и иной информации, поступающей в ЦК партии о деятельности областной партийной организации, ценны тем, что позволяют исследователю проанализировать многогранную работу Калмыцкой партийной организации и показать огромную повседневную и систематическую помощь, оказанную ей Центральным комитетом партии в решении важнейших вопросов.

Примером может служить информационная сводка о состоянии Калмыцкой областной партийной организации и чрезвычайных экономических трудностях в области, представленная в ЦК РКП(б) ответственным

инструктором ЦК партии Гамбаровым в марте 1923 г. На основании сводки в Калмыкию был направлен специальный отряд Приволжской колонизационной экспедиции Наркомзема РСФСР с целью изучения экономического состояния области, выяснения возможностей решения земельной реформы и оседания калмыцкого кочевого населения. Основываясь на материалах экспедиции, ЦК партии и Советское правительство оказали Калмыцкой области огромную материальную помощь в решении указанных задач [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 74. Л. 41–45].

Особый интерес представляют протокольные записи стенограммы заседаний Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), в которых имеются материалы, касающиеся Чечни, они насыщены обобщениями фактов и дают их всесторонний анализ.

Среди документов распорядительного характера следует выделить инструкции «О взаимоотношениях командного состава с представителями ОГПУ и Чеченского ЦИКа», «О порядке производства массовых обысков по изъятию оружия и изъятию контрреволюционного и бандитского элемента при операции в ЧАО», «Основные задачи особых оперативных групп ОГПУ при операции в Чеченской Автономной Области» и другие. В них излагаются правила, регулирующие специальные стороны деятельности войсковых частей и отрядов ОГПУ при проведении операции по разоружению Чечни в августе–сентябре 1925 г. [Магамадов 2016: 9].

Значительное место занимают обобщающие материалы. К ним относятся докладные записки, сводки и обзоры. Большую ценность представляют докладные записки «ПП ОГПУ Юго-Востока России о политическом и экономическом состоянии Чечни и о деятельности Чеченского Ревкома», составленные в марте–мае 1924 г., и заключение по обвинению в «контрреволюционной деятельности» Али-Бамат-Гирей Хаджиевича Митаева, которые проливают свет на эти события и дают возможность по-новому взглянуть и объективно оценивать исторические лица и события [Магамадов 2016: 10].

Важную группу документов составляет переписка. Большой интерес представляют письма Т.Э. Эльдарханова, Г.К. Орджоникидзе и А.И. Микояна о социально-экономическом и общественно-политическом состоянии Чеченской автономной области в 1922–1925 гг. С.С. Магамадов пишет, что «современные социально-политические процессы на Северном Кавказе в значительной степени обусловлены последствиями национальной политики большевиков в 1920–1930 гг. Именно в этот период были сформированы административные границы между республиками и областями на Юге России и выстроена та модель межэтнических отношений, которая в той или иной степени функционирует на сегодняшний день» [Магамадов 2016: 10].

Большое значение для исследования имеют сведения из фондов региональных архивов – Национального архива Республики Калмыкия [НАРК. Ф. П-1], Архивного управления Правительства Чеченской Республики [АУП ЧР], Центра научной документации новейшей истории

Сартикова Е. В. Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.)

Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики [ЦНДНИ АС КБР. Ф. П-1], а также для изучения материалов законодательных и исполнительных органов власти.

Основной массив неопубликованных документов по истории Калмыцкой партийной организации хранится в фонде П-1 «Калмыцкий обком КПСС» НАРК. Как пишет Е.Н. Бадмаева, «знакомясь с фондами и источниками Национального архива, мы таким образом создаем своеобразный путеводитель по лабиринтам республиканского архивохранилища, где хранятся уникальные документы по исследуемому периоду» [Бадмаева 2016: 4]. Калмыцкая областная партийная организация имеет богатую историю, а начало её организационному оформлению положила I-я областная партийная конференция (18–20 февраля 1921 г.) [Сартикова 2017]. Протокол I-й областной партийной конференции хранится в партийном фонде НА РК и составляет 74 листа. В фондах партийного архива хранятся протоколы и других областных партийных конференций, пленумов, большая часть протоколов заседаний бюро обкома РКП(б), циркулярные письма обкома партии улусным комитетам партии [Фонды 2002: 146–148]. Обширный материал о деятельности улусных партийных организаций и ряда партийных ячеек отложился в фондах улусных комитетов партии:

Большедербетовский улуском РКП(б) (Ф. П-45, 49 дел, 1921–1930 гг.), организованный в марте 1921 г., являлся политическим органом, руководил организацией хозяйственного и культурного строительства в улусе. Упразднен 30 марта 1930 г. в связи с преобразованием Большедербетовского улуса в Западный. Особую группу источников составляют циркуляры Калмыцкого обкома и ОКК РКП(б) по партийной работе укомов РКП(б), протоколы улусных партийных конференций, заседаний президиума, пленумов, бюро Большедербетовского улускома РКП(б). Большой пласт документов составляет переписка улускома РКП(б) с улусными и областными парторганизациями о мерах обеспечения военного ополчения коммунистов, об усилении работы в деревне, о перевыборной кампании. Из документов фонда мы узнаем об обследовании работы партячеек улуса, а также о чистке соваппарата. Материалы фонда также включают протоколы улусных совещаний групп бедноты, выписки из протокола совещаний женщин, сведения о собраниях женщин улуса, протоколы первой конференции колхозниц улуса, заседаний женколлективы УК РКП(б), докладные записки о ходе коллективизации по улусу.

Ремонтненский уездный комитет РКП(б) (Ф. П-38, 5 дел, 1922–1925 гг.), образованный в октябре 1921 г., являлся политическим органом в уезде. Упразднен 25 мая 1925 г. в связи с ликвидацией уезда. В фонде хранятся всего несколько дел, в первую очередь, это протоколы пленума, заседаний президиумов УК РКП(б), заседаний бюро, отчеты, переписка уездного комитета РКП(б) с Калмыцким ОК РКП(б), а также справка о мероприятиях и практических предложениях по итогам обследования уездкома РКП(б).

Яндыко-Мочажный улуском РКП(б) (Ф. П-761, 26 дел, 1921–1930 гг.) организован 25 июня 1921 г. на объединенном пленуме Яндыко-Мочажной и Эркетеневской объединенной улусной организации РКП(б). Упразднен 30 марта 1930 г. в связи с объединением улуса с Эркетеневским и образованием нового Приморского улуса. Документы Яндыко-Мочажного улускома ВКП(б) включают в себя протоколы общих собраний, улусных партийных конференций, пленумов, заседаний бюро РКП(б), протоколы общих собраний женщин улуса, информационные отчеты улускома партии, статотчеты о работе ячеек РКП(б), доклад о состоянии работы Яндыко-Мочажного улуса, протоколы заседаний проверочной комиссии по чистке Багутовской ячейки РКП(б) Яндыко-Мочажного улуса.

Ики-Цохуровский улуском ВКП(б) (Ф. П-17, 44 дела, 1922–1930 гг.) руководил работой по организации хозяйственного и культурного строительства в улусе. Упразднен 30 марта 1930 г. в связи с расформированием Ики-Цохуровского улуса. Центральное место в фонде занимают циркуляры, руководящие письма и другие материалы ОК ВКП(б), протоколы партийных конференций, заседаний президиума, пленумов, бюро Ики-цохуровского улускома РКП(б), протоколы заседаний укома ВКП(б) по борьбе с бандитизмом, протоколы партсобраний ячеек РКП(б), собрания беспартийных аймаков улуса, заседаний совЧОНа, объединенных заседаний улускома РКП(б), РЛКСМ и УИКа, заседаний улусной секции ККОВ с участием представителей аймачных исполкомов. Официальная переписка включает документы, прежде всего, содержащие переписку с Калмыцким обкомом РКП(б) по кадрам и другим текущим вопросам, переписку с женотделом ОК РКП(б) о работе среди женщин, по деятельности «красных кибиток».

Изучая фонды улусных комитетов партии, можно заметить, что их содержание строится по одному принципу. В первую очередь в них входит комплекс официальных документов.

Так и в фонде Манычского улускома ВКП(б) (Ф. П-13, 92 дела, 1922–1930 гг.), осуществлявшего руководство политическим, народнохозяйственным развитием улуса, это – циркуляры ЦК РКП(б) о ликвидации неграмотности, о пропаганде крестьянского займа, о школах политграмоты; циркуляры и секретная переписка с обкомом РКП(б) о коренизации аппарата, о работе МОПР, о призыве на военную службу. Особую группу источников составляют протоколы улусных партийных конференций, заседаний президиума, пленумов, бюро, оргколлегии Манычского улускома РКП(б), протоколы общих собраний и заседаний ячеек РКП(б), месячные отчеты о деятельности ячеек, информационные отчеты, статотчеты о составе УК РКП(б), копии отчетов, докладных, направленных в обком РКП(б), протоколы агитационно-пропагандистской коллегии, заседаний женколлегии, совещаний завженотделами, заседаний комиссий при УК РКП(б).

Сартикова Е. В. Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.)

В фонде Багацохуровского улускома ВКП(б) (Ф. П-19, 39 дел, 1923–1930 гг.) помимо официальных документов, содержится много делопроизводственной документации (ежемесячные отчеты и статотчеты, представленные в обком ВКП(б), доклады по составу и по деятельности улускома РКП(б), списки и ведомости на выдачу партбилетов, отчетность по замене утерянных партбилетов, строительству административного здания и другим текущим делам).

В каждом фонде улусных комитетов партии обязательно содержатся и статистические источники. Например, в фонде Хошеутовского улускома ВКП(б) (Ф. П-18, 25 дел, 1923–1929 гг.) – это статистические отчеты, сведения о составе членов и кандидатов РКП(б), дополнительные сведения о составе рабочих ячеек по улусу.

В фонде Эркетеневского улускома ВКП(б) (Ф. П-693, 29 дел, 1923–1930 гг.) – помимо официальных документов, статистических данных, как и во всех других фондах улусных комитетов партии, имеются сведения по личному составу: переписка с обкомом РКП(б) по кадрам, выдаче партбилетов и т. д.

Один из самых больших фондов улусных комитетов партии – Приморский улуском ВКП(б) содержит 125 дел. Образован 14 мая 1930 г. на первой улусной партийной конференции. Приморская партийная организация большое внимание уделяла работе среди женщин. Эту деятельность отражают протоколы женской конференции, заседаний комиссии по отбору в вузы, комиссии по приему в ряды ВКП(б), инструкции улусного женсектора по работе среди женщин. Информации, отчеты, сведения о работе делегатских собраний, переписка с областным женсектором о вовлечении женщин в производство.

Фонды Центрального улускома ВКП(б) (Ф. П-15, 74 дела, 1930–1938 гг.) и Уланхольского улускома партии (Ф. П-16, 94 дела, 1938–1943 гг.) также содержат официальную документацию, статистику, сведения по личному составу [Фонды 2002: 148–155].

В фонде Калмыцкого обкома партии наибольший интерес представляют постановления, распоряжения вышестоящих партийных органов по работе улусных комитетов РКП(б), а также материалы переписки с ЦК партии, докладные записки, отчеты, информации, письма, телеграммы, рапорты о развитии всех отраслей народного хозяйства, о достижениях в области народного образования, культуры.

Важное значение имеют также такие документы, как отчеты, докладные записки, справки, информации по организационно-партийной работе, об отчетах и выборах в партийных организациях, о подготовке кадров, о выполнении критических замечаний коммунистов, о семинарах секретарей партийных организаций;

– статистические отчеты о составе и движении партийных организаций, о работе с кадрами. Справки, информации о ходе обмена партийных документов. Списки погашенных партийных документов;

– отчеты, учебные планы, справки о работе советско-партийных школ, курсов повышения квалификации партийных работников, семинаров секретарей парторганизаций;

– справки, информации, планы работы отделов организационно-партийной работы, пропаганды и агитации.

Автором рассматривались и документы финансово-хозяйственной деятельности обкома партии: финансовые отчеты, бюджет, штатное расписание, акты ревизий, платежные ведомости, лицевые счета. Эти материалы оказали помощь в изучении истории партийных организаций, их функционирования в разных исторических и политических условиях.

Документы фонда областного комитета ВКП(б), улускомов зафиксировали историю создания первых партийных ячеек Калмыцкого уездного комитета РКП(б) в январе 1920 г. Астраханским губкомом партии. В материалах областных партийных конференций, протоколах заседаний бюро обкома, улускомов партии, докладных записках 1921–1925 гг. отражена деятельность партийной организации по переводу кочевников на оседлый образ жизни, мобилизация коммунистов и населения на борьбу с бандитизмом и с последствиями неурожая 1921 г., когда число голодающих достигло 97 % населения.

Изучив документы, можно получить представление о формах и методах организационной и идеологической работы партийных органов, узнать обо всех основных событиях истории республики.

По содержанию их можно разделить на три большие группы:

а) Документы по организационной работе партийных организаций: материалы по становлению областного и улусных партийных органов, «ленинскому» призыву в партию, целенаправленной кадровой политике, по укреплению партийной дисциплины, перерегистрации коммунистов, партийным чисткам и т. д.

б) Документы по идеологической работе: по руководству Советами, профсоюзами, женским движением, комсомолом, пионерами, материалы по организации и проведению местных агитационно-пропагандистских кампаний, по руководству народным образованием, здравоохранением, культурно-просветительными учреждениями.

в) Документы по руководству отраслями народного хозяйства отражают усилия партийных организаций по созданию материальной базы нового общества. Основная масса документов посвящена руководству сельским хозяйством. Значительное место занимают документы по организации соцсоревнования.

В документах 1920–1930-х гг. четко прослеживается процесс складывания в стране авторитарного административного управления народным хозяйством, которое вело к постоянным отступлениям от норм демократизма и в конечном счете к массовым репрессиям. Документы свидетельствуют, что активными проводниками установления авторитарного

Сартикова Е. В. Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.)

режима и проведения в жизнь его решений на местах зачастую оказывались партийные органы и первичные парторганизации.

В фондах партийных комитетов сосредоточены документы о нарушении прав человека. Это свидетельства установления слежки за населением (доносы, сохранившиеся в персональных делах, сводки ГПУ о политических настроениях населения) и директивы о применении прямого силового давления, направленного на выполнение и перевыполнение заданий по коллективизации, и материалы о конфискации имущества у раскулаченных. Примером массовых нарушений прав человека выступает борьба с религиозным мировоззрением. Документов об этом также достаточно в фондах партийных и комсомольских органов. Но и сами коммунисты не избежали трагических последствий тоталитарного режима, который сопровождался запретом политического инакомыслия во времена партийных дискуссий, массовыми изгнаниями из партийных рядов в процессе перерегистрации коммунистов и так называемых «чисток» партии, массовым физическим истреблением коммунистов в годы политических репрессий. Материалы фондов областной и улусных контрольных комиссий, обкома и улускомов партии свидетельствуют о проведенных в 1929, 1933 и 1934 гг. чистках рядов партии, которые затянулись и слились с проверкой партийных документов.

Документами отделов обкома, улусных комитетов партии – это протоколы совещаний, семинаров, справки, информации о выполнении постановлений партийных органов, переписка – зафиксирована деятельность партийных органов по подъему сельского хозяйства.

По материалам партийного архива можно проследить развитие народного образования, культуры, искусства, здравоохранения, которыми руководил Калмыцкий обком партии. Работа партийных организаций учебных заведений по патриотическому воспитанию в школах, улучшению трудового воспитания и профессиональной ориентации учащихся школ регулярно заслушивалась на заседаниях бюро, пленумах обкома партии.

В справках, информациях о деятельности учреждений здравоохранения, материалах о выполнении постановлений партийных органов, в переписке, документах первичных парторганизаций показана работа партийных органов по укреплению материально-технической базы здравоохранения, по расширению сети лечебно-профилактических учреждений, подготовке медицинских кадров.

Создание и расширение материальной базы культурно-просветительных учреждений, подготовка кадров, восстановление и дальнейшее развертывание работы творческих организаций и союзов также зафиксированы в документах фондов обкома партии.

Большой документальный материал содержится в фонде (Р-3) Калмыцкого облисполкома, где достаточно полно отложились материалы всех съездов Советов Калмыцкой автономной области, состоявшихся в

1921–1925 гг.; материалы заседаний и отчеты областного экономического совещания дают исследователю обобщенный материал о ходе экономического, политического и культурного развития Калмыкии в условиях новой экономической политики [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 223, 224, 227, 200, 338, 626, 210]. В делах фонда широко представлены документы о деятельности Калмыцкого облсоюза по кооперированию калмыцких трудящихся, о работе низовых кооперативных ячеек.

Документы по истории партийной организации Чеченской республики находятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Ксерокопии этих документов хранятся в Архивном управлении Правительства Чеченской Республики (АУП ЧР): материалы пленумов и бюро партийных организаций, протоколы партийных конференций, отчеты и информационные материалы партийных органов по различным вопросам. В Чеченской республике до установления советской власти отсутствовали партийные структуры, включая большевистские. С переходом к мирному этапу советского строительства центральные органы власти поставили задачу создать в Чечне дееспособную партийную организацию [Бугаев, Алхастова 2015: 200–204].

В соответствии с административно-территориальным делением, которое на Северном Кавказе сложилось с 60-х гг. XIX в., Чечня до образования Горской АССР числилась в составе Терской области в качестве административного округа. Ее руководящим органом власти являлся Окружной революционный комитет, сформированный на съезде чеченского народа в начале апреля 1920 г. Партийным строительством в Чечне занималась отдельная секция, учрежденная при Оргбюро РКП (б) Грозненского округа, созданного 14 мая 1920 г. Дело в том, что в самой Чечне «дореволюционных коммунистов», то есть большевиков с дореволюционным стажем, не было. По данным некоторых архивных источников есть основание полагать, что первым чеченцем, вступившим в ряды партии большевиков (коммунистов), был Халид Дудаевич Ошаев [Бугаев, Алхастова 2015: 201].

В Центре научной документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики [ЦНДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1–35. 2 238 ед.хр.] хранятся документы органов, организаций и учреждений Коммунистической партии (РКП(б) – ВКП(б) – КПСС – КП РСФСР) за 1921–1991 гг.: протоколы конференций, пленумов, заседаний бюро и секретариата обкома партии и материалы к ним.

Документы фонда охватывают период с 1921 г. по август 1991 г. За довоенный период документы обкома партии сохранились не полностью, т. к. были частично уничтожены при эвакуации. Документы областного комитета партии несколько раз подвергались экспертизе научно-практической ценности документов. В 1972 г. проводилась научно-техническая

Сартикова Е. В. Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.)

обработка части фонда. Обрабатывались документы за 1922–1950 гг., которые располагались в 89 описях. После обработки составили одну опись, по которой числилось 2 794 дела [Путеводитель 2016: 300].

За 1921–1952 гг. в фонде содержатся протоколы конференций, пленумов, собраний актива, заседаний бюро и материалы к ним, справки, информации областного комитета партии в ЦК ВКП(б) ответработников обкома, горкомов, райкомов партии по сельскому хозяйству, промышленности, идеологии. В фонде имеются статистические отчеты о составе и движении областной партийной организации. Партийный фонд включает:

- Постановления Совнаркома СССР, РСФСР, ЦК партии СССР и РСФСР; директивные письма, телеграммы ЦК партии по партийному строительству, экономической и социальной политики. Протоколы конференций, пленумов, заседаний бюро и секретариата обкома КПСС, рескома КП РСФСР и материалы к ним.

- Протоколы собраний партийных и партийно-хозяйственных активов, конференций ветеранов войны и труда, женщин, учредительной конференции Кабардино-Балкарского отделения общества советско-польской дружбы, 1-го республиканского съезда девушек-горянок, встреч с ветеранами Октябрьской революции, гражданской войны, стахановского движения, передовиками и новаторами производства.

- Протоколы собеседований с первыми секретарями горкомов, райкомов партии в период отчетно-выборной кампании.

- Стенограммы встреч с молодыми избирателями, со студентами агрометеорологического института и университета, ветеранами Великой Отечественной войны, учащимися и инженерно-техническими работниками профессионально-технических училищ республики. Резолюции митингов общественных объединений и партий.

- Планы работы отделов рескома КП РСФСР, мероприятий обкома, горкомов и райкомов партии. Справки о выполнении и снятии с контроля постановлений вышестоящих партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов и собственных решений. Отчеты, информации, докладные записки, справки, сведения, письма ответработников обкома, горкомов, райкомов, первичных партийных организаций.

- Документы об организационно-партийной и идеологической работе, состоянии и развитии отраслей народного хозяйства, науки, здравоохранения, просвещения, культуры; составе и движении областной, республиканской партийной организации; составе и сменяемости номенклатурных кадров; проведении отчетов и выборов в областной партотдел; учебе в сети партийного и комсомольского политпросвещения и экономического образования, пропагандистских кадрах. Документы о проведении массовых политических кампаний, работе Кабардино-Балкарского отделения общества «Родина», репрессиях в 30-40-х годах XX в.

– Документы (протоколы, планы, справки, информации, персональные дела коммунистов), отложившиеся в деятельности комиссии партийного контроля при обкоме, рескоме партии; списки погашенных партийных документов. Книги учета выдачи партбилетов образца 1936 г. Документы финансово-хозяйственной деятельности (партбюджеты, штаты, сметы, акты ревизии) обкома, рескома, горкомов, райкомов партии. Приказы и распоряжения обкома, рескома партии по личному составу, ведомости и лицевые счета по начислению заработной платы работникам обкома партии.

– Документы о становлении и развитии, росте партийных рядов («Партийные недели», «Ленинский призыв в партию») и борьбе за чистоту партии (чистка партийных рядов 1921, 1933–1934 гг., проверка партдокументов в 1935–1936 годах, борьба с «троцкизмом», обмен партдокументов в 1935–1936); об организационно-политическом укреплении и повышении боевитости первичных парторганизаций; проведении нэпа, восстановлении народного хозяйства после гражданской войны, кооперировании сельского хозяйства, проведении коллективизации, индустриализации, вовлечении женщин-горянок в общественно-политическую жизнь, введении всеобщего ликвидации неграмотности, антирелигиозной пропаганде.

– Документы о перестройке народного хозяйства республики в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на военный лад; приеме и размещении эвакуированного населения и госпиталей; оказании помощи фронту; сооружении оборонительных рубежей; сборе средств на строительство танковых колонн, подарков и теплых вещей для воинов Красной армии.

Огромное количество документов, связанных с реализацией национальной политики, сосредоточено в ростовских архивах, прежде всего, в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО), бывшем партархиве Ростовской области, хранящем документы партийных организаций национальных районов Северного Кавказа [Магамадов 2016: 10]. Крупнейшим является фонд Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) (Ф. 7), охватывающий период с 1924-го по 1937 г.

Указанный фонд содержит комплекс документов, отражающих деятельность региональных партийных организаций, в том числе протоколы краевых партийных конференций, пленумов, заседаний бюро и секретариата, заседаний национальной и других комиссий, докладные и служебные записки, доклады, стенограммы заседаний областных, районных и местных партийных органов и т. д. «Анализ описей и части документов указанного фонда, – как пишет С.С. Магамадов, – свидетельствует о том, что партийные органы уделяли огромное внимание национальному строительству на Северном Кавказе. Важность данного направления политики в регионе была обусловлена функционировани-

Сартикова Е. В. Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.)

ем специальной национальной комиссии в рамках Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Материалы национальной комиссии четко показывают основные направления работы. Главными задачами данной комиссии и тесно связанного с ним отдела агитации и пропаганды в национальных республиках и областях, связанных с этническим квотированием мест в партийных и советских органах власти, решением казачьего вопроса, антирелигиозной пропагандой, ликвидацией неграмотности, строительством школ, Домов культуры, изданием газет на родных языках» [Магамадов 2016: 10]. Значительное место в документах фонда уделяется формированию местных органов власти, а также развитию партийных организаций. Большую долю документов Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) составляют материалы, касающиеся атеистической пропаганды и борьбы с мусульманским духовенством. Большинство уникальных документов и материалов Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) до сих пор не введены в научный оборот.

Анализ этих документов позволил показать историю становления парторганизаций и ту огромную организационную и массово-политическую работу, которую они проводили в республиках.

Важную группу источников директивно-политического характера составили *опубликованные документы* центральных органов ВКП(б): протоколы и стенографические отчеты съездов, конференций и пленумов РКП(б)–ВКП(б), законодательные акты, указы, постановления правительства.

В 1983 г. было начато новое, девятое издание сборника «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» [Коммунистическая партия 1983–1990]. Дополненное и исправленное, оно представляет собой наиболее полную научную публикацию важнейших партийных документов. В него включены решения съездов, конференций и пленумов ЦК, а также постановления и другие документы Центрального Комитета, имеющие общепартийное значение. В девятое издание вошли новые материалы по всем периодам истории партии. Оно пополнено рядом ленинских документов, не публиковавшихся в предыдущих изданиях. В сборнике сконцентрирован богатый материал, освещающий исторический опыт борьбы партии за построение нового общества. Этот опыт отражает деятельность КПСС, раскрывает её руководящую роль в трех российских революциях, в процессе социалистического строительства. Документы сборника наглядно показывают всю сложность исторического пути, пройденного КПСС со времени ее основания до наших дней. Они свидетельствуют о том, что ни одна политическая партия в мире не одержала столь грандиозных побед и свершений, как партия коммунистов. Из сравнительно небольшой организации революционеров-марксистов, боровшихся в суровых условиях царского подполья, она выросла в многомиллионную правящую партию,

стала руководящим авангардом народа. Издание «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» подготовлено с учетом накопленного опыта и документальных публикаций и требований историко-партийной науки. В нем устранены некоторые неточности и недостатки, допущенные в предыдущих изданиях. Все тома снабжены научно-справочным аппаратом: предисловиями, вводными статьями, необходимыми подстрочными примечаниями. Партийные решения, документы и материалы сборника расположены в хронологическом порядке. Издание вышло под общей редакцией директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС А.Г. Егорова и заведующего Общим отделом ЦК КПСС К.М. Боголюбова.

Многие сведения по теме исследования можно извлечь из других документальных сборников. Новейшими являются изданные за последние годы документы и материалы по проблемам крестьяноведения, коллективизации, раскулачивания и крестьянского движения [Трагедия 1999; 2000].

Большой массив опубликованных документов по истории партийных организаций автономных республик Юга России содержится в документальных сборниках [К истории 1960; Установление 1973; Возникновение 1963; Документы 1983 и др.].

Полезные данные для исследования имеются в статистических и справочных изданиях. Они служат основой для анализа основных направлений деятельности партийных организации рассматриваемых регионов, количественного, социального состава партийных кадров.

Одним из важных источников для исследования стала периодическая печать, прежде всего, издававшиеся в рассматриваемый период общесоюзные, региональные газеты («Правда», «Известия», «Северо-Кавказский большевик», «Грозненский рабочий», «Молот», «Терек» и др.). Ценными источниками по истории партийных организаций являются периодические издания областного комитета партии и Калмыцкого ЦИК. Журнал «Вестник Калмыцкого обкома РКП(б)», предназначенный для низового партийного актива, содержит много разнообразной информации о работе областных комитетов партии, о состоянии партийной работы в области. Журнал широко освещал вопросы марксистско-ленинского образования кадров, хозяйственной жизни области, деятельность различных общественных организаций. В журнале публиковались материалы областных партийных конференций, пленумов, протоколы заседаний бюро областного комитета партии, планы работы отделов обкома, циркулярные письма обкома улусным комитетам партии. Особенно много внимания обком уделял в эти годы подготовке и воспитанию партийных и советских кадров, так как кадровый вопрос был «гвоздем» всей партийной и хозяйственной работы в области. В журнале систематически помещались отчеты о работе Калмыцкой областной совпартшколы, сведения

Сартикова Е. В. Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.)

о подготовке кадров в различных вузах и учебных заведениях страны [Вестник 1922–1926]. Представляет интерес помещенные в «Вестнике» циркулярные указания улусным комитетам партии по улучшению работы среди калмыцкой молодежи. Корреспонденции, помещенные в газете «Улан хальмг» («Красный калмык»), позволили восполнить пробел в литературе о работе первичных партийных ячеек [Улан хальмг 1921–1925]. Основные направления хозяйственного развития Калмыкии в восстановительный период позволяют воссоздать материалы, регулярно публиковавшиеся в журнале «Калмыцкая область» – органе областной плановой комиссии [Калмыцкая область 1925–1927].

Краткую характеристику политического и экономического положения отдельных достижений Калмыцкой области, состояния партийной работы в исследуемый период дают выступления ответственных партийных и советских работников области, информация с мест, помещенные в журналах и газетах, издаваемых в 20–30-е гг. XX в. по решению областного комитета партии и Калмыцкого облисполкома [Ойратские известия 1922; Вестник 1922–1926; Калмыцкая область 1925–1927; Калмыцкая степь 1927–1929; Улан хальмг 1921–1925; Красная степь 1926–1929; Тангчин зянг 1926–1941; Ленинский путь 1930–1941; Улан багчуд 1929–1941], юбилейных сборниках [Десять лет 1930; Двадцать лет 1940 и др.]. Через них передавалась не только официальная информация, но и проявлялась психология определенной эпохи, так как многие авторы сами были непосредственными участниками партийного строительства.

Особым источником для данного исследования является мемуарная литература – воспоминания участников и очевидцев событий 1920–1940-х годов. Первые воспоминания появились сразу после Гражданской войны. Как справедливо отмечает У.Б. Очиров, «источники личного происхождения, как никакие другие, носят в большей степени субъективный характер, но в то же время позволяют взглянуть на протекавшие процессы глазами современников» [Очиров 2007: 20]. Публикация воспоминаний продолжилась и во второй половине XX века. Свой вклад в мемуарную литературу внесли и эмигранты. Большую их часть составляют воспоминания донских калмыков [Уланов 1922; Балыков 1927; Михалинов, Монтуков 1936; Джевзинов 1968 и др.]. Воспоминания, автобиографии и переписка, являясь источниками личного происхождения, несут в себе элемент субъективности, в связи с чем не могут претендовать на объективность информации, содержащейся в них. Между тем, – как пишет И.В. Лиджиева, – субъективность данного вида источника позволяет получить некую фактологическую информацию, определить позицию автора в описываемых событиях и даже охарактеризовать дух, витавший в воздухе во время описываемого события [Лиджиева 2016: 30].

Таким образом, разнообразные исторические источники как по видам, так и по происхождению и содержанию, достаточно освещают историю парторганизаций автономных республик Юга России в рассматриваемый период. Их анализ и классификация позволили выделить следующие основные разновидности источников (как архивные, так и опубликованные):

- законодательные и нормативно-правовые акты;
- делопроизводственные документы и переписка политических организаций;
- статистические материалы;
- пресса (центральная, республиканская);
- мемуары, воспоминания.

Каждая из разновидностей этих источников требует своих методов обработки и анализа. Его технология достаточно хорошо разработана отечественной школой источниковедения и в прошлом, и в последнее время, когда большие массы информации стало возможным подвергать машинной обработке. В рамках исследования это, вероятно, потребуется при анализе массовой информации (преимущественно архивной). Остальные источники потребуют не количественных, а качественных методов анализа, схемы которого также разработаны в отечественной науке.

Источники:

Архивное управление Правительства Чеченской Республики (АУП ЧР) <http://arhiv-chr.ru/fondy-aupchr?layout=fund&id=9>.

Вестник Калмыцкого обкома РКП(б). Ежемесячный орган обкома РКП(б) автономной области калмыцкого трудового народа (Астрахань). 1922–1926.

Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации в 1917–1922 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Х.Г. Берикетов, Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. 324 с.

Десять лет Калмыцкой автономной области. 1920–1930. Астрахань: Калмиздат, 1930. 135 с.

Двадцать лет автономии Советской Калмыкии. Элиста: Калмгосиздат, 1940. 116 с.

Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / Сост. Р.Х. Гугов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 800 с.

Калмыцкая область. 1925–1927. № 1–8.

Калмыцкая степь. 1927–1929.

Красная степь. 1926–1929.

К истории образования Автономной области калмыцкого народа. Октябрь 1917 – ноябрь 1920 гг. Сб. документов и материалов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 104 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. М.: Политиздат, 1983–1990. 16 т.

Ленинский путь. 1930–1941.

Сартикова Е. В. Источники по истории партийных организаций в автономных республиках Юга России (20-е – 30-е гг. XX в.)

- Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).
Ойратские известия. 1922. № 1–4.
- Путеводитель по архивным фондам Кабардино-Балкарской Республики (1589–2015 гг.). Справочно-информационное издание. Нальчик: Изд-во «Принт Центр», 2016. 656 с.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Тангчин зянг. 1926–1941.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.: Документы и материалы в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999. 880 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.: Документы и материалы в 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 928 с.
- Установление и упрочение советской власти в Калмыкии (январь 1918 г. – апрель 1919 г.) Сб. документов. Под ред. Д.А. Чугаева. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. 352 с.
- Улан багчуд. 1929–1941.
- Улан хальмг. 1921–1925.
- Фонды Национального архива Республики Калмыкия 1713–1993. Изд. второе, испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 206 с.
- Центр научной документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (ЦНДНИ АС КБР).

Литература:

- Бадмаева Е.Н.* Исторические источники по изучению системы органов управления народным хозяйством в годы нэпа // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 123 (09). С. 1–12. Режим доступа: URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/09/pdf/76.pdf>.
- Бальков С.Б.* Воспоминания о Зюнгарском полку // Улан Залата (Прага, 1927). № 1. С. 30–38.
- Бугаев А.М., Алхастова З.М.* Формирование партийной организации Чечни (1920–1925 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 200–205.
- Джевзинов П.С.* Донские калмыки в борьбе с большевиками в 1917–1920 гг. // Родимый край (Париж). 1968. С. 6–11.
- Лиджиева И.В.* Источники по истории Калмыкии начала XX в. (по материалам Научного архива КалмНИЦ РАН) // Монголоведение. 2016. № 8. С. 23–30.
- Магамадов С.С.* Новые документальные материалы по истории народов Северного Кавказа первой половины XX века в архивных фондах Российской Федерации // Архивный вестник. 2016. Вып. 4. С. 8–12.
- Михалинов И., Монтуков Л.* Новороссийск // Ковыльные войны (Париж). 1936. № 12. С. 13–14.
- Очиров У.Б.* Калмыкия в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2007. 39 с.
- Сартикова Е.В.* Организационное оформление Калмыцкой областной партийной организации (1920–1921) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 52–64.
- Уланов Б.Н.* Донские калмыки // Воля России. 1922. № 11. С. 22.

DOI 10.22162/2541-9749-2017-4-2-38-68

УДК 94(48).083

ДИВИЗИЯ «ВЕЛИКАЯ ГЕРМАНИЯ» ПРОТИВ 110-Й КАЛМЫЦКОЙ КАВДИВИЗИИ*

Заярный С.А.¹, Очиров У. Б.²

¹ независимый исследователь (г. Москва).

E-mail: zajarnyj@mail.ru

² доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории сражения на Дону в июле 1942 г. элитной моторизованной дивизии «Великая Германия» с только что сформированной и до этого ни разу не участвовавшей в боях 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизией. «Великогерманцы» более чем вчетверо превосходили 110-ю кавдивизию в численности, имели многократный перевес в огневой и технической мощи, а, самое главное, обладали великолепным боевым опытом. В ходе боев «Великая Германия» была усилена еще одной моторизованной дивизией (16-й) и более мелкими частями, с 26 июля объединенных под управлением 3-го танкового корпуса. 110-ю кавдивизию поддерживали лишь немногочисленные остатки соединений и частей, отступивших с северного берега Дона. Несмотря на превосходство врага и тяжелые потери, калмыцкое соединение в течение нескольких дней успешно отражало атаки противника и только после обхода ее правого фланга, не имевшего тесной связи с соседом, двум моторизованным дивизиям вермахта удалось принудить 110-ю кавдивизию к отступлению. Статья основана на большом массиве архивных документов, описывающих действия противоборствующих сторон в этом сражении и привлеченных из фондов ЦАМО и NARA.

Ключевые слова: Красная армия, вермахт, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., бои на Дону, Сталинградская битва, Битва за Кавказ, дивизия «Великая Германия», 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия.

История первых боев 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии (далее – кд) на Дону в июле 1942 г. всегда были в фокусе исследователей, которые занимались ее историей. Первые упоминания об этих боях и об участии в них 110-й кд в исторической литературе датируются 1949 г., когда вышел сборник статей с описанием лучших примеров действий кавалерийских полков в Великой Отечественной войне. Основным «героем» статьи стал 273-й кавалерийский полк (далее – кп), отражавший атаки противника на участке от Раздорской до Мелиховской. Конечно же, в статье ни слова не было о том, что эта часть большей частью состояла из калмыков, высланных к тому времени в Сибирь [Оборона 1949: 82–87].

* Статья написана в рамках исследований по Государственному заданию № АААА-А16-116053010033-1 «Участники Великой Отечественной войны – уроженцы Калмыкии: поиск, составление списков, анализ».

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

После возвращения калмыков из депортации и восстановления Калмыкии ситуация начала меняться. Вышел ряд публикаций, в которых история боев на Дону в районе Раздорской – Багаевской и участие в них 110-й кд стала показываться с более объективной точки зрения. В Калмыцком научно-исследовательском институте истории, языка и литературы (ныне Калмыцкий научный центр РАН) под руководством профессора М.Л. Кичикова сформировалась группа исследователей, которые начали разрабатывать историю 110-й Калмыцкой кд, в том числе и историю боев на Дону, оказавшихся первыми и самыми тяжелыми в истории этого соединения. Среди них были не только профессиональные историки, но и журналисты, общественные деятели, непосредственные участники боев и их потомки. Они работали в архивах, опрашивали ветеранов, произвели анализ информации, сверку документов и воспоминаний, иногда сильно расходившихся между собой. Результаты их изысканий нашли отражение в серии публикаций, в том числе в книге (выдержавшей три переиздания), сборнике воспоминаний, главах трех монографий, различных статьях [В боях 1969; В годы 1976; 1981; 2003; Кичиков 1967; 1968; 1970; 1974; 1975 и др.].

Одной из наиболее сложных проблем, с которой пришлось столкнуться исследователям, оказалась нехватка архивных документов. О завершающей фазе боев на Дону, когда 110-я кд оказалась фактически в полуокружении, а ее штаб в течение нескольких часов отражал вражеские танковые атаки, документов в ЦАМО ни в фонде самой кавдивизии, ни в армейских и фронтовых фондах найти не удалось, так как часть их архивов была уничтожена, утеряна или захвачена противником при отходе. После расформирования 110-й кд в феврале 1943 г. весь ее архив вместе со знаменами был вывезен в Москву и сдан по описи. Однако, когда в 1960-х гг. исследователи начали поиск этих документов в архиве Министерства обороны СССР (ныне Центральный архив Министерства обороны РФ; далее – ЦАМО), то обнаружили, что в фонде 110-й кд сохранилось примерно 10 % того документального массива, который был сдан по описи. Другой серьезной проблемой, препятствующей полноаспектному и всеобъемлющему изучению истории боев на Дону в указанном районе, являлось отсутствие информации с вражеской стороны. Долгое время историки даже не знали, с каким именно противником вела бои 110-я кд. Все это, вместе взятое, не позволило исследователям 1960-х – 1970-х гг. полностью раскрыть историю тех боев и оценить реальное место и значение в них калмыцкого соединения.

В постсоветский период с ликвидацией диктата идеологии над наукой и развитием информационных технологий был открыт широкий доступ к сведениям из-за рубежа, рассекречены многие фонды ЦАМО и других архивов, появились обширные электронные базы данных с информацией о воинах Красной армии, что создало условия для возобновления поисков и работы по вышеуказанной теме. В начале XXI в. этой тематикой стали заниматься новые исследователи, которые, как и их предшественники, объединились под эгидой все того же института. Результаты исследований, продолжающиеся и поныне, нашли отражение в серии публикаций [Алексеева 2001; Заярный б.д.; 2016; Заярный, Очиров 2017а; 2017б; Очиров 2017; Солдаты 2007; 2015 и др.].

Зачинателем этой работы стала главный библиограф института П.Э. Алексеева, которая за многие годы работы (в феврале 2017 г. она встретила на рабочем месте свое 93-летие) путем анализа литературы, архивных дел, опросов ветеранов и их родственников собрала огромный массив данных о воинах 110-й кд, послуживший основой для соответствующего справочника, выдержавшего два издания [Солдаты 2007; 2015]. Однако наиболее значимый вклад в работу над этой темой внес С.А. Заярный – внук комиссара 110-й кд С.Ф. Заярного (геройски погибшего в тех боях) и сын А.С. Заярного – одного из лидеров группы исследователей 1960-х – 1970-х гг. В течение нескольких лет он кропотливо работал в ЦАМО, разыскивая дела 110-й кд, рассеянные по «чужим» фондам. Ему удалось найти большую часть пропавших дел, что позволило кардинально пересмотреть или уточнить целый ряд вопросов по истории его боевого пути. Кроме того, С.А. Заярный начал ввод в научный оборот материалов из трофейных фондов американских архивов – National Archives and Records Administration (далее – NARA), в том числе захваченных немцами в боях на Дону. Благодаря этой работе удалось в значительной степени реконструировать историю сражения в районе Раздорской – Мелиховской – Багаевской в июле 1942 г.

В указанном сражении с обеих сторон принимали участие различные части и соединения. На стороне советских войск, помимо 110-й кд, сражались остатки дивизий, отступившие с северного берега Дона, артиллерийские и минометные полки, временно придававшиеся частям на этом участке фронта, отряды из батальонов пограничников и милиции, занимавшиеся охраной тыла и вынужденно вступившие в бой с прорвавшимся на большую глубину противником. На стороне вражеских войск, помимо дивизии «Великая Германия», сражалась 16-я моторизованная дивизия (далее – мд), вступившая в сражение на завершающем этапе, различные части артиллерии и румынской кавалерии. Однако в этих боях ключевыми, стержневыми игроками, вокруг которых разворачивались основные события, являлись 110-я кд и мд «Великая Германия».

История формирования 110-й кд и ее перехода в Действующую армию уже описывалась авторами в предыдущих статьях [Заярный, Очиров 2017а; Очиров 2017 и др.], поэтому мы лишь кратко ее охарактеризуем. Это национальное соединение, сформированное по Постановлению ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. Калмыцким обкомом ВКП(б) и Совнаркомом Калмыцкой АССР, было более чем на 2/3 укомплектовано калмыками. 110-я кд имела отборный личный состав (в марте 1942 г. получила 1 368 лучших бойцов из не закончившей формирования 111-й Калмыцкой кд, а взамен отправила в запасную бригаду 1 000 малообученных новобранцев), который прошел полный курс обучения, хорошо знал своих командиров (частью из местных уроженцев) и доверял им. В соединении была хорошо налажена политическая работа, личный состав, охваченный патриотическим порывом, стремился выступить на фронт. Командиром дивизии с начала формирования был полковник В.П. Панин, военкомом – полковой комиссар С.Ф. Заярный.

Структура 110-й кд, численность ее частей и подразделений по действующему тогда штату (по которому соединение было полностью укомплектовано), имена некоторых командиров приведены ниже: управление (45 офицеров, 6 старшин и сержантов, 29 рядовых); три кп (по 84 офице-

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

ра, 185 старшин и сержантов, 891 рядовому в каждом) – 273-й кп (ком. – майор К.Ф. Бабков); 292-й кп (ком. – майор С.И. Ориночко); 311-й кп (ком. – капитан М.П. Василенко); 99-й конно-артиллерийский дивизион (ком. – капитан К.Г. Дыба; 44 офицера, 93 старшины и сержанта, 359 рядовых); 99-й артиллерийский парк (9 офицеров, 11 старшин и сержантов, 123 рядовых); 81-й полуэскадрон связи (7 офицеров, 13 старшин и сержантов, 33 рядовых); 110-й эскадрон химзащиты (7 офицеров, 12 старшин и сержантов, 45 рядовых); 94-й медико-санитарный эскадрон (16 офицеров, 8 старшин и сержантов, 26 рядовых); 374-й ветеринарный лазарет (6 офицеров, 1 сержант, 18 рядовых); 82-й продовольственный транспорт (6 офицеров, 8 старшин и сержантов, 34 рядовых); военная прокуратура (3 офицера и 1 рядовой); взвод Особого отдела (1 офицер, 6 старшин и сержантов, 29 рядовых); Особый отдел (8 офицеров и 8 рядовых); военный трибунал (4 офицера и 2 рядовых); зенитная батарея (7 офицеров, 17 сержантов и 56 рядовых); редакция и типография газеты «Красный кавалерист» (3 офицера, 1 сержант и 3 рядовых); 360-я (с апреля 1942 г. – 1925-я) полевая почтовая станция (3 офицера, 3 сержанта, 6 рядовых); 1028-я полевая касса Госбанка (3 офицера) [НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1122. Л. 9]. Всего в соединении было 4 579 человек. Каждый кавалерийский полк имел по 4 сабельных и 1 пулеметному эскадрону, артиллерийскую и минометную батареи. Конно-артиллерийский дивизион имел в своем составе одну батарею 76-мм орудий УСВ и две батареи 120-мм минометов.

16 мая 1942 г. 110-я кд, еще не получившая вооружения и большую часть обозно-вещевого имущества, была принята в состав Действующей армии и конным маршем выступила на фронт. К 20 июля дивизия была почти полностью укомплектована по штату и вооружена (за исключением зениток), имела 4 551 человек личного состава, 4 737 лошадей, 16 – 76-мм, 8 – 45-мм орудий, 8 – 120-мм, 18 – 82-мм, 48 – 50-мм минометов, 58 ПТР, 26 станковых, 67 ручных, 9 зенитных пулеметов, 3 166 винтовок, 532 автомата, 33 автомашины, 6 раций [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 26. Л. 97]. Численность соединения незначительно сократилось за счет бойцов, направленных в училища, и офицеров, переведенных на усиление вышестоящих штабов. Зенитная батарея (из-за отсутствия зениток) и эскадрон химзащиты были расформированы и использовались для укомплектования заградэскадрона.

22 июня 110-я кд, входившая в состав 51-й армии, начала занимать оборону на южном берегу Дона на участке от Багаевской до Семикаракорской длиной 58 км и глубиной 40 км от Дона до хуторов Павловский на реке Сал и Веселый на реке Маныч. 273-й кп занял позиции напротив Раздорской и Мелиховской, 292-й кп – в районе Багаевской, 311-й кп находился в резерве. Командование понимало, что ширина участка от Багаевской до Раздорской в 58 км по фронту превышает уставные плотности обороны в несколько раз даже для стрелковых дивизий (далее – сд), не говоря уже о том, что действующие уставы вообще не предусматривали использования кавдивизии в обороне, и планировало заменить 110-ю кд. Например, 10 июля командование Северо-Кавказского фронта направило в Генштаб план своих действий в ближайшие дни, по которому 110-ю кд подлежала замене на 138-ю сд полковника И.И. Людникова. Однако 12 июля 138-ю сд перенаправили в район Верхне-Курмоярской [Заярный 2016: 26], откуда она позже

перешла в состав Сталинградского фронта. Впереди ее ждал легендарный «остров Людникова», славный боевой путь до Праги и почетные наименования – 70-я гв. Глуховская ордена Ленина дважды Краснознаменная орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого сд. А 110-ю кд впереди ждало несколько десятилетий забвения и ложных обвинений, а большинство ее воинов, переживших войну, получили клеймо «предателей» и были сосланы в Широклаг и Сибирь. Интересно, как сложились судьбы этих соединений, если бы замена все же произошла? С 22 по 24 июля приказ о замене 110-й кд уже на две сд издавался трижды, и командованием фронта, и командованием армии, но по объективным обстоятельствам исполнен не был.

История «Великой Германии», несмотря на то, что это было одно из самых известных соединений вермахта, в отечественной историографии до последнего времени относилась к числу слабоизученных. Поэтому ее историю опишем чуть подробнее. «Великая Германия» ведет свое происхождение от караульной команды (Kommando der Wachtruppe), созданной в начале 1921 г. В ее состав включались посменно (обычно сроком на 3 месяца) по одной роте из всех семи дивизий рейхсвера. Первоначально в ее составе было семь стрелковых и одна пулеметная рота, а также (время от времени) артиллерийская батарея. Команда выполняла церемониально-караульные функции: участвовала в парадах, несла почетные караулы у Рейхстага, Бранденбургских ворот, Военном министерстве, комендатуре Берлина и т.д. При Гитлере, обожавшем парады и шествия, это подразделение стало использоваться еще более интенсивно, особенно при проведении различных церемоний и встречах государственных деятелей. В 1934 г. подразделение было переименовано в Берлинский караульный отряд (Wachtruppe Berlin), а в 1936 г. его увеличили до 8 рот, заменив принцип ротации рот на отбор лучших солдат из армейских частей. В июне 1937 г. подразделение было развернуто в двухбатальонный Берлинский караульный полк (Wachregiment Berlin).

В его состав отбирались лучшие солдаты из всех армейских частей, соответствующих высоким требованиям: возраст 18–30 лет, рост не менее 170 см, арийское происхождение, отсутствие приводов в полицию, при этом предпочтение отдавалось добровольцам. Благодаря отбору добровольцев в составе полка служило немало фанатиков, искренне преданных идеям нацизма, к тому же личный состав части отражал все регионы Германии, в отличие от обычных соединений вермахта, сформированных по территориальному принципу. Столь высокие критерии, оставшиеся в силе до 1943 г., позволили создать и пополнять образцово-показательный полк, а затем и дивизию. В январе 1939 г. из состава Берлинского караульного полка была выделена команда сопровождения фюрера (Führer-Begleit-Kommando).

Осенью 1939 г. оставшаяся часть полка за счет 2-го батальона 92-го пехотного полка и штурмового пехотного образцового батальона (выделенного из состава пехотного образцового полка офицерской школы Дёбериц) была развернута до четырехбатальонного состава и переименована в моторизованный пехотный полк «Великая Германия» (Infanterie-Regiment (mot) «Großdeutschland») [Spaeter 1992: 20–35]. Эту часть сразу направили на Западный фронт, и в мае 1940 г. она в составе 19-го моторизованного корпуса Х. Гудериана приняла тяжелое крещение в боях на территории Бельгии и Франции, в том числе путем десан-

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

тирования одного батальона на «шторяхах». Весной 1941 г. полк воевал в Югославии, а затем в составе 2-й танковой группы Гудериана вторгся в СССР: сражались в Белоруссии, принимали участие в Киевской операции и Битве за Москву, неоднократно отличившись и показав высокий боевой дух. К концу февраля 1942 г. полк, понесший большие потери, был свернут в батальон и выведен в тыл на восстановление.

В начале апреля 1942 г. было решено развернуть «Великую Германию» в моторизованную пехотную дивизию (Infanterie-Division (mot) «Großdeutschland»). Командир полка полковник Вальтер Хёрнляйн получил звание генерал-майора и стал командиром этого соединения. Новые части, укомплектованные личным составом, отобранного по прежним высоким критериям, формировались на полигонах Дёбеириц и Ютербог под Берлином и на полигоне Вандерн и к 22 мая прибыли в состав дивизии. 31 мая «Великая Германия» прибыла в район северо-западнее Фатежа и вошла в состав 48-го танкового корпуса (далее – тк) 4-й танковой армии группы армий «Юг» для участия в стратегической операции «Блау».

К началу этой операции дивизия «Великая Германия» была полностью укомплектована и соответствовала штату, утвержденному 20 июня 1942 г. (20 006 чел., в том числе 789 офицеров и чиновников, 19 217 унтер-офицеров и рядовых), то есть по численности личного состава превосходила 110-ю кд почти в пять раз. На вооружении дивизии имелось 5 244 пистолета, 13 664 винтовки; 1 328 пистолетов-пулеметов (с учетом бортовых), 932 ручных пулемета (с учетом бортовых); 171 станковый пулемет, 35 ПТР (из них 24 тяжелых), 12 – 150-мм гаубиц, 8 – 150-мм тяжелых пехотных орудий, 16 – 105-мм гаубиц, 4 – 105-мм пушки, 24 – 75-мм легких пехотных орудия, 12 – 88-мм зенитных орудий, 41 – 50-мм противотанковое орудие, 22 – 37-мм зенитные САУ, 12 – 20-мм, а также 13 – 20-мм счетверенных зенитных установок, 6 – 150-мм шестиствольных минометов, 78 – 81-мм минометов, 54 ранцевых огнемета. Кроме того, дивизия имела 30 танков Pz.Kpfw.IV (в том числе 12 длинноствольных), 2 Pz.Kpfw.III, 13 Pz.Kpfw.II, а также 9 транспортеров Pz.Kpfw.I (для подвоза боеприпасов танкам в бою), 22 САУ StuG III (в том числе 7 длинноствольных), 18 САУ «Marder II» (трофейные советские 76,2-мм Ф-22 на базе Pz.Kpfw.II), 101 броневедомитель и бронетранспортер (далее – БТР). Всего на бронетехнике было дополнительно еще 104 орудия: 18 – 76,2-мм, 55 – 75-мм, 4 – 50-мм, 3 – 37-мм, 24 – 20-мм. Только по количеству орудий (с учетом тех, что были на танках, броневедомителях, САУ) «Великая Германия» более чем в 12 раз превосходила 110-ю кд. Если же учесть разницу в калибрах орудий, то превосходство «Великой Германии» в артиллерии возрастет еще больше.

Все части и подразделения дивизии носили наименование «Великая Германия» и номеров не имели (за исключением 1 и 2-го пехотных полков). Здесь и далее это наименование частей и подразделений соединения в целях экономии места по возможности опущено. В состав «Великой Германии» входили следующие части и подразделения: штаб дивизии; картографическое бюро; штабная рота и оркестр (численность – 193 чел.); 1-й пехотный полк (ком. – полковник Отто Кёлер; 4 382 чел., из них 125 офицеров, 757 унтер-офицеров, 3 483 рядовых, 17 чиновников);

2-й пехотный полк (ком. – полковник Ойген Гарски; 4 382 чел., из них 125 офицеров, 757 унтер-офицеров, 3 483 рядовых, 17 чиновников); артиллерийский полк (ком. – полковник Георг Яуэр; 3 297 чел.); зенитный дивизион (ком. – майор Альбрехт Эрхлебен; 1 146 чел., формально входил в состав артполка, но действовал как самостоятельная единица); мотоциклетный (разведывательный) батальон (ком. – майор Хорст фон Узедом; 1 249 чел.); танковый батальон (ком. – майор Вальтер Пёссль; 853 чел.); дивизион штурмовых орудий (ком. – майор Ханс-Иоганн Шеперс; 469 чел.); противотанковый дивизион (ком. – капитан Клаус Хакке; 481 чел.); саперный батальон (ком. – майор Карл Лоренц; 848 чел., помимо трех прекрасно укомплектованных саперных рот, включал в себя мостовой парк типа «К» и свою колонну снабжения); батальон связи (471 чел.); служба тыла (1 353 чел., в состав которой входили 10 легких, 4 большегрузных колонн топливозаправщиков, 4 транспортных колонн, 3 ремонтные роты, рота снабжения); служба продовольственных заготовок (256 чел.); медико-санитарный батальон «Великая Германия» (628 чел., из них 54 врача-офицера); отряд полевой жандармерии (67 чел.); отделение полевой почты (18 чел.); полевой запасной батальон (23 офицера, 182 унтер-офицера, 852 рядовых, 2 чиновника).

Мотопехотные полки дивизии имели по три батальона, каждый из которых состоял из трех стрелковых рот, пулеметной роты и роты тяжелого оружия (обычная моторизованная дивизия имела 4-ротные батальоны), а также 4-го батальона тяжелого вооружения, взвода связи, мотоциклетного разведывательного взвода, саперного взвода. В среднем каждый из четырех батальонов полка насчитывал 600–700 человек боевого состава (активных штыков) и около 450 человек обслуживающего персонала (чиновников, связистов, тыловых служб). В июне 1942 г. для повышения статуса моторизованных частей их стали именовать панцергренадерскими (Panzergranadier). Дивизия для выполнения поставленных задач была оснащена самым современным оружием, а некоторые его образцы, как пулемет MG-42, даже проходили в ней полевые испытания в летних боях 1942 г. Обладая мощью танковой дивизии и высокой подвижностью мотопехоты, насыщенная всеми видами артиллерии дивизия «Великая Германия», хотя и называлась моторизованной, стала прообразом «панцергренадерских дивизий» 1943 г., превосходя их и по численности, и по вооружению.

Это соединение принимало участие в операции «Блау» с самого начала. В ходе наступления от реки Тим и до Воронежа (с 28 июня по 7 июля) «Великая Германия» сражалась со 121, 160, 6-й сд, частями 14, 15 и 284-й сд, 66, 67, 102, 174, 12, 45, 101, 114, 115, 116, 164-й танковыми бригадами (далее – тбр), 308 и 381-м танковыми батальонами, 31, 4 и 111-й мотострелковыми бригадами (далее – мсбр), 2-й истребительной дивизией, 3, 47, 169, 869, 999, 1009-м отдельными стрелковыми полками (далее – сп), рядом артиллерийских подразделений и прошла с боями 200 км. По донесению командования дивизии в этих боях было уничтожено до 1,5 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе один генерал-лейтенант, взято в плен 5 253 чел. (в том числе 960 – из 6-й сд, 520 – из 121-й сд, 680 – из 160-й сд), захвачено: 204 танка, 48 орудий, 19 противотанковых пушек, 20 зенитных орудий, 2 бронепоезда, 5 грузовых поездов, 1 стро-

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

ительный поезд, большое количество минометов и пулеметов, стрелкового вооружения и боеприпасов, 250 кубометров топлива [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 153–155]. После того, как немецкое командование отказалось от расширения плацдарма за Доном, «Великая Германия» была выведена из района Воронежа и вслед за передовыми дивизиями 4-й танковой армии брошена в глубокий прорыв в тыл Юго-Западного фронта.

С 11 по 15 июля она прошла свыше 500 км до Скасырской, где перерезала пути отхода на восток войскам бывшего Юго-Западного фронта, 9 и 24-й армий Южного фронта. Преследуя отступающие войска, «Великая Германия» перехватила в Тацинской ключевую железную дорогу Лихая – Сталинград, единственную в большой излучине Дона, за два дня прошла около 100 км и вышла 18 июля к Дону в районе Константиновской, одновременно захватив плацдарм за Северским Донцом в районе хутора Броницкого. Мотоциклетный батальон и боевая группа «Кёлер» (сформированная на базе 1-го полка) начали переправу на паромках через Донец, чтобы нанести удар в тыл Южному фронту. 19 июля боевая группа «Пёссл» (танковый батальон, противотанковая рота, зенитная батарея) в ходе ожесточенного и упорного боя овладела Константиновской, а 20 июля даже пыталась переправиться на южный берег Дона на вспомогательных средствах, но огнем наших батарей была отброшена назад [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 91–93].

Однако удар в тыл Южному фронту немцам представлялся более важной целью, чем форсирование Дона. Несмотря на то, что в районе Броницкого саперы «Великой Германиии» интенсивно переправляли группу «Кёлер», туда были направлены армейские саперы – 52-й саперный батальон и 129-я мостовая колонна типа «Б». 20 июля усиленный мотоциклетный батальон начал наступление на запад, вслед за ним по мере переправы должны были наступать 2, 3 и 1-й батальоны 1-го полка О. Кёлера, усиленные противотанковой ротой и артиллерийскими батареями. Части 24 и 37-й армий не смогли остановить движение группы «Узедом», которая, пройдя с боями 60 км, 21 июля в 14.00* установила связь с 14-й танковой дивизией (далее – тд) 1-й танковой армии, а через два часа вошла в оставленный советскими войсками г. Шахты [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 95]. Чуть ранее 22-я тд вермахта заняла северную окраину Новочеркасска. Таким образом, значительная часть войск Южного фронта оказалась отрезана от переправ. Однако кольцо окружения еще не было плотным, и наши части могли прорваться сквозь него к переправам.

Все это время через переправы в Багаевской, Мелиховской и Раздорской, обороняемые 110-й кд, шел непрерывный поток людей, транспорта, техники и т.д. За период с 17 по 24 июля (когда была взорвана последняя переправа) на южный берег через них была переправлена большая часть 37, 24 и 9-й армий Южного фронта, остатки армий бывшего Юго-Западного фронта. Всего переправилось более 425 тыс. человек, 215 танков, около 1 300 орудий, более 8 тыс. тракторов и автомашин (включая установок РСЗО), 10 тыс. повозок, 22 тыс. лошадей и т.д. Переправы подвергались многочисленным налетам люфтваффе [Заярный, Очиров 2017а].

* Здесь и далее указывается местное время (московское), которое больше берлинского на два часа.

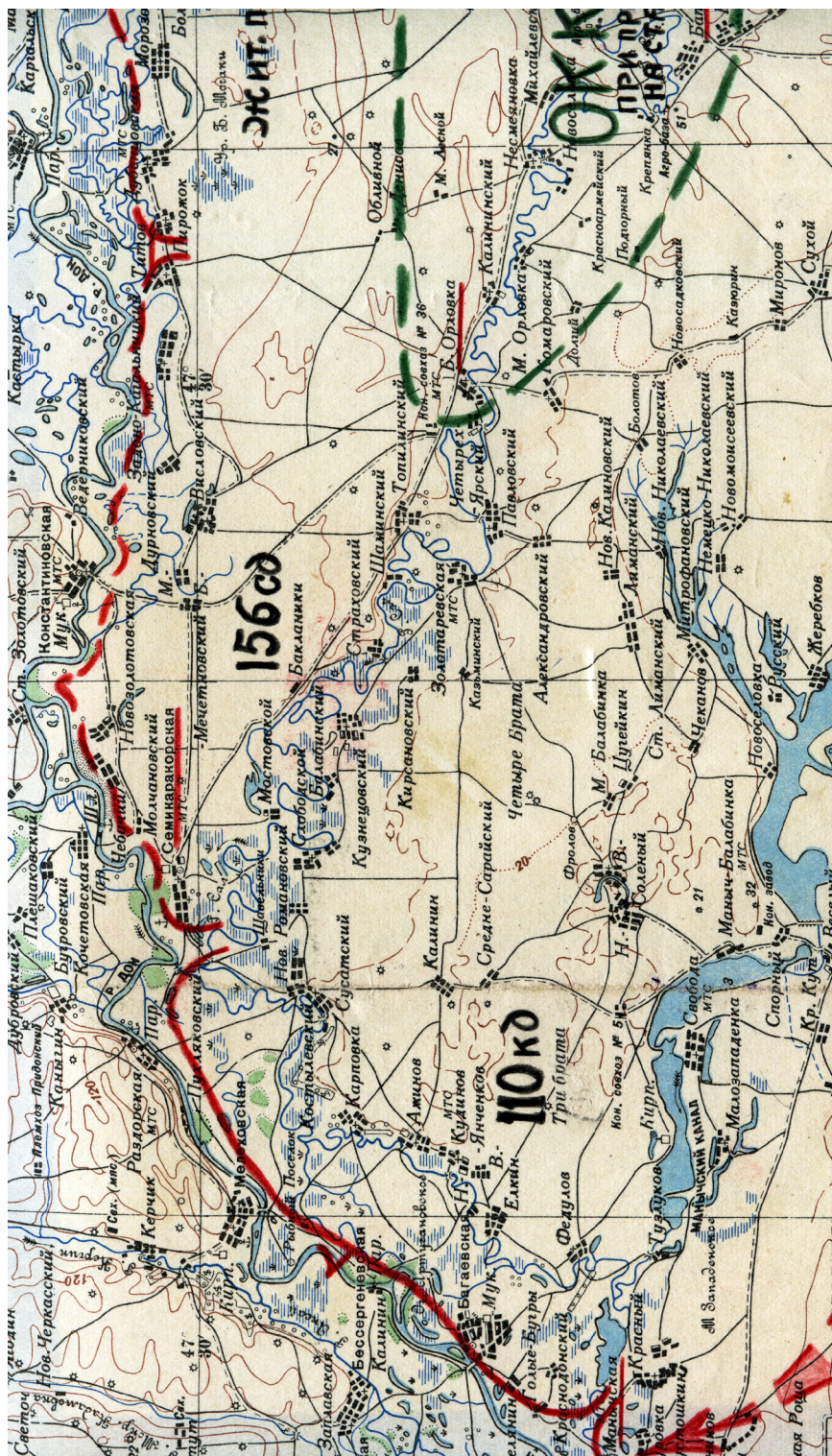
Командование 110-й кд опасалось возможной деморализации личного состава от зрелища почти полумиллионной массы отступающих и постоянных бомбежек, но дух воинов продолжал оставаться высоким. В национальном соединении была хорошо налажена политическая работа, а бойцы-калмыки старшего возраста напоминали юношам о том, что дивизия носит наименование «Калмыцкая», и призывали не опозорить имя республики и народа.

К середине июля подразделения 110-й кд располагались следующим образом. Переправу в Раздорской оборонял 2-й эскадрон 273-го кп, хутор Пухляковский – 3-й эскадрон, переправу в Мелиховской – 4-й эскадрон. 1-й эскадрон, составлявший резервную группу 273-го кп, располагался южнее оз. Гученковское. На стык со 156-й сд на правом фланге было выставлено одно отделение с ручным пулеметом [ЦАМО. Ф. 51А. Оп. 9837. Д. 28. Л. 79]. Пулеметный эскадрон был повзводно придан сабельным эскадронам. Полковая батарея находилась на огневой позиции в 400 м восточнее Ефимкина, батарея 82-мм минометов – в районе высоты с отметкой 6,2. Командный пункт (далее – КП) 273-го кп находился в 700 м восточнее Ефимкина. 2-я батарея 120-мм минометов конно-артиллерийского дивизиона была выдвинута в район оз. Листопадава.

292-й кп, оборонявший багаевскую переправу, занимал следующие позиции. Правофланговый 4-й эскадрон 292-го кп прикрывал позиции напротив хутора Калинин и имел огневую связь с соседом справа – 4-м эскадронам 273-го кп. За ним располагалась полковая батарея 76-мм орудий, обеспечивая стык 273-го и 292-го кп. 3-й эскадрон 292-го кп оборонял северо-восточную окраину Багаевской, 1-й эскадрон – юго-западную, примыкавшую непосредственно к переправе. 2-й эскадрон 292-го кп находился в резерве, располагаясь в роще восточнее Багаевской. 292-му кп были приданы 1-я батарея 76-мм орудий и 3-я батарея 120-мм минометов конно-артиллерийского дивизиона, которые вместе с полковой батареей 82-мм минометов располагались на разных позициях вокруг Багаевской [В годы 2003: 95–96].

Во 2-м эшелоне 110-й кд находился 311-й кп, занимая позиции в районе Карповки, хуторов Ажинов и Кудинов. Командование дивизии опасалось возможного удара противника через мост в районе Семикаракорской и с началом боев на правый фланг соединения выдвинуло управление 311-го кп и два эскадрона под командованием М.П. Василенко. Два других эскадрона оставались в резерве дивизии, но с выходом противника в район Мелиховской были выдвинуты к переправе под руководством зам. командира 311-го кп капитана А.К. Темирова. Место расположения полковых батарей 311-го кп, ранее находившихся в районе хуторов Ёлкин и Кудинов, в период форсирования Дона «Великой Германией» остается под вопросом. Ранее было принято считать, что они остались на прежнем месте и вместе с конно-артиллерийским дивизионом приняли бой в Ажинове. Однако направление сабельных эскадронов против возможных танков противника без поддержки артиллерии кажется не логичным. Из писем А.И. Надточия, которые раскрыли авторам судьбу отряда М.П. Василенко, известно, что в его составе имела своя артиллерия, но без снарядов [ЛИАА: Письма А.И. Надточия].

Зярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии

Район боев 110-й Калмыцкой кавдивизии с «Великой Германией».

К 15 июля командный пункт КП 110-й кд, который находился в хуторе Ажинов, имел связь через аппарат Морзе только с военно-полевым управлением штаба 51-й армии по проводам 161-го полка связи. Когда 110-ю кд передали в другое объединение, эту линию кабельно-шестовой связи сняли, а новую не провели, так как в 37-й армии, отступившей за несколько дней более чем на 200 км, не хватало проводов, хотя штабы находилось совсем рядом. Со 156-й сд (сосед справа) связь поддерживалась по телефону и через посыльных, со 157-й сд (сосед слева) – только через посыльных. Радиосвязь из-за отсутствия питания для накала и анода отсутствовала. Связь КП 110-й кд с КП полков, со 2-м эшелоном штаба дивизии и тыловыми учреждениями в хуторе Калинин поддерживалась по телефону, конными посыльными и офицерами связи. Связь с КП 292-го кп в Багаевской шла через стационарный провод гражданского наркомата связи, с КП 311 и 273-го кп – по проводам, проложенным эскадром связи 110-й кд [ЦАМО. Ф. 404. Оп. 9856. Д. 2. Л. 14].

К 17 июля на северный берег р. Дон были выдвинуты: 2-й эскадрон 273-го кп в окрестности станицы Раздорской, 4-й эскадрон 273-го кп – на северную окраину станицы Мелиховской, 4-й эскадрон 292-го кп – в район хутора Калинин [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 49. Л. 376]. В районе хутора Керчик вел разведку усиленный взвод П.Е. Сякина 2-го эскадрона 311-го кп, который вечером 18 июля принял бой с противником и понес большие потери [В годы 2003: 91; Илишкин, Оглаев 1988: 185–186]. Судя по времени боя и тому, что историки 1960-х – 1970-х гг., опиравшиеся на воспоминания очевидцев боев, предполагали, что 110-я кд столкнулась с 22-й тд и корпусами (3-м танковым, 44 и 52-м армейскими) 1-й танковой армии [В годы 2003: 91, 118, схемы № 1 и 2], свой первый наземный бой калмыцкое соединение провело не с «Великой Германией», а с 22-й тд, наступавшей с севера, из прорыва восточнее Каменск-Шахтинского.

Глубокий прорыв мобильных соединений вермахта на сотни километров, операции на окружение, переплетающиеся маршруты привели к определенной путанице в системе командования и снабжения «панцерваффе». Управление 48-го тк, в состав которого входила «Великая Германия», осуществляло руководство соединениями, сражающимися на плацдарме в районе Цимлянкой (почти в 150 км от Шахт) и отделенными от именной дивизии войсками и коммуникациями 40-го тк. Поэтому после полудня 21 июля «Великая Германия» вместе с 16-й мд, идущей по ее пятам, была передана в состав 40-го тк. Об этом Хёрнляйн сообщил командир 48-го тк генерал танковых войск Р. Файель, лично прибывший на КП «Великой Германии» в 14.30. Однако у 40-го тк также была важная цель – плацдарм в районе Николаевской, поэтому вечером того же дня для руководства дивизиями в районе Багаевской – Раздорской, было выделено новое управление – 24-го тк, прибывшее из-под Воронежа [NARA. T 315. R 2282. Fr. 94, 96].

Хёрнляйн еще до захвата Шахт стал сомневаться в целесообразности выполнения приказа о наступлении через Шахты на Ростов, а после известия о выходе 22-й тд к Новочеркаску решил отказаться от его выполнения и повернул 1-й полк, следующий за группой «Узедом», на юг [NARA. T 315. R 2282. Fr. 95]. Командир 24-го тк генерал танковых войск барон

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

В. фон Лангерман-унд-Эрленкамп, прибывший после обеда в штаб Хёрнляйна, согласился с этим решением, а вечером, приняв командование над «Великой Германией», отдал новый приказ, согласованный с вышестоящим командованием: в связи с большим скоплением советских войск в районе Раздорская – Мелиховская немедленно свернуть на юг и уничтожить эти силы между Доном и дорогой Броницкий – Шахты. Старая задача о наступлении через Шахты к Ростову теперь должна была выполняться только при получении нового приказа [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 96].

«Великой Германии» 21 июля на северном берегу Дона противостояли остатки 102-й сд (оборонявшие подходы к Мелиховской), 180-й запасной сп 24-й армии (оборонявший подходы к Пухляковскому), остатки 74-й сд (оборонявшие подходы к Раздорской), которые оказались разгромлены и частично пленены. Передовые отряды 110-й кд приняли также участие в этих боях. Понятно, что несколько взводов калмыцкого соединения не могли надолго остановить движение превосходящих сил противника, но кавалеристы достойно показали себя в первых схватках, в том числе действуя из засад. В одном из этих боев отличился сержант Э.Т. Деликов, первым из уроженцев Калмыкии за этот подвиг удостоенный (посмертно) звания Героя Советского Союза. История боев «Великой Германии» с нашими войсками на северном берегу Дона, в том числе с передовыми отрядами 110-й кд, была ранее описана авторами, поэтому интересующихся данной темой мы отсылаем к указанной статье [Заярный, Очиров 2017а].

К вечеру 21 июля батальоны 1-го полка «Великой Германии» имели следующую дислокацию: 2-й батальон атаковал хутор Керчик, 3-й батальон оказался в 2 км севернее хутора Пухляковский, а 1-й батальон с ротой САУ противотанкового дивизиона западнее хутора Коныгин вел тяжелый бой с советскими танками и пехотой [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 96]. Мотоциклетный батальон в районе Среднего Керчика охранял тылы 1-го полка от возможных ударов окруженных войск Южного фронта. Все указанные силы входили в состав группы «Кёлер», усиленной 1 и 2-й батареями зенитно-артиллерийского дивизиона и ротой противотанкового дивизиона [Spraeter 1992: 367]. Танковый батальон передал Константиновскую 3-й тд и выдвинулся к переправе через Донец, но из-за нехватки топлива остановился. Лишь вечером «юнкерс» доставил им 6 м³ топлива, что позволило одной танковой роте переправиться на западный берег Донца и поддержать ранним утром 22 июля атаку 1-го батальона 1-го полка на Раздорскую. Части 2-го полка и дивизион штурмовых орудий «Великой Германии» отстали из-за нехватки топлива. 2-й батальон 2-го полка и 5-я батарея ап начали переправу утром 22 июля, а подход к переправе через Донец 1-го батальона 2-го полка и 52-го саперного батальона ожидался лишь 22 июля [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 96].

Ранним утром 22 июля 2 и 3-й батальоны 1-го полка атаковали соответственно Мелиховскую и Пухляковский и к 8 часам утра захватили их. 4-й эскадрон 273-го кп, оборонявший Мелиховскую, под давлением противника отступил в беспорядке [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 178]. Панцергренадеры, используя моторные и надувные лодки, уже к 10.30 создали небольшие плацдармы на южном берегу Дона. Саперный взвод

1-го полка смог собрать на основе надувных лодок паром и стал искать паром, которые советские понтонеры не смогли разобрать и спустили вниз по течению [Spaeter 1992: 368–369]. Плацдарм напротив Пухляковского расширить немцы не смогли, как они утверждали, из-за условий местности: большое количество плавней и проток, заболоченность территории, густые заросли («джунгли растительности вдоль берега реки»). Перевод наш. – С. З., У. О.) [Spaeter 1992: 368] и отсутствия подъездных дорог на северном берегу [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 98]. Однако плацдарм напротив Мелиховской 3-я рота 2-го батальона к вечеру успешно расширила, отбив атаки наших подразделений.

1-й батальон 1-го полка «Великой Германии», усиленный танковой ротой (5–7 танков), атаковал Раздорскую в 5 часов утра, но смог сломить сопротивление ее защитников (3-й батальон капитана Ф.Д. Карпова 25-го пограничного полка и 3-й батальон майора В.Е. Булочкина 1-го полка милиции войск НКВД по охране тыла Южного фронта, а также 2-й эскадрон 273-го кп 110-й кд старшего лейтенанта М.С. Джимбеева) лишь при поддержке люфтваффе ближе к полудню, когда завершилась переправа всех наших частей. В 11 часов немецкие минометы повредили паром, поэтому пограничникам, милиционерам и кавалеристам, понесшим значительные потери, пришлось переправляться на лодках и подручных средствах.

22 июля в 13.00 на КП «Великой Германии» вновь прибыл командир 24-го корпуса, который отдал устный приказ Хёрнляйну после форсирования Дона наступать через Ажинов и Сусатский на Тузлуков, чтобы захватить переправу на Маныче и перекрыть пути отступления на восток отступающему из Ростова противнику. Начальник оперативного отдела «Великой Германии» указал, что исполнение такого большого задания зависит от наличия горючего и поддержки инженерных подразделений, но командир корпуса пообещал предоставить все необходимое [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 97].

Согласно донесению «Великой Германии» в период с 19 по 22 июля было убито до 1 000 солдат и офицеров противника, взято в плен – свыше 12 000 (в том числе 2 100 – из 74-й сд, 1 200 – из 295-й сд, 800 – из 5-го кавкорпуса, 780 – из 73-й сд, 400 – из 275-й сд, 300 – из 102-й сд, 3 000 – из строительных и иных подразделений 7-й саперной армии, 4 000 – из тыловых учреждений), захвачено 228 танков, 15 орудий, 17 противотанковых пушек, 5 зенитных орудий, 700 тракторов, 190 автомашин [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 156–161]. Следует заметить, что среди воинов РККА, плененных «великогерманцами» в указанный период, бойцы Калмыцкой кавдивизии не упоминаются.

Таким образом, из трех действующих в полосе обороны 110-й кд переправ утром 22 июля прекратили работу раздорская и мелиховская. Основная масса наших войск теперь переправлялась по багаевской переправе. Мотоциклетный батальон «Великой Германии», установив контакт с 14-й тд, 22 июля получил приказ выдвинуться к этой переправе через Бессергеновскую, зачистив по пути местность к югу от Мокрого Керчика. Однако в 5 км севернее Бессергеновской боевой дозор этого батальона попал под огонь, потерял подбитыми две бронемашинны со стрелками и был вынужден перейти к обороне [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 96–97].

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

Вечером 22 июля Южный фронт приказал 37-й армии, в состав которой была передана 110-я кд: «По выходу войск 37-й армии на левый берег р. Дон, оборону Дона занять тремя стрелковыми дивизиями (имелись ввиду 74, 295, 230-я сд. – С. З., У. О.), выведя в армейский резерв район Павлов, Кирсановский, Старокузнецовский одну стрелковую дивизию и 110 кд» [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 6. Л. 122]. Командование 37-й армии сразу же выпустило соответствующий приказ: с 23.15 22 июля 74-я сд должна была сменить левофланговый полк 156-й сд на участке Константиновская – Семикаракорская; 295 и 230-я сд должны были сменить 110-ю кд на рубежах Семикаракорская – Мелиховская и Мелиховская – Багаевская соответственно [В годы 2003: 99]. Однако обстановка складывалась так, что командарм-37 генерал-майор П.М. Козлов был вынужден оставить Калмыцкую кавдивизию на прежнем рубеже обороны. Дело в том, что, без учета 156-й сд и 110-й кд, переданных из 51-й армии, в отступившей через Дон 37-й армии на 23 июля вместе с танковыми и артиллерийскими частями насчитывалось всего 10 485 чел. (см. табл. 1). Переправившиеся соединения собирали бойцов и приводили свои части в порядок после боев под Шахтами и Новочеркасском, артиллерийские полки дивизий потеряли большую часть орудий и техники, почти полностью отсутствовали боеприпасы. Особенно слабо были вооружены 230 и 295-я сд, которые должны были сменить 110-ю кд. На их фоне кавдивизия, несмотря на понесенные в предыдущих боях потери, выглядела более боеспособной.

Таблица 1. Боевой состав 37-й армии на 23 июля 1942 г.

Соединения и части	Бойцов и командиров	Лошадей	Винтовок	Автоматических винтовок	ППД и ППШ	ППР	Станковых пулеметов	Ручных пулеметов	Зенитных пулеметов	Танков	122-мм орудий и гаубиц	76-мм орудий	45-мм орудий	Зенитных орудий	120-мм минометов	82-мм минометов	50-мм минометов
74 сд	3816	1190	1638	92	87	56	28	6	–	–	8	16	8	–	6	24	14
102 сд	1057	94	560	28	30	36	–	10	–	–	–	4	4	–	–	15	19
156 сд	8548	1077	6137	62	765	262	76	172	1	–	12	28	30	–	18	84	88
230 сд	947	184	497	15	35	1	–	8	2	–	–	3	2	–	–	22	23
275 сд	1864	312	536	34	20	5	3	5	3	–	3	12	1	3	–	11	–
295 сд	959	140	343	21	28	11	9	10	–	–	–	12	6	–	3	5	–
110 кд	4597	4640	3171	34	532	58	26	67	9	–	–	14	8	–	8	18	48
5 гв.тбр	266	–	150	9	35	–	1	3	–	6	–	–	–	–	–	–	–
15 тбр	414	–	127	37	14	–	–	2	1	10	–	–	–	1	–	–	–
41 мсбр	136	–	39	6	12	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
268 аап	1026	–	528	52	19	–	35	15	–	–	16	–	–	–	–	–	–
Итого	23630	7637	13726	390	1577	429	178	298	16	16	39	89	59	4	35	179	192

Таким образом, приказ командования Южного фронта и 37-й армии не был выполнен, однако утверждение о наличии сд и кд в резерве Южного фронта в полосе 37-й армии западнее Веселого вошло в классическую «Историю Второй Мировой войны» [История 1975: 200].

В 1.05 ночи 23 июля командование 110-й кд доложило командарму-51, еще не зная, что соединение передано в состав 37-й армии Южного фронта: «Переправы в Раздорской, Пухляков, Мелиховская занимают войска противника; продвижения вперед нет. Находившийся в Мелиховская эскадрон 273 кп, атакованный автоматчиками, оставил оборонительные позиции, и в беспорядке отошел на левый берег р.Дон. Сообщения от эскадрона не поступили. В течение 22.7 подразделения 273 и 311 кавполков вели бои с противником в районе Раздорская, Пухляков и Мелиховская. В ночь на 23.7.1942 будет организована ночная атака противника» [NARA. T 315. R 2282. Fr. 178]. К сожалению, документы 110-й кд о боях на Дону большей частью в ЦАМО пока не найдены. Даже процитированный выше документ был выявлен в архиве США, став таким образом «двойным трофеем». В воспоминаниях ветеранов 110-й кд есть упоминания о ночных атаках, но они относятся к последующим дням [В боях 1969: 117–118; В годы 2003: 108; ЛАА: Воспоминания Н.В. Бадьинова].

23 июля основные бои развернулись в центре и на левом фланге 110-й кд: «Великая Германия» пыталась развить успех переправы у Мелиховской и захватить плацдарм у Багаевской. В районе Раздорской немцы, подтягивая дополнительные силы, в том числе тяжелую артиллерию и инженерные подразделения, вели себя пассивно. Правда, есть сообщение командования Южного фронта о том, что в этот день в районе Раздорская переправилось до батальона вражеской пехоты, которая к полудню вела бой в районе оз. Борщевское [ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1010. Л. 249]. Однако это озеро находится напротив Пухляковского, поэтому, по всей видимости, здесь идет речь не о десанте из Раздорской (1-й батальон), а о 3-м батальоне 1-го полка и о боях в районе оз. Золотое.

Утром части мотоциклетного батальона фон Узедома, усиленные двумя батареями тяжелых орудий и ротой танков, вновь атаковали Бессергеновскую, но были обстреляны 2-м эскадром 292-го кп (ком. – лейтенант П.С. Еремин), который, принудив немцев замедлить движение, отступил на южный берег. В 9 утра мотопехота на 8 БТР при поддержке 3 средних танков и 3 броневедомостей вышла к багаевской переправе и дважды безуспешно пыталась захватить ее при активной поддержке люфтваффе, артиллерии и минометов. По воспоминаниям командира 292-го кп майора С.И. Оринчико, немцы потеряли танк, 2 броневедомости и 4 БТР. В 15.30 после часовой бомбардировки люфтваффе и полчасовой минно-артиллерийской подготовки немцы вновь ринулись в атаку, трижды прорывались на мост, но были отброшены [В боях 1969: 85–86]. Срыв атаки из-за сильного огня и потерю танка подтверждают и немецкие документы [NARA. T 315. R 2282. Fr. 99]. Вечером на помощь к группе «Узедом» был направлен 2-й батальон 2-го полка, который ранее прикрывал тылы 1-го полка от возможных прорывов окруженных сил Южного фронта.

**Зярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

Серьезные бои шли и в районе мелиховской переправы. Согласно донесению командования Южного фронта 7.30 в районе Пухлякова переправилась группа противника силой до роты с минометами, но в результате контратак наших войск к 16.00 большая часть группы была уничтожена [ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1010. Л. 251]. Однако в журнале боевых действий «Великой Германии» за 23 июля уничтожение этой группы не подтверждается: «Противник пытается в течение дня атаковать плацдармы Мелиховская и Пухляковский слабыми силами, но хорошо поставленным артиллерийским и пулеметным огнем атаки отбиты. Действиями разведки плацдармы расширены дальше в направлении Ажинов. Все патрули сообщают о плохих дорожных условиях местности (сильно заболочена). Особенно беспокоит авиация противника, которая пытается предпринимать штурмовку на малых высотах переправ на Дону» [NARA. T 315. R 2282. Fr. 99]. Следует отметить, что левобережная, заболоченная пойма Дона сама по себе представляла серьезное препятствие для наступления «великогерманцев». Там, где относительно легко передвигались кавалеристы и пехотинцы, даже гусеничная бронетехника могла пройти не везде, а для колесного транспорта эта местность фактически была непроходимой. Мало того, передовые немецкие отряды оказались в зоне действия собственной артиллерии и минометов, бьющих с высокого правого берега через головы своих солдат. С другой стороны, любые передвижения кавалеристов хорошо были видны с высокого правого берега и разу накрывались минометным и артиллерийским огнем.

После полудня 23 июля в штаб 110-й кд прибыл член Военного совета 37-й армии бригадный комиссар И.Ф. Абаулин, сообщивший решение командарма о том, что калмыцкое соединение оставлено на старых рубежах. Абаулин отметил стойкость и боеспособность 110-й кд и заявил, что Военный совет доволен ее действиями, пообещав поддержку огнем артиллерии и РСЗО («катюш»). К сожалению, на самом деле артиллерийский огонь по вражеским плацдармам велся sporadически, реального усиления артиллерийской поддержкой и боеприпасами оставленной в обороне кавдивизии не произошло. Приказы соединениям 37-й армии по занятию рубежей обороны по левому берегу Дона, выдвигению на эти рубежи артиллерии и «катюш» выполнялись с задержкой или не выполнялись вовсе со ссылкой на сбор частей после переправы, отсутствие боеприпасов. В своем донесении от 23 июля командующий артиллерией 37-й армии генерал-майор артиллерии М.И. Неделин (будущий Главный маршал артиллерии и первый Главком РВСН) сообщил начальнику артиллерии Южного фронта генерал-майору артиллерии И.Я. Жуку, что только 2 орудия 268-го ап находятся на огневой позиции в Карповке, остальные 14 орудий без снарядов остались в районе хутора Калинин. 295-й сд удалось собрать 17 орудий, но имеется большой некомплект в орудийных расчетах, совершенно нет снарядов. Данных о нахождении артиллерии 74 и 230-й сд нет. Приданные 37-й армии 43 и 49-й гв. минометные полки самовольно отошли после переправы в тыл [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 774. Д. 3. Л. 364].

Согласно карте залпов 22 июля РСЗО дали залп из двух установок, а 23 июля – залп батарей. Согласно журналу боевых действий 49-го гв. минометного полка, входивший в его состав 270-й дивизион 23 июля в 19.00

произвел дивизионный залп из района Сусатского по немецкой мотопехоте, сосредоточенной у Раздорской [ЦАМО. Ф. 49гмп. Оп. 120244. Д. 7. Л. 13]. Эти залпы, особенно огонь «катюш», не только наносили урон противнику, но и поднимали боевой дух наших бойцов. В результате на немецких позициях возникли большие пожары и отмечались сильные взрывы [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 774. Д. 3. Л. 355]. Это подтверждает и противник: «Артиллерия противника (также залповые орудия) и минометы вызвали пожары на плацдармах» [NARA. T 315. R 2282. Fr. 99].

Однако основная нагрузка боев на данном участке 23 июля легла на 110-ю кд, о чем свидетельствует сводка Генштаба, направленная И.В. Сталину: «110 кд, отбросив отдельные группы автоматчиков противника, пытавшихся форсировать р. Дон в районах Семикаракорская, Мелиховская, продолжала вести бой в районе Пухляков. Южный берег р. Дон в районе Пухляков очищен от противника» [ЦАМО. Ф. 28(16). Оп. 1072. Д. 481е. Л. 211]. Майор Генштаба Д. Лебедев, прикомандированный к штабу 37-й армии, в своем докладе о ее действиях в июле 1942 г. отметил, что 295-я сд, выдвигаемая на участок Семикаракорская – Мелиховская шириной 27 км для смены части 110-й кд, была совершенно не способна к серьезному бою и имела всего 300 человек при 110 винтовках и 6 станковых пулеметах. При проверке 23 июля фактического состояния 295-й сд Лебедев установил, что переправу у Раздорской прикрывали 23 активных штыка, 1 пулемет, 1 – 45-мм пушка. В районе моста, находившегося в 3 км юго-западнее Семикаракорской, оборонялись 9 человек при 1 станковом пулемете. Ввиду этого, командарм-37 П.М. Козлов приказал начальнику управления укомплектования армии майору Загурьяни и командиру 295-й сд подполковнику Н.Г. Сафарьяну собрать для соединения в течение ночи на 24 июля 5 тыс. чел. (по факту этого не было сделано) [ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8898. Д. 19. Л. 24].

Следует заметить, что в этот период в междуречье Сала и Маныча бродили неорганизованные массы солдат из армий Южного и бывшего Юго-Западного фронтов. Заградотряды войск по охране тыла Южного фронта только за период с 20 по 23 июля направили в 180-й (Батлаевская) и 189-й (Большая Таловая, в 30 км северо-восточнее Мечетинской) запасные стрелковые полки 20 808 военнослужащих и 287 автомашин, оторвавшихся от своих частей после переправы и блуждающих по тылам [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. Л. 203]. Этой массы людей было достаточно, чтобы удвоить численность 37-й армии.

Тем временем саперный батальон «Великой Германии», работавший на обеспечении паромной переправы у Броницкого, был сменен саперным батальоном 16-й моторизованной дивизии. Новое подразделение было подчинено Хёрнляйну, также, как 52-й саперный батальон и 129-я мостовая колонна, к 17.00 построившие 10-тонный мост через Донец [NARA. T 315. R 2282. Fr. 97–98]. Однако танки и тяжелую технику по-прежнему приходилось переправлять паромами, что ограничивало скорость переброски танкового батальона «Великой Германии» на западный берег Донца. Вечером к переправе прибыл 3-й батальон 2-го полка. За ним должны были подойти 1-й батальон и полковая артиллерия 2-го полка. В арьергарде двигались дивизион штурмовых орудий и 2-й дивизион ап «Вели-

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

кой Германии». Вслед за ними шли колонны 16-й мд генерал-лейтенанта З. Хенрици, в которую входили 60 и 156-й пехотные (моторизованные) полки, 146-й ап, а также батальоны: 116-й танковый, 165-й мотоциклетный, 228-й противотанковый, 675-й саперный, 228-й связи, 228-й интендантский, 228-й медицинский.

Ближе к вечеру 23 июля Хёрнляйн получил радиogramму из штаба 1-й танковой армии о третьей смене подчиненности за двое суток: управление 24-го корпуса убыло в 6-ю армию Ф. Паулюса, наступающую на Сталинград (навстречу своей гибели), а «Великая Германия» и 16-я мд объединялись в группу (корпус) «Великая Германия», которую как старший по званию возглавил З. Хенрици. Еще 20 июля после форсирования Северского Донца мд «Великая Германия» и 16-я мд были переданы вместе с командованием 24-го танкового корпуса из 4-й танковой армии в состав 1-й танковой армии. Вечером из штаба 1-й танковой армии поступает приказ: группе «Великая Германия» нанести удар через Сусатский – Ажинов на Спорный и создать плацдарм на южном берегу Маныча [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 100]. В ночь с 23 на 24 июля многочисленные советские самолеты беспрепятственно нанесли удар по немецким плацдармам [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 101].

Для форсирования Дона группе «Великая Германия» с 24 июля из группы армий «А», 1 и 4-й танковых армий придаются артиллерия резерва главного командования, а также инженерные части и подразделения: штаб 704-го ап особого назначения, 3-й дивизион мортир (вооружен 211-мм мортирами Mrs 18) 109-го ап, 731-й моторизованный тяжелый артиллерийский дивизион (150-мм пушки К 18), 2-й дивизион 52-го ап (без двух батарей), 2-й дивизион 60-го ап (без одной батареи; 100-мм пушки К 17), 3-й дивизион 146-го ап, две батареи 161-го образцового полка шестиствольных минометов («Небельверферы»), все исправные танки 1-го полка танковосстановительной группы, штаб 673-го саперного полка особого назначения, 46, 70, 666-й моторизованные саперные батальоны, 992-й штаб мостового строительства с 14 (полностью или частично) мостостроительными колоннами типа «Б»: 1, 13, 26, 2/41, 61, 97, 106, 112, 129, 1/404, 1/406, 1/413, 1 и 2/415, 627-я, подразделения 131 и 155-го строительных батальонов и группы имперской трудовой службы. Для прикрытия переправ с воздуха к уже имеющимся частям ПВО придавались 602-й зенитный батальон и рота 616-го зенитного батальона [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 781–790].

Вечером 23 июля, в 23.14, поскольку 74, 230 и 295-я сд так и не заняли оборону по левому берегу Дона, штаб 37-й армии повторно выпустил приказ №0041/оп о смене 110-й кд и левофлангового полка 156-й сд силами 74-й сд (на участке 530-го полка 156-й сд), 295-й сд (на участке 273-го кп 110-й кд) и 230-й сд (на участке 292-го кп 110-й кд). 110-я кд должна была выйти в резерв и составить ударную группу для парирования вражеских прорывов. Однако по вышеуказанным причинам приказ исполнен не был.

24 июля немцы повели атаки практически по всему фронту 110-й кд, нащупывая слабое звено. К тому времени части 110-й кд располагались следующим образом. Багаевскую переправу оборонял 292-й кп Ориноч-

ко. Плацдарм напротив Мелиховской, занятый 2-м батальоном 1-го полка «Великой Германии», блокировала группа Темирова (2 и 3-й эскадроны 311-го кп). Плацдарм напротив Пухляковского, занятый 3-м батальоном 1-го полка «Великой Германии», блокировала часть 273-го кп Бабкова. На позиции напротив Раздорской ночью вернулся 3-й батальон 25-го пограничного полка, который ранее вместе со 2-м эскадроном 273-го кп защищал станицу. Левый фланг пограничников должна была прикрывать приданная им рота милиции, но ночью она отстала от колонны и покинула район сражения. На самом крайнем правом фланге 110-й кд находилась группа капитана Василенко (управление, 1 и 4-й эскадроны 311-го кп) для отражения возможной атаки противника от Семикаракорской. В 22.00 КП 311-го кп, пострадавший от немецкой бомбежки, перешел в хутор Новоромановский в 4 км северо-восточнее Сусатского, а 1-й эскадрон был выдвинут для охраны моста через Сал на перекресток дорог между Семикаракорская, Раздорская и Сусатский.

В районе Багаевской группа «Узедом» после ожесточенной бомбардировки и под прикрытием артиллерии вновь попыталась захватить мост, но была отброшена, потеряв 2 танка, 5 бронемашин и 2 орудия. В 12.00 багаевский мост взорвали. 292-й кп понес заметные потери: «убито и ранено до 150 человек, более двухсот лошадей выведено из строя. Полк лишился одной полковой и одной противотанковой пушек, одного миномета, двух станковых пулеметов и 3 пультачанок» [НА КалмНИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 63. Л. 9]. К вечеру 292-й кп сдал участок подошедшей наконец 230-й сд и убыл на правый фланг 110-й кд. После взрыва моста противник утратил интерес к этому району. Батальон фон Узедома вернулся к Керчику, передав свои позиции части 2-го батальона 2-го полка. Майор фон Узедом убыл по болезни, а его батальон принял ротмистр Ватьен.

В центре 2 и 3-й батальоны 1-го полка «Великой Германии» пытались объединить свои плацдармы, но потерпели неудачу. 2-й батальон под воздействием ударов наших войск отошел с плацдарма напротив Мелиховской, оставив на нем лишь усиленную роту. После этого батальон перешел в Раздорскую и к ночи переправился здесь на южный берег вместе с тяжелым вооружением. 3-й батальон, наступая с плацдарма у Пухляковского, смог вдоль берега продвинуться в район напротив Раздорской и способствовал беспрепятственной переправе 1-го батальона. Дальнейшая судьба плацдарма напротив Пухляковского вызывает вопросы. В немецких документах после 24 июля он исчезает. Советские документы, как уже упоминалось, за эти дни не сохранились. Скорее всего, плацдарм у Пухляковского был уничтожен и произошло это, если верить воспоминаниям ветеранов 110-й кд, в результате атаки в ночь на 25 июля.

В 7.30 под прикрытием огня трех минометных батарей и танковых пушек 1-й батальон 1-го полка на штурмовых и надувных лодках начал переправу в 1 км юго-западнее станицы Раздорская и соединился на том берегу с 3-м батальоном [NARA. T 315. R 2282. Fr. 101]. 2-й эскадрон 273-го кп старшего лейтенанта М.С. Джимбеева, понесший ранее тяжелый урон в бою за Раздорскую, был атакован двумя ротами автоматчиков и окружен, но смог вырваться, хоть и с большими потерями. Согласно наградному листу на орден Красной Звезды, в том бою Джимбеев лично

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

уничтожил 15 автоматчиков врага [ОБД «Подвиг народа»: Джимбиев]. Его однокашник по Тамбовскому училищу старший лейтенант В.А. Пономарев в этот день случайно встретился с Джимбеевым и позже вспоминал, что он так сильно был огорчен большими потерями, что хотел отдать «себя в руки военного трибунала» [Илишкин, Оглаев 1988: 205–206].

Высадившийся 1-й батальон попытался расширить плацдарм, но на реке Безымянная (Ерик Кривой) он натолкнулся на 3-й батальон 25-го пограничного полка. Однако к 13.15 11, 13, 15-я заставы израсходовали 100 % боеприпасов, а остальные подразделения – 70–80 %, и в 15.00 3-й батальон был вынужден отойти в хутор Сусатский, где находились штаб и подразделения 295-й сд. Сменивший его 2-й батальон 25-го полка удерживал берег Безымянной до 18.00, но после израсходования боеприпасов также отошел в Сусатский. Там пограничники получили приказ на вывод 25-го полка из района боевых действий [РГВА. Ф. 32910. Оп. 1. Д. 29. Л. 17–19].

В 14.00 на КП Хёрнляйна прибыл командир группы «Великая Германия» Хенрици. Генералы, обсуждая возможности переправы через Дон, выехали в Раздорскую [NARA. T 315. R 2282. Fr. 102]. Инженерная разведка, проведенная накануне, показала, что только местность в Раздорской (наличие подъездных путей) дает возможность для быстрого наведения моста через Дон. Исходя из этого, Хенрици принял решение о постройке моста, способного переправлять танки и тяжелую технику, в этом месте.

С наступлением темноты 24 июля 1-й полк О. Кёлера подошел к северо-западной окраине Сусатского. Одновременно немцы проводили разведку путей в заболоченной местности. К ночи полк располагался так: спереди был 1-й батальон, за ним находился 3-й, который выдвинул восточнее, юго-восточнее и южнее Раздорская небольшие посты охранения. Только что переправившийся 2-й батальон располагался справа сзади [NARA. T 315. R 2282. Fr. 101–102]. В течение ночи через Дон переправился танковый батальон В. Пёссля. Вечером Хёрнляйн издал приказ, согласно которому 25 июля 2-му батальону 2-го полка поручалась отвлекающая атака с плацдарма у Мелиховской, а 1-й полк и танковый батальон должны были занять Сусатский и создать плацдарм за речкой Сусат [NARA. T 315. R 2282. Fr. 102–103].

Командование 110-й кд продолжило стягивать в полосу 273-го кп резервы, изыскивая их, где возможно. Из Багаевской прибыл 2-й эскадрон 292-го кп, с правого фланга – 4-й эскадрон 311-го кп. К исходу 24 июля с армейской базы снабжения возвратилась колонна артиллерийского парка с боеприпасами, что оказалось весьма кстати, так как у минометчиков заканчивались мины. В ночь с 24 на 25 июля, в 2 часа 273-й кп, 2-й эскадрон 292-го кп и 4-й эскадрон 311-го кп (половина сабельных эскадронов дивизии) под руководством зам. командира 110-й кд полковника В.А. Хомутникова после залпа, произведенного 270-м гв. минометным дивизионом, провели атаку в пешем строю и выбили противника с плацдарма [В годы 2003: 108]. В книге, написанной в 1970-х гг., утверждалось, что в ходе ночной атаки были разгромлены две роты автоматчиков, захвачены танки и десятки автомашин, наличие которых вызывает сомнения, учитывая непроходимость местности. Согласно воспоминаниям командира взвода 4-го эскадрона 311-го кп младшего лейтенанта Н.И. Даржинова,

участвовавшего в той атаке, на поле боя осталось 40 убитых солдат противника, оружие и боеприпасы [В боях 1969: 117–118].

После ликвидации плацдарма у Пухляковского сабельные эскадроны заняли новые позиции: частью сил вдоль берега (для предотвращения новых десантов), частью сил против плацдарма у Раздорской в районе озеро Золотое. Их линия обороны левым флангом примыкала к группе 311-го кп А.К. Темирова, блокирующей кратчайший путь от плацдарма у Мелиховской к хуторам Карповка и Ажинов. К 5.00 292-й кп занял тремя эскадронами новый рубеж обороны по реке Сусат на участке от хутора Сусатский до впадения реки Сусат в Дон, организовав вторую линию обороны дивизии. Конно-артиллерийский дивизион 110-й кд сконцентрировался за правым флангом, ближе к Сусатскому. В хуторе Сусатский находился штаб 295-й сд, подразделения которой с 24 июля стали выходить на рубеж обороны в районе станицы Раздорской по левому берегу Дона. Этим подразделениям сразу же пришлось вступить в бой с противником, ведя его в тесном взаимодействии с частями 110-й кд.

Согласно политдонесению 37-й армии начальнику политуправления Южного фронта бригадному комиссару И.М. Гришаеву за 24 июля войска 37-й армии занимали и совершенствовали оборону по левому берегу Дона, приводили себя в порядок. Только части 295-й сд и 110-й кд в течение дня вели упорный бой с переправившимся противником в районах Раздорской, Пухляковского, Мелиховской. На остальных участках фронта противник активности не проявлял и вел редкий артиллерийский и минометный огонь по боевым порядкам наших частей [ЦАМО. Ф. 37А. Оп. 8900. Д. 17. Л. 39]. Судя по этому донесению, командование 37-й армии недооценило значение создания плацдарма у Раздорской, поставив его на один уровень с плацдармами у Мелиховской и Пухляковского. Тем не менее, командование 37-й армии осознавало низкую степень боеготовности 295-й сд, и для ликвидации плацдарма у Раздорской ей на помощь направлялись 74-я сд, которая по приказам от 22 и 23 июля должна была сменить левофланговый полк 156-й сд, и малочисленная 41-я мсбр с приданными ей легкими танками.

Штаб Южного фронта, судя по оперативной директиве № 0432/оп, отданной 24 июля в 21.30 37-й армии, Раздорская тоже не особо беспокоила (он неправильно оценил силы противника и предполагал, что кавалеристам при поддержке артиллерии и авиации удастся предотвратить наведение мостовой переправы), гораздо больше его волновал плацдарм у Николаевской, захваченный 40-м тк, борьба с которым находилась под жестким контролем Ставки. Мало того, фронт требовал вывести с этого участка 110-ю кд в резерв, причем даже не армейский, а фронтовой. Это снимало с командования 37-й армии ответственность за судьбу кавдивизии, волею случая временно оказавшейся в ее подчинении. Согласно этой директиве 37-я армия (в составе 156, 74, 275, 295, 230, 102-й сд, сводного отряда 9-й армии полковника Демчука, сводного танкового батальона, 268 и 1230-го армейских ап, 727-го легкого ап, 25 и 43-го гв. минометных полков) должна была прочно оборонять левый берег Дона на фронте Константиновская – Багаевская. При этом одна дивизия находилась в резерве за правым флангом. Также надлежало выделить подвижные отряды для уничтожения групп противника, прорвавшихся

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

в район Малая Орловка и для обеспечения переправ через Сал на участке Михайловский – Большая Орловка. Еще один отряд должен был прикрыть переправы у Манычстроа. 110-й кд предписывалось после замены частями 37-й армии к утру 26 июля выйти в район Верхний Хомутец – Голубовка – Заполос [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 6. Л. 137–139].

Совершенно очевидно, что сил, выделенных 37-й армии на ликвидацию плацдарма у Раздорской, было явно недостаточно. Согласно докладу майора Лебедева 74-я сд (3,8 тыс. чел.), которой ранее приказывалось сменить 530-й сп 156-й сд, все еще приводила себя в порядок и совершала марш, чтобы выйти на южный берег Сала к Ново-Романовскому. 41-я мсбр имела до 100 человек и «10 танкеток» (на самом деле, речь шла о легких танках Т-60 15-й танковой бригады. – С. З., У. О.). 295-я сд имела в своем составе 250–300 чел., 110 винтовок, 6 станковых пулеметов без расчетов и 3 коробками с патронами, 4 – 45-мм и 76-мм орудия. Несмотря на приказ командарма Козлова о пополнении этого соединения, к вечеру 24 июля начдив Сафарьян получил всего 100 штыков [ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8898. Д. 19. Л. 23–24]. При этом бойцов 295-й сд, переправившихся на южный берег Дона и отставших от своих частей, заградотряды отправляли за Маныч, где всего в 40–50 км от передовых позиций 37-й армии находилась 9-я армия, в составе которой числились кавалерийский корпус, восемь стрелковых дивизий, две истребительные бригады, семь отдельных артиллерийских полков. Большинство из них не имели оружия, но из числа вооруженных можно было сформировать несколько маршевых батальонов для доукомплектования сражающихся дивизий и за ночь перебросить их на фронт. Вместо этого 9-я армия готовилась к выступлению на Егорлык [ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 824. Л. 245]. Подчиненность войск на узком участке разным армиям сыграла отрицательную роль.

С утра 25 июля вновь закипели бои у Мелиховской и Раздорской. Группировка немцев с плацдарма у Мелиховской, вместо того, чтобы нанести отвлекающий удар, сама была вынуждена обороняться. Согласно журналу боевых действий дивизии «Великая Германия», ее несколько раз атаковали наши войска силой до роты и, угрожая фланкирующим огнем пулеметов, оттеснили к Дону. Судя по тому, что артиллерийский огонь здесь не упоминается, то очевидно, что два эскадрона 311-го кп под командованием Темирова вели бой с противником без поддержки орудий и потеснили врага благодаря грамотному расположению пулеметов. А.К. Темиров был кадровым офицером РККА, служившим в ее составе еще с 1931 г., ветераном «финской» кампании [Солдаты 2015: 273]. Немцам для удержания плацдарма у Мелиховской пришлось срочно перебросить на него 7-ю роту 2-го батальона 2-го полка из района севернее Бессергеновской, а также 11-ю роту 3-го батальона 2-го полка [NARA. T 315. R 2282. Fr. 103]. Во фронтовых документах даже есть сообщение о том, что в районе Мелиховской немцы с утра 25 июля были отброшены на северный берег Дона [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 774. Д. 15. Л. 489], но здесь, скорее всего, как и в случае с озером Борщевским, речь идет о плацдарме у Пухляковского – хутор явно был слишком мал для фронтовых масштабов.

На направлении главного удара «Великой Германии» ситуация оказалась намного более сложной. В 7 часов утра люфтваффе подвергло бом-

бардировке позиции 110-й кд и 295-й сд, а в 8 часов начался мощный артиллерийско-минометный налет. Атака 1-го батальона 1-го полка на Сусатский, направленная через болотистую местность, захлебнулась, однако в 10 часов по разведанному заранее маршруту в обход болот выступил танковый батальон В. Пёссля, поддержанный 3-м батальоном 1-го полка. Оборона подходов к раздорской переправе была передана эскадрону мотоциклетного батальона [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 103].

На самой переправе активно работали саперы, возводя наплавной 24-тонный мост. Их прикрывали тяжелая и легкая зенитные батареи, но полностью воспрепятствовать атакам советских самолетов они не смогли. По сообщениям 4-й воздушной армии в этот день по Раздорской наносили удары: 6 Ил-2 7-го гв. штурмового авиаполка 230-й авиадивизии (которые, сбросив 12 ФАБ-100, выпустив 29 РС-92 и почти полторы тысячи 23-мм снарядов и 7,62-мм пуль, якобы разрушили переправу, уничтожили 10 танков и 12 автомашин), по 5 Су-2 219-й авиадивизии в 15.55 и 19.16 [ЦАМО. Ф. 4ВА. Оп. 4798. Д. 38. Л. 70; Д. 41. Л. 182]. По немецким данным мост поврежден не был, хотя в журнале боевых действий дивизии «Великая Германия» высказывалось беспокойство по поводу действий советской авиации [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 103]. 2-й полк «Великой Германии», которому не доставили обещанное топливо, застрял к северу от Раздорской (за исключением двух рот, прибывших на плацдарм у Мелиховской). 2-й батальон 2-го полка во второй половине дня был сменен передовыми частями 97-й егерской дивизии [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 104].

Люфтваффе тоже действовало весьма активно, осуществляя разведку и бомбежку районов Сусатский, Калинин, дороги на Верхний Солёный и боевые порядки войск 74 и 295 сд. Всего частями 37-й армии в тот день было отмечено до 100 самолето-пролетов противника.

74-я сд и 41-я мсбр не заняли исходного положения для наступления и с рассветом противника не атаковали. 74-я сд подошла на исходный рубеж только к 8 часам утра и перешла в наступление по направлению к Раздорской по дороге, которая шла вдоль берега Сала, обходя Сусатский с севера. В ходе наступления она подверглась сильным ударам люфтваффе, приведшей к расстройству управления. В лесу восточнее Раздорской 74-я сд натолкнулась на вражескую пехоту с 18 танками и в ходе ожесточенного боя к 18.00 была отброшена за реку Сал к Семикаракорской. Малочисленные 295-я сд, 41-й мсбр с 10 Т-60 15-й тбр даже и не пытались форсировать Сусат ввиду слабости своих сил, но в 11.00 были сами атакованы танковым батальоном и 3-м батальоном 1-го полка «Великой Германии». После ожесточенного боя на рубеже Костылевский – Сусатский остатки 295-й сд и 41-й мсбр, имея в своем составе буквально десятки бойцов, отошли к Калинину, а затем к Сарайскому [ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8898. Д. 19. Л. 25–26]. 15-я тбр в ходе сражения с 13 «тяжелыми и средними» танками противника потеряла 4 Т-60 (и претендовала на уничтожение 4 вражеских машин) [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 30. Л. 23] и отступила аж до Веселого на южном берегу Маньича.

Батальоны Пёссля и Кёлера при поддержке люфтваффе в 14.40 овладели Сусатским, обойдя его с запада и востока. В результате этого немцы

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

получили выход из болотистой местности на широкий степной простор. Мост через Сусат был уничтожен, однако противник легко форсировал реку по соседнему броду. 1-й полк «Великой Германии» создал и начал зачищать плацдарм южнее Сусатский [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 103–104]. Здесь панцергренадеры Кёлера, видимо, вступили в бой с 4-м эскадронам 292-го кп, занимавшим позиции на правом фланге полка от Сусатского и дальше на запад по Сусату. Вот как после войны описал этот бой командир пулеметного эскадрона 292-го кп младший лейтенант Н.В. Бадьминов: «Все огневые средства полка включились в бой. Ст[арший] лейтенант [А.С.] Торопов дал сигнал из ракетницы двум расчетам пулеметов открыть фланкирующий огонь. Инициатива перешла в наши руки. Торопов, который непосредственно руководил сабельной атакой, поднялся во весь рост и увлек бойцов за собой. Даже повар пулеметного эскадрона чеченец Аюпов не удержался и пустился вдогон фашистам на кухне с дымящейся трубой. Когда лошадь была убита, Аюпов, схватив винтовку, добежал до первой линии обороны и орудовал штыком вместе с другими. К великому сожалению, в этом бою смертью храбрых погиб начальник штаба 292 кавполка А. Торопов. Не стало командира 4-го сабельного эскадрона И.А. Абушинова, лейтенантов В. Невель, М. Калашникова и многих других командиров и бойцов [ЛАА: Воспоминания Н.В. Бадьминова].

Хёрнляйн, прибыв в Сусатский, приказал начать наступление на Калинин силами танкового батальона и 1-го батальона 1-го полка. Группа «Пёсслъ», завершив дозаправку в 19.15, выступила на Калинин, обходя с востока оборону 110-й кд. К тому времени немецкая мотопехота несколько раз атаковала этот хутор, который обороняли малочисленные части 295-й сд с батареей дивизионной артиллерии и 3-й батальон 25-го пограничного полка, 13 ПТР (вероятно 37-го отдельного армейского батальона ПТР), 4 «катюшами», а также остатками 41-й мсбр и 268-м гаубичным артиллерийским полком. Следует иметь ввиду, что в районе Калинин – Сарайский находился тыловой район 110-й кд, поэтому в числе защитников этих хуторов оказались и калмыцкие кавалеристы. В ходе ожесточенного боя наши бойцы отразили все атаки противника, но к 22.00 по приказу отошли в район Сарайского [РГВА. Ф. 32910. Оп. 1. Д. 29. Л. 26–27]. Хутор Калинин находится на одной широте с Багаевской, поэтому с его занятием 110-я кд, оставшаяся одна на позициях в пойме Дона, оказалась фактически в «мешке» с пока еще развязанной горловиной. А в глубоком тылу 37-й армии 3-я тд, наступая от плацдарма у Николаевской и обойдя 156-ю сд, южнее р.Сал достигла хутора Комаровский к 15.00 25 июля [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 46. Л. 614].

Скорее всего, в том бою участвовала и часть 311-го кп, находившаяся в Ново-Романовском (управление, 1-й эскадрон, возможно, полковая батарея под общим командованием капитана М.П. Василенко). К сожалению, документы, которые могли бы раскрыть историю этих боев 311-го кп, были утрачены. Ветеранов 311-го кп (1-го формирования) осталось мало, из 1-го эскадрона, по всей видимости, до конца войны никто не дожил. Пролить свет на судьбу отряда капитана Василенко помогло случайно найденное письмо А.И. Надточия (бывшего начальника штаба 292-го кп, а к началу боев на Дону – начальник разведывательного отдела штаба ка-

валерийского корпуса Б.А. Погребова) Н.В. Бадьминову. В своем письме Надточий пишет о том, что Василенко с бойцами и артиллерией 311-го кп (без снарядов и с единственной противотанковой гранатой) 29 июля принял участие в роковом для генерала Погребова бою в Большой Мартыновке, почти в 70 км от Ново-Романовского [ЛАА: Письма А.И. Надточия]. Исходя из этого, события между 25 и 28 июля можно реконструировать так. В ходе боя за Сусатский отряд 311-го кп израсходовал все боеприпасы и оказался отрезан от основных сил 110-й кд. Василенко, как командир полка, видимо, знал о планах командования фронта вернуть 110-ю кд в состав кавалерийского корпуса Б.А. Погребова. Поэтому, утратив связь с командованием соединения, он решил присоединиться к корпусу в надежде, что вскоре туда вольется 110-я кд. К сожалению, 29 июля кавкорпус Погребова был внезапно атакован немцами и разгромлен. Нет сомнений, что управление и 1-й эскадрон 311-го кп разделили его судьбу.

К исходу 25 июля выяснилось, что только 292-й кп потерял убитыми и ранеными 85 человек, 63 лошади, 3 станковых и 8 ручных пулеметов, пулеметную тачанку, три повозки и две походных кухни. Точные цифры потерь 273-го кп в тот день неизвестны, но они были намного больше, чем даже в 292-м кп. Артиллерийский дивизион потерял убитыми и ранеными 70 человек, два 120-мм миномета, три 76-мм пушки. При этом 75 % потерь 110-я кд понесла от налетов авиации, против которой конники были бессильны.

Восстановить положение командарм-37 Козлов решил путем ночной атаки, в которую пытался бросить все свои силы. 295-й сд, которая усиливалась 519-м сп 102-й сд, было приказано отбить Калинин; одному полку 110-й кд и батальону 230-й сд – Сусатский. Этих сил было явно недостаточно, но положение 37-й армии осложнялось прорывом панцердивизий с плацдарма у Николаевской, поэтому 156 и 275-ю сд пришлось сконцентрировать на правом фланге. Для 110-й кд, понесшей тяжелые потери, захват Сусатского ни силами одного полка, ни силами всего соединения был совершенно невыполнимой задачей. Атака танков и БТР конницей без прикрытия с воздуха и поддержки своих танков была бы безграмотной и грубейшей ошибкой. Полк 230-й сд, вышедший в район Веселого, имел всего 400 бойцов и 6 станковых пулеметов, был слишком далек от места атаки, к тому же он имел более важную задачу – защита переправы через Маныч в районе плотины. 519-й сп 102-й сд (единственный, оставшийся к тому времени в дивизии) к исходу 25 июля на исходный рубеж не прибыл и лишь 26 июля смог занять оборону в 1 км южнее хутора Сарайский [ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8898. Д. 19. Л. 26]. Положение 295-й сд хорошо характеризует политдонесение начальника политотдела соединения старшего батальонного комиссара Титова в штаб 37-й армии от 25 июля: «Сегодня утром получены точные сведения, что переправился на эту сторону и следует в дивизию 884-й сп с комиссаром полка в количестве 70 человек... Личного состава осталось очень мало. Так, в обоих полках 883 и 885 насчитывается всего около 100 бойцов. Подавляющее большинство с переправ ушли за Маныч (хутор Веселенький (Веселый. – С. З., У. О.), Верхний Хомулец, Большая Таловая). Их туда направлял комендант Калинина» [ЦАМО. Ф. 1596. Оп. 1. Д. 80. Л. 7].

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

В данных условиях, когда противник прорвался на правом фланге и в центре позиции, а сосед на левом фланге (157-я сд) убыл, оставив свои позиции не занятыми, единственным выходом для 37-й армии был срочный отвод всех сил за Маныч. Однако командарм Козлов побоялся или не захотел отступать, поэтому стал отдавать явно невыполнимые приказы, подставляя дивизии, стоящие у Дона (прежде всего, 110-ю кд и 156-ю сд), под угрозу окружения.

С выводом танков и техники на степной простор «Великая Германия» фактически выиграла сражение со 110-й кд. Пока Калмыцкая кавдивизия могла прикрываться широким Доном, использовать особенности местности, изрезанной протоками, прудами и заливчиками, покрытой болотами и густыми зарослями, у нее была возможность отразить атаки «панцерваффе». Однако с падением Сусатского шансы 110-й кд на успех снизились до нуля. Теперь немцам оставалось только захлопнуть ловушку.

Вечером 25 июля Хёрнляйну поступает приказ 1-й танковой армии о новом переподчинении со следующего дня: это было уже пятое управление корпуса, которое «великогерманцы» сменили за шесть суток. Дивизии «Великая Германия» и 16-я передавались в состав 3-го тк, который только что закончил бои за овладение Новочеркасском и Ростовом. Группа (корпус) «Великая Германия» прекращала свое существование. Ожидалось, что к утру 26 июля саперы закончат строительство моста, способного выдержать тяжелую технику. Приоритет в переправе был отдан 16-й мд, которой было приказано из района Калинина атаковать по направлению на Спорный и захватить плотину – важнейшую переправу через Маныч.

Задача «Великой Германии» была не такой амбициозной: захват хуторов Карповка и Ажинов и обеспечение господства над берегом Подпольной. Дело в том, что фюрер по какой-то причине не желал, чтобы «Великая Германия» воевала в Азии, граница которой, по его мнению, проходила по Манычу. Поэтому при встрече с Хёрнляйном весной 1942 г. А. Гитлер пообещал, что «великогерманцы» после выхода к Манычу будут отозваны с фронта. В разгар боев на Дону Хёрнляйн получил из штаба армии предупреждение о скором выводе соединения во Францию вслед за дивизией СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», поэтому «великогерманцы» уже находились в предвкушении веселого отдыха. Командование 1-й танковой армии с сожалением расставалось с элитной дивизией и стремилось использовать ее до выхода на рубеж Маныча для зачистки плацдарма. В результате захвата Карповки и Ажинова 110-я кд замыкалась в «мешке» в болотистой пойме Дона, так как оставшийся выход вдоль берега реки в этом случае полностью простреливался немецкой артиллерией. 1-й батальон 1-го полка должен был атаковать Карповку, 2-й батальон и танковый батальон – Ажинов. После этого танковый батальон должен был повернуть на север и помочь 1-му батальону взять Карповку. 3-й батальон прикрывал Сусатский с северо-востока. 2-й полк «Великой Германии» оставался в резерве на правом берегу Дона. Последние части дивизиона штурмовых орудий только в 18.00 переправились в Броницком и вечером 26 июля прибыли в Раздорскую. В подчинении Хёрнляйна остались 602-й зенитный батальон и 506-й самокатный строительный батальон [NARA. T 315. R 2282. Fr. 104–105].

Тем временем, 110-я кд готовилась к тяжелейшему в своей истории бою. В 23.00 вернулась разведка, направленная для уточнения обстановки на правом фланге и установления связи со 530-м сп 156-й сд. Найти соседа справа не удалось, но разведчики насчитали около ста танков в долине в 2–3 км северо-восточнее Сусатского. Они либо посчитали за танки вражеские бронемашины и САУ, либо преувеличили, но их ошибка недолго осталась таковой: утром сюда прибыл весь танковый батальон 16-й мд.

Командование 110-й кд осознавало всю опасность прорыва противника в тыл, но не собиралось отступать без приказа. От Сусатского к Маньичу шло две дороги, по которым скорее всего и пошла бы немецкая бронетехника: одна – через Калинин на Спорный, перехваченная остатками 295-й сд и 519-м сп (102-й сд); вторая через Ажинов (где находился штаб 110-й кд) и Кудинов на Тузлуков, где находился небольшой мост. Поэтому было решено максимально задержать продвижение противника по этой дороге. Группа 311-го кп по-прежнему блокировала плацдарм у Мелиховской. 273-й кп со 2-м эскадронам 292-го кп и 4-м эскадронам 311-го кп частью сил контролировал берег напротив Пухляковского, частью сил занимал позиции среди озер и ериков поймы Дона к юго-западу от Раздорской. 292-й кп с полковой артиллерией (2 – 76-мм, 2 – 45-мм орудия, 2 – 82-мм миномета) сконцентрировался в Карповке. Артиллерийский дивизион занял позиции у Ажинова. Командование включило в его состав отдельные орудия и взводы из других частей, восполнив потери дивизиона. Артпарк дивизии, несмотря на захват Калинина, доставил на позиции партию боеприпасов, однако в подразделениях не хватало противотанковых средств, особенно остро ощущалась нехватка бронебойных снарядов. Тылы дивизии начали выводить за Маньич, также, как и большую часть раненых. К утру в Кудинове осталось лишь около 150 раненых [В годы 2003: 114–116].

26 июля началось с бомбардировки и артиллерийского налета. В 9.15 саперы наконец закончили 24-тонный мост у Раздорской [Макензен 2004: 328]. Советские самолеты всю ночь до самого утра бомбили переправу, но мост разрушить не смогли [NARA. T 315. R 2282. Fr. 105].

16-я мд сразу после окончания строительства моста начала перебрасывать танки и оставшиеся силы на южный берег Дона. По воспоминаниям бывшего полковника И. Айзермана (командира 156-го полка 16-й мд) 25 июля полк переправился через Дон по 24-тонному мосту без особых сбоев и, разделившись на отдельные маршевые группы, 26 июля выступил на юг по совершенно плоской равнине. В полдень он достиг Калинина, где «Великую Германию» уже сменил 165-й мотоциклетный батальон [Memminger 1962: 1217–1218].

16-я мд сразу перебрасывать оставшиеся силы на южный берег Дона. Одновременно с этим 1-й батальон полка Кёлера атаковал Карповку, 2-й и танковый батальоны – Ажинов. Командование 110-й кд, видя, что угроза окружения из потенциальной превратилась в реальную, решило ответить свои части за Маньич. Вскоре после это к Панину пробился лейтенант В.А. Хитров (командир взвода 110-й кд и офицер связи от дивизии при отдельном кавалерийском корпусе), доставивший приказ об отходе от командира кавалерийского корпуса Б.А. Погребова, в состав которого планировалось вернуть 110-ю кд. Однако эскадроны дивизии были раз-

**Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия»
против 110-й Калмыцкой кавдивизии**

бросаны на огромном пространстве между ериками, озерами, болотами, зарослями и требовалось время для их сбора. Поэтому 292-му кп, артиллеристам, штабистам, тыловикам необходимо было удерживать Карповку и Ажинов до завершения отхода основных сил калмыцкого соединения. Для руководства боем в Карповке в расположение 292-го кп прибыл зам. командира дивизии В.А. Хомутников, гарнизоном Ажинова командовал начальник штаба дивизии А.А. Раабь, общее руководство боем принял комиссар дивизии С.Ф. Заярный. Карповско-Ажиновский бой стал самым тяжелейшим в истории калмыцкого соединения [Заярный б.д.; В боях 1969; В годы 2003 и др.]. Н.В. Бадьминов, в том бою неоднократно раненный, подобранный немцами на поле боя и оказавшийся в плену, откуда, несмотря на ранения бежал, в жизни много повидавший и проведывавший до мая 1944 г. (когда был вновь тяжело ранен, после чего его сняли с фронта по национальному признаку), много лет спустя описал поле боя после окончания сражения скупыми, но емкими словами: «Это был ад на земле» [ЛАА: Воспоминания Н.В. Бадьминова].

Карповско-Ажиновский бой сам по себе заслуживает написания отдельной статьи. К сожалению, из-за ограниченности объема статьи мы не сможем подробно разобрать его, но подчеркнем, что в ходе этого боя бойцы 110-й кд проявили массовый героизм. Десятки подвигов, совершенные ими в тот день, описаны в литературе и документах, поэтому не будем повторять эти описания, а отошлем интересующихся к указанным работам [В боях 1969: 68–77, 89–91, 105–112; В годы 2003: 118–128 и др.]. О тяжести боя говорит список потерь командного состава калмыцкого соединения. В тот день погибли комиссар 110-й кд полковой комиссар С.Ф. Заярный (при обороне Ажинова он лично вел огонь из орудия, весь расчет которого погиб, а затем до последнего патрона отстреливался от окруживших его немцев), начальник штаба 110-й кд майор А.А. Раабь (стремясь отвлечь внимание врага от машины, вывозившей документы и знамена дивизии и ее полков*, он на коне и с гранатой в руке атаковал немецкий танк), командир 99-го конно-артиллерийского дивизиона капитан К.Г. Дыба, были тяжело ранены начальник политотдела 110-й кд батальонный комиссар А.И. Заднепрук, зам. командира 292-го кп капитан Я.К. Попов и т.д. Потери в командном составе несли и немцы. В Ажинове был тяжело ранен командир 2-го батальона 1-го полка капитан Кубер, считавшийся одним из лучших комбатов «Великой Германии» [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 105].

Если дать краткое описание этого боя, то он протекал так. Первые атаки на Карповку и Ажинов были отражены, несколько танков подбито. Загорелось пшеничное поле, которое на время остановило врага. Защитники Ажинова разделили свою артиллерию на две группы: 1-я – под руководством командира дивизиона капитана К.Г. Дыбы (12 – 76-мм и 45-мм орудий, 4 – 120-мм миномета, 6 ПТР) находилась в районе ветряной мельницы близ Ажинова и на юго-восточной окраине Карповки; 2-я – под руководством военкома дивизиона старшего политрука В.С. Найдина (4 – 45-мм орудия, 4 – 120-мм и 4 – 82-мм миномета, 3 ПТР) встала в ло-

* Боевые знамена 110-й кд, 273, 292, 311-го кп ныне хранятся в Центральном музее Вооруженных Сил РФ.

щине между Ажиновым и Кудиновым. В ходе следующей атаки примерно в 12.00 танковый батальон и 2-й батальон 1-го полка ворвались в Ажинов [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 106]. Им удалось подавить огонь артиллерии, но бои на улицах хутора продолжались еще долго, до самого вечера.

В 13.00 танковый батальон атаковал Карповку с юго-востока, поддерживая 1-й батальон. Примерно в 12.00 В.А. Хомутников и С.И. Ориночко получили приказ об отводе 292-го кп за Маныч. К 14.00 полк спустился в пойму Дона, а для прикрытия отступления был оставлен пулеметный эскадрон младшего лейтенанта Н.В. Бадьинова, усиленный взводом ПТР. В ходе последнего боя эскадрон стоял насмерть, нанес врагу большие потери и был полностью уничтожен противником [ЛИАА: Воспоминания Н.В. Бадьинова]. В 15.00 разведгруппа на БТР заняла Кудинов, видимо, не встретив там сопротивления наших войск [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 106]. Параллельно с этим 16-я мд, отбросив остатки 295 и 102-й сд, вышла на Маныч и даже создала плацдарм в районе хутора Свобода, утром 27 июля плотину взорвали и начавшийся разлив остановил наступление 3-го тк [Макензен 2004: 328–329]. После этого боя «Великая Германия» занималась зачисткой местности между Доном и Манычем, захватывая сотни пленных из частей, разгромленных другими соединениями «панцерваффе».

Благодаря мужеству защитников Ажинова и Карповки, командование 110-й кд смогло вывести за Маныч свои основные силы: 273-й кп К.Ф. Бабкова, группу 311-го кп А.К. Темирова и остатки 292-го кп С.И. Ориночко. Артиллеристы, штабисты и тыловики выходили за Маныч небольшими группами или одиночками, но с личным оружием, в том числе и 27 июля.

По оценке В.А. Хомутникова, выведшего основную часть соединения на Кавказ, соединение в ходе боев на Дону 15–26 июля 1942 г. потеряло 600 чел. убитыми, 700 – ранеными, около 200 – пропавшими без вести [ЦАМО. Ф. 110кд. Оп. 13380. Д. 55. Л. 122]. Оценку потерь в 1,5 тыс. чел. подтверждает и справка «Об укомплектованности боевых частей Донской оперативной группы СКФ на 1 августа 1942 года», согласно которой после выхода за Маныч 110-я кд имела 2 979 бойцов и командиров с 2 061 винтовкой, 9 – 76-мм и 5 – 45-мм орудиями [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 9. Л. 739–740]. Тяжелые и упорные бои подтверждают и немецкие источники. Например, в журнале боевых действий дивизии «Великая Германия» в сводке за период с 23 июля по 1 августа 1942 г. при оценке противника написано следующее: «В обороне установлены, в основном, подразделения 110 кд. В борьбе с пехотной дивизией «Великая Германия» по меньшей мере в течение 60 часов она показала внушительную боевую мощь, о чем свидетельствуют до 1 180 пленных, большие кровавые потери. Только в Ажинове было насчитано 200 вражеских трупов... Черкесы и калмыки сражались азартно и часто очень жестко. Они считают, что Германия хочет подчинить себе и лишить их народ самостоятельности. От немецкой пропаганды они все еще полностью независимы» [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 169, 172–173]. Недоумение вызывают утверждения о 1 180 пленных 110-й кд, которые не вписываются ни в какие расчеты. В то же время, в документах 1-й танковой армии сообщается, что 26 июля в бою за Ажинов, Кудинов и Карповку было взято в плен до 100 бойцов [NARA. Т 315. R 2282. Fr. 524], что вполне коррелируется с оценками наших офицеров.

Заярный С.А., Очиров У.Б. Дивизия «Великая Германия» против 110-й Калмыцкой кавдивизии

Разгадка цифры «1 180 пленных», по всей видимости, кроется в слове «черкесы», которое постоянно употребляется со словом «калмыки» в сводке «Великой Германии» с 23 июля по 1 августа. Однако черкесов (кабардинцев, адыгов) в 110-й кд практически не было. Несколько тысяч черкесов служили в составе 115-й Кабардино-Балкарской кд, находившейся от Раздорской в 70 км на восток и разгромленной 29 июля в боях у Батлаевской и Большой Мартыновки в результате неожиданной атаки 3 и 23-й тд. Любопытно, что наиболее многочисленной группой пленных (1365 чел.) в сводке «Великой Германии» оказались воины 156-й сд, которые до 28 июля находились за пределами полосы наступления «великогерманцев». Установлено, что они, при отходе отрезанные от переправ через Маныч, попали в плен, когда немцы занимались зачисткой междуречья Сала и Маныча. Точно так же в плен к «Великой Германии» могли попасть и воины 115-й Кабардино-Балкарской кд, которые в сводке оказались учтены за 110-й кд. Кроме того, в число пленных могли попасть и раненые бойцы, которых не успели вывести за Маныч.

Таким образом, неопытная 110-я Калмыцкая кд в своем первом сражении 19–26 июля с элитной моторизованной дивизией «Великая Германия» показала себя с наилучшей стороны и последней отступила с позиций на Дону, продемонстрировав свою стойкость и хорошую подготовку личного состава.

Источники:

В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.

Личный архив автора С.А. Заярного (ЛАА).

Макензен Э. От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов // От Буга до Кавказа. М.: АСТ, 2004. С. 221–352.

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

ОБД «Подвиг народа».

Оборона 273-м кп р. Дон в районе Раздорская, Мелеховская // Сборник тактических примеров боевых действий кавалерийского полка по опыту Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1949. С. 82–87.

Российский государственный военный архив (РГВА).

Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П.Э. Алексеева, Л.Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 272 с.

Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П.Э. Алексеева, А.Т. Баянова, С.А. Заярный, Л.Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).

National Archives and Records Administration (NARA).

Литература:

Алексеева П.Э. Обзор литературы по истории 110-й ОККД // Великая Отечественная война: события, люди, история. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 225–233.

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 239 с.

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 235 с.

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А.И. Заднепрук, А.С. Заярный, М.И. Гучинов, Н.У. Илишкин, М.Т. Бимбаев. 3-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 335 с.

Заярный С.А. Новые данные о боевых действиях 110-й кд на Дону // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 24–46.

Заярный С.А. Оборона советских войск в нижнем течении Дона летом 1942 года (От «Блау» до «Эдельвейса») (рукопись). URL: <http://don1942.ru/oborona-sovetskikh-vojsk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda>.

Заярный С.А., Очиров У.Б. 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017а. № 6. С. 41–59.

Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход частей 110-й кд после боев на Дону в июле 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017б. № 1. С. 111–120.

Илишкин Н.У., Оглаев Ю.О. Родина помнит. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 220 с.

История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. 512 с.

Кичиков М.Л. Трудящиеся Калмыцкой АССР в борьбе за Дон и Северный Кавказ (1941–1942 гг.) // К научной сессии по истории и культуре народов Северного Кавказа и Дона, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (Тезисы докладов и сообщений). Элиста: б.и., 1967. С. 19–24.

Кичиков М.Л. О некоторых вопросах истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки [Калмыцкого НИИЯЛИ]. Вып. 6. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 163–194.

Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 208 с.

Кичиков М.Л. К историографии боевого пути 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 10. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 219–226.

Кичиков М.Л. В боях за Родину (Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии) // *Теегин герл*. 1975. № 1. С. 3–36.

Очиров У.Б. Формирование 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий в 1941 – 1942 годах: трудности и итоги // *Новый исторический вестник*. 2017. № 4 (54). С. 55–70.

Memminger F. Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division – 16. Infanterie-Division (mot.), 16. Panzergrenadier-Division, 116. Pz.Division. Fortlfl. Ergänzungen. Bochum: Pöppinghaus, 1962. 2198 d.

Sharp M., Davis B. Grossdeutschland. Guderian's Eastern Front Line Elite (Spearhead. № 2). Hershham: Ian Allan Publishing Ltd., 2001. 96 p.

Spaeter H. The history of the Panzerkorps Grossdeutschland. Vol. 1. Winnipeg: J.J. Fedorowicz Publishing Inc., 1992. 479 p.

51-Я АРМИЯ В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ НА ЭЛИСТИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В АВГУСТЕ 1942 г.

Эмгенов С.Н.¹

¹ аспирант отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: emgenov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории вторжения немецких войск на территорию Калмыкии в начале августа 1942 г. Единственным противником вермахта в этом районе оказалась 51-я армия, которая в течение первой половины августа вела бои в западных улусах Калмыкии и прилегающих к ним районах Ростовской области. Однако превосходство сил вермахта оказалось слишком велико, поэтому части 51-й армии после ряда боев были вынуждены отойти к озеру Сарпа.

Статья основана на документах Центрального архива Министерства обороны РФ и воспоминаниях очевидцев.

Ключевые слова: Красная армия, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., 51-я армия, Калмыцкая АССР, город Элиста.

В начале августа 1942 г. немецкие войска вплотную приблизились к административной границе Калмыцкой АССР. 2 августа 1942 г. войска 370-й пехотной дивизии (далее – пд) (ком. – генерал-майор Эрнст Клепп) при поддержке бронетехники из 3-й танковой дивизии (далее – тд) (ком. – генерал-майор Херман Брайт) вошли в Башанту – центр Западного улуса Калмыцкой АССР, а к 5 августа уже полностью оккупировали Западный и Яшалтинский улусы Калмыцкой АССР [Очиров 2014: 43–44]. Их поддерживала 111-я пд (ком. – генерал-майор Херман Рекнагель), вместе с которой 370-я пд входила в состав 52-го армейского корпуса (ком. – генерал пехоты Ойген Отт). В это же время авангард 14-й тд (генерал-майор Фердинанд Хайм) занял ряд населенных пунктов в Малодербетовском и Сарпинском улусах. Над Калмыкией нависла опасность оккупации.

Более того, через калмыцкие степи у врага открывался кратчайший путь на Астрахань, которая являлась ключевым узлом водных и железнодорожных коммуникаций между Кавказом и центром СССР. В астраханском порту выгружалась нефть из Баку, продукция оборонных предприятий Закавказья, в обратном направлении переправлялись резервы

Верховного главнокомандования на Кавказский театр военных действий. В Астрахани заканчивался «персидский» коридор поставок ленд-лиза, значение которого возросло после разгрома каравана PQ-17 силами кригсмарине и люфтваффе в июле 1942 г.

Крупными воинскими соединениями Красная армия на астраханском направлении не обладала и нарастить группировку войск под Элистой за короткий срок не имела возможности. К тому же у Ставки Верховного главнокомандования в тот момент были более приоритетные задачи: отражение немецких наступлений на сталинградском и грозненском направлениях. Туда направлялись все оперативные резервы Ставки [Очиров 2014: 44].

Кулаку из двух пехотных дивизий (111 и 370-й) 52-го корпуса на линии Дивное – Приютное – Элиста – Яшкуль Красная армия могла лишь противопоставить остатки 51-й армии, отступающей после тяжелейших боев на Дону. Положение этого объединения на начало августа 1942 г. было крайне сложным. В книге, посвященной боевому пути 51-й армии, С.М. Саркисян этот период описал так: «В ходе оборонительных боев войска 51-й армии понесли большие потери, все ее дивизии имели большой некомплект. Отходила армия совершенно без материальных средств. Ее части и соединения оказались отрезанными от своих тылов, которые были развернуты на железной дороге Тихорецкая–Сальск. Начался самый драматический этап боевых действий армии, которая с этих пор вела бои разрозненными, измотанными, по составу немногочисленными отрядами, имея разрывы с 64-й армией свыше 90 км, а на левом фланге с 28-й армией и того больше*. Нарушилось управление войсками. Командарм Т.К. Коломиец отдал своим частям приказ: «Действовать самостоятельно в зависимости от обстановки» [Саркисян 1985: 81].

В ходе отступления с оборонительных рубежей на Дону 51-я армия была расколота на две части и отрезана от основных сил Северо-Кавказского фронта, в связи с чем Ставка Верховного главнокомандования 31 июля 1942 г. передала ее в состав Сталинградского фронта, а 5 августа – Юго-Восточного фронта [Саркисян 1985: 81]. 1 августа 1942 г. в боевом донесении № 71 в штаб Сталинградского фронта командующий 51-й армии генерал-майор Т.К. Коломиец отмечает, что сил и средств армии не достаточно для отражения наступающего противника [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л.1–3.]. При этом штаб армии не владел полной информацией о своих войсках, это хорошо видно по донесению отдела укомплектования 51-й армии (см. табл. 1) на 1 августа 1942 г. [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9848. Д. 2. Л. 52–53].

* Здесь С.М. Саркисян ошибся: в это время разгромленная 28-я армия (2-го форм.) была выведена за Дон, а ее управление 1 августа переформировали в управление 4-й танковой армии. 28-я армия (3-го форм.), которая с сентября 1942 г. действительно стала соседом слева 51-й армии, в этот период еще даже не планировалась. В конце июля соседом слева была 37-я армия, но с 25 июля 51-я армия вела бои с открытым левым флангом.

Таблица 1. Боевой состав 51-й армии на 1 августа 1942 г.

	Общая численность	Командно-начальствующего состава	Младшего начальствующего состава	Рядового состава	Винтовок	Автоматических винтовок	Автоматов
91-я сд	6 508	723	1 311	4 474	4 987	6	418
138-я сд	7 386	990	936	5 460	5 521	138	735
157-я сд	6 092	864	1 308	3 920	5 306	10	698
302-я сд	713	167	155	391	254		69
115-я кд	369	430	45	97	120	10	42
255-й окп	Нет данных						
Итого по армии	34 705	4 992	6 923	22 790	19 347	145	6 354

Согласно этой ведомости стрелковые части 51-й армии представляют собой все еще внушительную силу, имея в своих рядах 34 705 активных штыков. Однако, сложив численность личного состава дивизий, мы получаем 21 068 чел., т.е. на треть меньше, чем указано в итоговой графе по армии. Есть расхождения и по остальным графам таблицы. Винтовок в итоговой графе указано 19 347 штук, при пересчете получается 16 188 штук, автоматических винтовок – 145 и 164 соответственно (здесь ошиблись в сторону увеличения), автоматов – 6 354 и 1 962, командно-начальствующего состава – 4 992 и 3 174, младшего начальствующего состава – 6 923 и 3 755, рядовых – 22 790 и 14 342. Реальная картина состояния 51-й армии открывается в оперативных донесениях штабов стрелковых дивизий, отдельных частей и подразделений на 4–5 августа 1942 г. Главная сила армии – стрелковые части были обескровлены в ходе оборонительных боев на Дону и имели менее 10 % от своего штатного списка.

Правофланговая 138-я сд, находившаяся на относительно спокойном участке, имела в полках по 200–300 бойцов.

157-я сд в ходе оборонительных боев под Красным Яром в конце июля была отброшена и расколота противником на две части. Остатки 633 и 716-го стрелковых полков (далее – сп) и штаб дивизии отошли в район действий 138-й сд, другая часть – к 91-й сд. 5 августа остатки дивизии сосредоточились в Ремонтном и имели следующую численность: управление и тылы 157-й сд – 72 чел., 384-й сп – 110 чел., 633-й сп – 24 чел., 716-й сп – 91 чел., 668-й отд. минометный дивизион – 53 чел., 133-й отд. медико-санитарный батальон (далее – медсанбат) – 69 чел., авторота – 47 чел. Итого – 599 чел.

91-я сд по данным на 5 августа 1942 г. имела в своем составе: 503-й сп – 200 чел., 561-й сп – 263 чел., 613-й сп – 843 чел., резерв командира дивизии – 55 чел. [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 1–3]. Итого – 1 361 чел.

302-я сд имела в своем составе: управление – 71 чел., 823-й сп – 27 чел., 825-й сп – 47 чел., 827-й сп – 82 чел., 865-й артиллерийский полк (далее – ап) – 284 чел., 248-я отд. разведывательная рота – 7 чел., 601-й отд. саперный батальон – 53 чел., 634-й отд. батальон связи – 102 чел., 393-й медсанбат – 4 чел., 215-я отд. рота химической защиты – 3 чел., 19-й отд. учебный батальон – 34 чел., заградотряд – 26 чел. [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 8–10]. Итого в 302-й сд – 1 130 чел. Совершенно очевидно, что, когда батальон связи превосходит в численности стрелковый полк (или даже два полка в сумме), а саперный батальон – два из трех стрелковых полков, то это является свидетельством тяжелейших потерь на передней линии фронта. На вооружении дивизии числилось: 443 винтовки, 98 автоматов, 2 ручных пулемета, 14 ПТР, 3 – 82-мм минометов, 9 – 76-мм пушек, 7 – 45-мм пушек [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 8–10].

Значительные потери понесли ударные силы 51-й армии – кавалерийские и танковые соединения и части.

К тому времени в составе армии осталась только 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия (далее – кд), в которой к 4 августа 1942 г. числилось 225 чел., имевших 106 винтовок, 4 автоматических винтовки, 3 автомата, 2 крупнокалиберных пулемета. Сборным пунктом для личного состава 115-й кд стал хутор Глубокий, где находился штаб дивизии [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 8–10]. 110-я кд, еще с 23 июля переданная в состав 37-й армии, официально была выведена из состава армии лишь приказом №00183 от 30 июля 1942 г. [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 26. Л. 62]. Данными о 255-м отд. Чечено-Ингушском кавалерийском полку в штабе армии не располагали.

В бронетанковые силы 51-й армии на 5 августа 1942 г. входили следующие части и подразделения: 135-я танковая бригада (далее – тбр), находившаяся в хуторе Глубокий и имевшая в своем составе 11 танков Т-34 (из них только 2 – исправных) и 2 танка Т-70 (неисправных); 155-я тбр, находившаяся в с. Раздольное и имевшая в своем составе 3 танков Т-34 (исправных) и 1 танк Т-70 (неисправный); 125-й отд. танковый батальон (далее – отб), дислоцированный в совхозе № 4 и имевший в своем составе 12 танков Т-26 (4 – исправных, 4 – требующих капитального ремонта, 4 – среднего ремонта) и 1 Т-60 (неисправный) [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 8–10]. Таким образом, в 51-й армии имелось всего 9 исправных танков, разбросанных по разным участкам фронта. Положение усугублялось тем, что бронетанковые части армии постоянно теряли свой ремфонд, так как были вынуждены отступать, а неисправные танки приходилось уничтожать или оставлять врагу.

Эмгенов С.Н. 51-я армия в оборонительных боях на элистинском направлении в августе 1942 г.

Артиллерия 51-й армии понесла относительно меньшие потери на фоне других родов войск и на 5 августа 1942 г. имела следующую численность: в 91-й сд было 6 – 76-мм орудий (321-й ап), 9 – 45-мм орудий (172-й противотанковый дивизион), в 302-й сд было 9 – 76-мм орудий (865-й ап), 15 – 120-мм минометов (163-й отд. минометный дивизион), в 1168-м ап Резерва Главного командования (далее – РГК) было 2 – 152-мм орудия, в 1246-м противотанковом артиллерийском полку (далее – птап) было 10 – 45-мм орудий, в 457-м ап РГК было 2 – 152-мм орудия. Армейский бронепоезд был разбит в бою с танками противника у станции Куренной 31 июля 1942 г. Всего в 51-й армии на 5 августа 1942 г. насчитывалось 53 единицы артиллерийского вооружения [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 8–10].

Таким образом, в 51-й армии на 5 августа 1942 г. состояло примерно 4 тыс. солдат и офицеров, 9 исправных танков и 53 орудия и миномета. В таком состоянии 51-я армия не могла остановить немецкое продвижение к Элисте (выполняя параллельно другие задачи), но в распоряжении Юго-Восточного фронта на данном направлении других войск не было.

5 августа 1942 г. штаб Юго-Восточного фронта, приняв 51-ю армию в свой состав, поставил перед ней задачу по организации обороны Элисты. Командарм-51 Т.К. Коломиец решил организовать отдельный отряд для обороны Элисты на базе 503-го сводного* сп (ком. – майор И.Д. Дурнев) [ЦАМО. Ф. 91сд. Оп. 1. Д. 7. Л. 53]. Отряд был усилен артиллерией (3 – 76-мм орудия из 865-го ап и 2 – 76-мм орудия из 155-й тбр), кавалерией (эскадрон 115-й кд – 120 сабель) и танками (10 танков из 135, 155-й тбр и 125-го отб) [ЦАМО. Ф. 7149. Оп. 915422. Д. 1. Л. 7–8]. В некоторых работах отечественных историков ошибочно указывается принадлежность 503-го сп к 302-й сд [см., напр., Максимов 2007: 109], но, на самом деле, 503-й сп входил в 91-ю сд генерал-майора Н.В. Калинина [ЦАМО. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 12. Л. 8].

В 6.00 5 августа 1942 г. отряд по командованием майора И.Д. Дурнева (200 человек при 6 орудиях) на автомашинах выступил по маршруту: совхоз № 4 – ферма № 1 – ферма № 3 – Граббевская – Ремонтное – Большое Ремонтное – Элиста. По пути движения к отряду присоединился эскадрон 115-й кд (120 сабель и 3 ручных пулемета, 1 ПТР) [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 18], в Привольном 6 августа 1942 г. – стрелковая рота (167 штыков), направленная отделом укомплектования 51-й армии [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 2. Л. 44], в Ремонтном – рота связи (59 чел.). Танковая рота из 9 танков вышла в сторону Элисты отдельной колонной и в 4.30 6 августа 1942 г. проследовала через совхоз № 3 на Элисту [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 12]. В то время в оперативных сводках 51-й армии отряд по обороне Элисты именуется «Восточным отрядом».

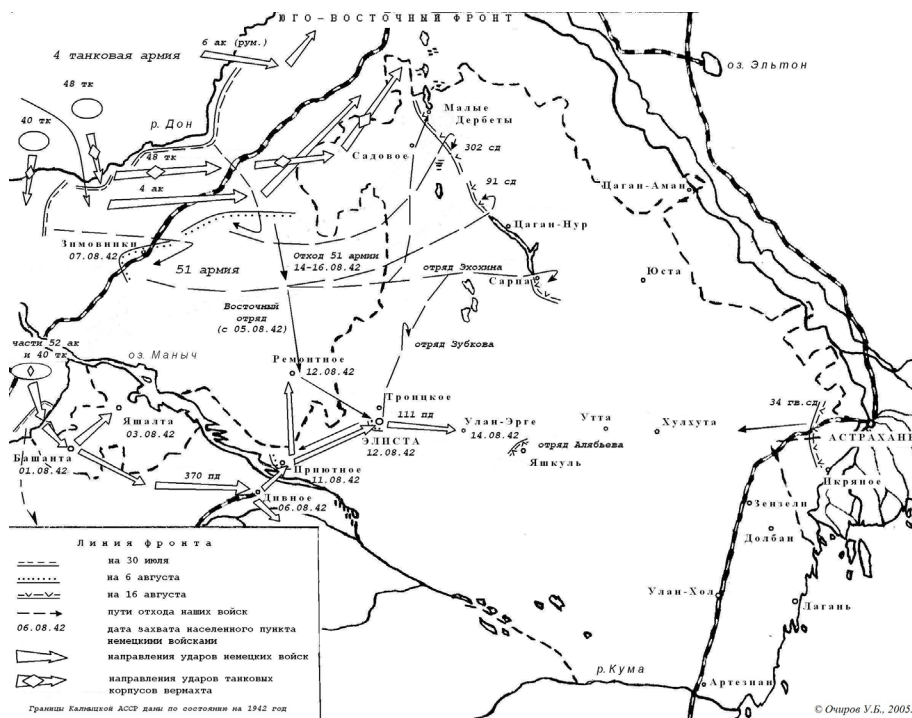
* 3 августа 1942 г. в состав полка вошел 794-й отд. армейский разведывательный дивизион, а его командир майор Безгинов стал комиссаром 503-го сп.

Преодолев свыше 150 км пути, личный состав отряда на автомашинах и два танка достигли Элисты к вечеру 6 августа 1942 г. На следующий день подошли стрелковая рота и батарея 1246-го птап. Из-за плохого состояния конского состава эскадрон кавалерии и батарея 76-мм орудий (на конной тяге) 865-го ап встали на привал в Ремонтном и вышли в Элисту 8 августа. В ходе марша на пути движения осталось 7 танков, которые командование отряда попыталось отбуксировать тракторами к месту дислокации [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 37]. Единственный документ, в котором говорится о бронетехнике в этом районе, это доклад некоего летчика Семенова (видимо, старшина Павел Михайлович Семенов) из 932-го отд. смешанного авиационного полка. В ходе воздушной разведки 8 августа 1942 г. он наблюдал по дороге Глубокий – Ремонтное в «разбросанном порядке поодиночке, а иногда по два стоят наши танки» [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 21]. Судя по месту их обнаружения («дорога Глубокий – Ремонтное» лежит на маршруте передвижения танковой роты, так как совхоз № 3, в котором танки были утром 6 августа 1942 г., находится в 5 км севернее Глубокого), речь идет именно о танках Восточного отряда. Летчик не указывает на повреждения танков, следовательно, можно предположить, что танки вышли из строя по неисправности, либо остановились из-за нехватки горючего. В итоге в Элисту из 10 выделенных танков прибыло только 5 Т-34.

По прибытию в Элисту отряд незамедлительно приступил к строительству оборонительных рубежей у города, к работам ежедневно привлекались от 200 до 300 местных жителей [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 39]. 8 августа 1942 г. майора И.Д. Дурнева снимают с должности командира 503-го сп как не выполнившего приказ командования [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9850. Д. 1. Л. 189]. Командиром отряда назначается полковник М.К. Зубков, до 27 июля 1942 г. занимавший должность командира 302-й сд [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9850. Д. 1. Л. 178]. 10 августа 1942 г. с пересылочного пункта армии отряд получил пополнение – 102 человека, 2 миномета, 2 – 122-м гаубицы, 2 автомашины ЗИС, 4 ПТР, 1 ППШ. В тот же день в Элисту направили группу саперов из состава 275-го отд. инженерного батальона для выполнения специального задания [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 42]. На 10 августа 1942 г. численность личного состава Восточного отряда составляла 782 человека (88 командиров, 115 младших командиров, 579 рядовых) при 432 винтовках и 37 автоматах [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9848. Д. 2. Л. 48–49]. Артиллерия отряда по отчету штаба артиллерии 51-й армии на 9 августа 1942 г. состояла из 10 орудий: 3 – 45-мм орудий 1246-го птап, 3 – 76-мм орудий 865-го ап 302-й сд, 2 – 76-мм орудий из артиллерийского дивизиона 155-й тбр, 2 – 152-мм орудий 457-го ап РГК [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 50. Л. 23].

Таким образом, командование 51-й армии за короткий срок сформировала относительно боеспособный отряд, включив в него все имею-

Эмгенов С.Н. 51-я армия в оборонительных боях на элистинском направлении в августе 1942 г.

щиеся танки и более четверти всех оставшихся орудий. За 3–4 дня при помощи местных жителей были построены укрепления для обороны города от мобильных групп противника. Полковник Зубков расположил части отряда в обороне следующим образом: 1-я стрелковая рота (далее – ср) на северо-западной окраине, 2-я ср – на юго-западной окраине, 3-я ср – на восточной окраине города, 4-я ср и кавалерийский эскадрон – в резерве командира отряда [ЦАМО. Ф. 7149. Оп. 915422. Д. 1. Л. 7–8].

10 августа 1942 г. поступают противоречивые сведения о силах немцев под с. Приютное Калмыцкой АССР. Пост ВНОС лейтенанта Малышева передает в штаб армии о передвижении в 18.20 4 автомашин с пехотой противника по дороге с Дивного на Элисту, которые затем развернулись в сторону Ремонтного. По информации разведки Зубкова противник около 18.00 силами 2 бронемашин, 5 грузовых автомобилей и мотоциклистов захватил Приютное. Примерно это же количество вражеской техники подтверждают очевидцы – жители Приютного: 3 бронетранспортера и 3 мотоцикла, которые около 17.00 были в Приютном и убыли в сторону Дивного. В районе Приютного разведгруппа Зубкова вступила в перестрелку с мотоциклистом, после чего тот скрылся в направлении Дивного [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 29. Л. 34].

Для установления численности и положения противника Зубков направляет в Приютное стрелковое отделение с саперами, которые в случае необходимости должны были взорвать мосты. Разведка прибыла в При-

ютное 10 августа 1942 г. примерно в 18.00 и противника там не обнаружила. Видимо этот рейд противника привел В.П. Скоробогатова (первого историка 28-й армии) к ошибке – смещению даты захвата с. Приютного: «10 августа вражеский батальон мотопехоты в сопровождении танков захватил центр Приютненского улуса село Приютное» [Скоробогатов 1968: 13]. Впрочем, в следующей своей работе Скоробогатов указал уже правильную дату – 11 августа [Скоробогатов 1975: 16–17].

В эту же ночь командир отряда перебрасывает из Элисты в Приютное усиленную 1-ю стрелковую роту с двумя 45-мм орудиями и 4 ПТР. 4-я рота с кавалерийским эскадроном была направлена в пос. Кормовой, а 3-я рота вышла из города и заняла высоту 193,5 [ЦАМО. Ф. 7149. Оп. 915422. Д. 1. Л. 7–8]. Таким образом, полковник Зубков принял решение оборонять Элисту на дальних подступах, распылив этим самым и без того немногочисленные силы, оставив при этом артиллерию и танки без поддержки пехоты, лишив себя оперативного резерва на случай боя за Элисту.

Захват Приютного представляет относительно малоизученный момент в истории немецкой оккупации Калмыкии. В рамках статьи попытаемся разобраться, что же произошло на самом деле.

11 августа 1942 г., в 10.00 Зубков передает в штаб: «Ведется бой в районе Приютное западная окраина. Противник на 5 груженных машинах стремится ворваться в Приютное, огнем нашей пехоты одна машина подбита. Противник принял боевой порядок на западной окраине Приютного, прошли отдельные автомашины. Отряд ведет бой по уничтожению противника». В 12.40 пост ВНОС сообщает о том, что 30 танков противника вышли на Приютное, продвигаются на Хамур, а из Приютного к Элисте вышла машина с ПТР. В 12.50 Зубков передает: «в Приютном бой нашего отряда. В Приютное противник ввел в бой машины с пехотой, подходит аж до 40 машин – неизвестно с чем. Отряд окружен» [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 29. Л. 56–58].

В оперативных сводках штаба 51-й армии картина боя немного отличается. Эти сводки можно суммировать следующим образом: в 9.00 противник на 6 машинах пытался ворваться в Приютное с запада, первая машина подбита и загорелась. К 10.50 15 автомашин ворвалось в Приютное и вели там бой с 1-й ротой. В 11.10 до 40 автомашин противника, прорвав оборону, окружили село. В 11.15 потеряна связь с командиром батальона, ведущим бой в Приютном. В 12.40 по докладу поста ВНОС с кургана Хамур в Приютное **вошли** (выделение мое. – С. Э.) до 40 танков, но тут же стоит сноски о том, что данные требуют проверки. В 13.10 зафиксировано движение 98 машин по маршруту Приютное – Элиста. 14.25 по докладу поста ВНОС 30 танков вышли на курган Хамур. 5 автомашин и 2 тяжелых танка пошли в направлении Лола [ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 46. Л. 67–68].

Как видно, разница между докладами Зубкова и тем, что записывалось в оперативные сводки армии, есть, притом, что кроме Восточного

отряда здесь никто боев не вел. Например, Зубков докладывает в штаб в 10.00 о 5 автомашинах и одной подбитой, в оперативных сводках армии на 9.00 говорится о 6 машинах и одной подбитой. Следующий доклад Зубкова состоялся только в 12.40, а в оперативных сводках армии 51-й армии на 10.50 говорится о 15 машинах противника в Приютном. Далее Зубков информирует штаб в 12.50 о том, что к Приютному подходит 40 автомашин, в сводках армии 40 машин окружили село, и 98 машин проследовали в Элисту.

В.П. Скоробогатов в книге «На Астраханском направлении» приводит воспоминания бывшего командира Восточного отряда М.К. Зубкова: «Лишь немногие тогда из батальона, оборонявшего Приютное, отступили к Элисте. Другие, а их было большинство, в том числе комбат Кирюшин дрались до последнего» [Скоробогатов 1975: 17]. Из этих материалов перед нами открывается картина жестокого боя за Приютное 11 августа.

Однако подтверждение жестокого боя мы не находим в воспоминаниях приютян. В 2015 г. вышла в свет книга «Памяти живые родники», посвященная истории Приютненского района в годы Великой Отечественной войны. В издании опубликованы воспоминания приютян о оккупации села в августе 1942 г. Екатерина Николаевна Анацкая: «Через некоторое время прошли части немцев на машинах, мотоциклах и все стихло. Село замерло» [Памяти 2015: 19]. Ольга Андреевна Кузьменко: «Не знала тогда Ольга Андреевна, что немцы уже подошли близко к Приютному и в бинокль наблюдали за всем происходящим, перед тем как занять село. Не успела Ольга Андреевна отъехать от кукурузного поля, как услышала за спиной рокот мотоциклов» [Памяти 2015: 21]. Мария Витальевна Жолобова: «Как только немцы вошли в село, они стали сразу ходить по домам и требовать «яйцо, молоко, масло» [Памяти 2015: 22]. Федор Тихонович Полонский: «Пришедшие в село захватчики рыскали по домам и дворам» [Памяти 2015: 24]. То есть очевидцы в своих воспоминаниях ничего не говорят о бое в момент захвата Приютного немцами.

Мне также удалось записать интервью у очевидца тех дней – Андрея Тимофеевича Хахулина, 1931 г.р.:

«Вопрос: Вы помните как немцы захватили село?»

Ответ: Да, хорошо помню. Сначала появились мотоциклисты, стояли у окраины и уехали в сторону Дивного, позже приехала машина начальства (легковая). А наши пушку спрятали в районе заготконторы (западная окраина с. Приютного), когда легковая машина начала подъезжать, наши с первого выстрела подбили легковую машину. После выстрела наши подцепили пушку к лошадям и ушли в сторону Элисты. Позже в тот же день немцы зашли с машинами и мотоциклами. До этого дня немцев в Приютном не было».

Вопрос: Когда немцы подошли к селу, бой в селе был?

Ответ: Нет, боя не было, только подбили легковую машину и все.

Вопрос: До занятия немцами села в Приютном были еще советские солдаты, кроме тех, кто был с пушкой?

Ответ: Советских солдат в селе не помню» [ПМА: Хахулин].

Получается, что по оперативным сводкам в Приютном шел жесткой бой с противником численностью до 40 автомашин и мотоциклистами при поддержке танков, который не заметили местные жители.

Тем не менее, Восточный отряд понес крупные потери в локальных боестолкновениях на дальних подступах к Элисте. Группа разведчиков и саперов (17 чел.), направленная в Приютное, с задания не вернулась. От 1-й роты (60 чел.) после боя в Приютном в расположение отряда вернулось 30 чел. От 4-й роты, направленной в Кормовое, из 56 чел. вернулось только 26 [ЦАМО. Ф. 7149. Оп. 915422. Д. 1. Л. 38]. Задача по удержанию опорных пунктов перед Элистой не была выполнена, противник поэтапно уничтожил небольшие группы пехоты отряда Зубкова.

К обеду 11 августа 1942 г. пехота противника с 8 танками подошла к кургану 200,5 у Элисты, до вечера того же дня немцы нарастили группировку до пехотного полка и 25 танков с артиллерией. После перегруппировки немцы штурмом взяли высоту. Под покровом ночи отряд Зубкова попытался вернуть высоту, но контратака успеха не имела. В сводках 51-й армии на 22.00 11 августа 1942 г. количество сил противника оценивается до полка пехоты при 5 танках.

Утром 12 августа 1942 г. одновременно с трех направлений (с юго-запада, запада и севера) противник ударил по порядкам отряда в Элисте. Чтобы не дать замкнуть кольцо вокруг Элисты, Зубков выдвигает эскадрон на юго-восточную окраину города, на высоту 145,6. В городе завязался бой. Как сообщает журнал боевых действий 503-го сп, «артиллерия вела огонь даже тогда, когда перед ней не было прикрывающей пехоты». Уже к 9 часа утра 12 августа отряд был отброшен на север Элисты и отошел в сторону с. Троицкое, откуда ушел в Годжур. Силы немцев в боях 11–12 августа 1942 г. за Элисту командованием отряда оценивалось около полка пехоты при поддержке 25 танков [ЦАМО. Ф. 7149. Оп. 915422. Д. 1. Л. 38]. По утверждениям Й. Хофманна, силы немцев были меньше: «Немецкий 52-й армейский корпус, а точнее подвижная группа взвода* разведки 111-й пехотной дивизии под командой капитана Голля, находившаяся в 180–250 км впереди фронта, 12 августа 1942 г. неожиданно захватила Элисту» [Хофманн]. Потери немцев, по утверждениям командования Восточного отряда, составили до 400 чел. ранеными и убитыми, также было подбито 14 танков, 10 автомашин, 2 бронемшины и 4 мотоцикла.

14 августа командование 51-й армии приказало (приказ штарма №0015) Восточному отряду ночными маршами к 19 августа выйти к со-

* По всей видимости, здесь ошибка в переводе, и речь идет о мобильной боевой группе, созданной на базе 117-го разведывательного батальона 111-й пд путем усиления за счет танков и артиллерии.

Эмгенов С.Н. 51-я армия в оборонительных боях на элистинском направлении в августе 1942 г.

входу № 10 Сарпа и сосредоточится там. Отряд Зубкова потерял 3 Т-34 (из 5), 2 – 76-мм орудия и 25 чел. убитыми.

В составе отряда на 15 августа 1942 г. осталось 150 солдат и офицеров, 2 – 152-мм орудия, 1 – 76-мм орудие, 2 – 45-мм орудия, 2 танка Т-34, 70 лошадей и 17 повозок [ЦАМО. Ф. 7149. Оп. 915422. Д. 1. Л. 38]. Таким образом, за пять дней отряд Зубкова недосчитался 632 чел., 7 орудий, 7 танков.

Источники:

Памяти живые родники (Приютненский район Республики Калмыкия – в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. 304 с.

Полевые материалы автора (ПМА). Хахулин Андрей Тимофеевич, 1931 г. рождения, записан 12 июля 2017 г. в селе Приютном.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).

Литература:

Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007. 374 с.

Очиров У.Б. Формирование 28-й армии (3-го формирования) и первые бои на хулхутинском направлении // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 40–69.

Саркисьян С.М. 51-я армия: Боевой путь 51-й армии. М.: Воениздат, 1983. 285 с.

Скоробогатов В.П. На Астраханском направлении. Элиста: Калмиздат, 1975. 184 с.

Скоробогатов В.П. 28-я армия в боях за Калмыкию. Элиста: Калмиздат, 1968. 243 с.

Хоффманн Й. Немцы и калмыки. 1942–1945 / пер. Н. Церенова. Режим доступа: URL: http://militera.lib.ru/research/hoffmann_i4/index.html (дата обращения – 14 ноября 2017 г.).

Религиоведение и этнография

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАМАЙСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ И ЛАМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТОВ УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКИМ НАРОДОМ*

Оконова Л.В.¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: okonova.lv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с изменениями, произошедшими в организации управления буддийской церковью Калмыкии. Проанализированы основные источники, характеризующие деятельность Ламайского духовного правления и Ламы калмыцкого народа. Автор приходит к выводу о том, что в результате последовательной реализации законов об управлении калмыцким народом 1825 г., 1834 г., 1847 г. Лама калмыцкого народа рассматривался как высшее духовное лицо, начальник всех хурулов, а фактически являлся должностным лицом, состоявшим на службе правительства. В результате проводившейся религиозной политики к концу XIX в. был окончательно определен правовой статус буддийской церкви и разработаны структура и порядок управления духовными делами калмыков. С одной стороны, российское правительство четко признавало буддизм как религию калмыков, с другой стороны, буддийская церковь была лишена автономности и попала в полное подчинение и контроль государственных органов управления имперской власти. Четко был налажен бюрократический аппарат, управлявший духовными делами, а также его внутреннее делопроизводство. Произошла как регламентация мер как по ограничению прав буддийской церкви, так и по уменьшению численности хурулов и состоявших при них духовных лиц.

Ключевые слова: религиозная политика, Российская империя, буддизм, Калмыцкая степь Астраханской губернии, Ламайское духовное правление, Лама калмыцкого народа, хурулы, штаты, делопроизводство, источники.

Калмыки являлись одним из народов, добровольно вошедших в состав Российского государства в начале XVII в. Вхождение калмы-

* Статья написана в рамках исследований по Государственному заданию № 115040310134 «Отчеты управления калмыцкого народа как источник по демографической истории Калмыцкой степи Астраханской губернии».

ков было довольно сложным историческим явлением и, на наш взгляд, проходило в несколько этапов: собственно вхождение, т. е. установление российского подданства, затем постепенная инкорпорация в структуру государства. В этих условиях религиозная политика была важнейшим составным и связующим звеном как внутренней, так и внешней политики Российского государства. Одним из значимых факторов инкорпорации в волжских кочевьях калмыков являлся религиозный вопрос, который осуществлялся по двум основным направлениям: полный контроль буддийской церкви со стороны государства и попытки христианизации калмыков.

История буддизма калмыков в дореволюционный период в отечественной историографии изучена довольно широко. Начало всестороннему изучению истории и верований калмыков было положено Петербургской академией наук [Рычков 1762; Лепехин 1771; Гмелин 1777; Георги 1799; Паллас 1809]. В XIX в. исследователи обращали внимание на состояние буддизма в калмыцких кочевьях [Небольсин 1852; Нефедьев 1834; Бобровников 1865]. Историографический анализ дореволюционных трудов по истории буддизма Калмыкии содержится в работах Г.Ш. Дорджиевой [Дорджиева 1995; Дорджиева 2012] и Э.П. Бакаевой [Бакаева 2014]. Изучение истории буддизма в историческом калмыковедении началось в 1970-е гг. [Ламаизм 1977]. В статье Л.С. Бурчиновой на основе опубликованных источников изучается буддийская (ламаистская) церковь Калмыкии в системе российской государственности [Бурчинова 1977]. Буддийскому духовенству в начале XX в. посвящена статья И.И. Орехова [Орехов 1977]. История создания, административная система и хозяйственная деятельность калмыцких хурулов в XIX в. рассматриваются в статье Г. О. Авляева [Авляев 1977]. Фундаментальные исследования о буддизме калмыков появились в конце 80–90-х гг. XX в. [Бакаева 1994; Дорджиева 1995 и др.]. В последние десятилетия вышел ряд работ по истории калмыцкого буддизма [Бакаева 2000а, 2000б, 2014; Дорджиева 2009, 2012; Бакаева 2010 и др.] и о буддийском искусстве калмыков [Батырева 2005; Batyreva, Batoryeva 2015 и др.].

Ойраты, первоначально появившись в конце XVI – начале XVII в. на осваиваемых Россией южных рубежах Сибири, обосновались в евразийском приграничье Нижней Волги и Урала, сохраняя тенденцию продвижения на запад. С ойратами связано формирование новой монголоязычной народности, известной под названием «калмыки». После откочевки значительной части калмыцкого народа в 1771 г. фактически произошел раскол калмыцкого этноса, и большая часть его вернулась на еще не ставшую исторической прародину, в Джунгарию, к этому времени завоеванную цинским Китаем. Меньшая часть калмыков осталась в России – кочевья, сосредоточенные в основном по обеим сторонам низовий р. Волги, со временем стали называться «Калмыцкой степью».

Калмыки были, как и раньше, в ведении Коллегии иностранных дел и астраханского губернатора. В связи с подведением оставшихся в России калмыков под общеимперский ранжир в их жизни произошли значительные перемены, связанные с формированием новой системы административного управления. Политика российского правительства нашла отражение в ряде законодательных актов: «Высочайше утвержденных Правил для управления калмыцкого народа» от 10 марта 1825 г., «Высочайше утвержденном Положении об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г., «Высочайше утвержденном Положении об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. [ПСЗРИ-I, т. XL 1830: 155–162; ПСЗРИ-II, т. X 1836: 18–40; ПСЗРИ-II, т. XXII 1848: 349–372].

Реформы коснулись и буддийской (ламаистской*) церкви калмыков, в отношении которой правительство предпринимало шаги по определению ее статуса в системе российской государственности. Как это осуществлялось? Первоначально был введен институт приставов, просуществовавший вплоть до введения Правил 1825 г. На основании Правил 1825 г. управление калмыцким народом разделялось на главное, областное, окружное и улусное. Главное управление концентрировалось в министерстве внутренних дел. Основная обязанность состояла в общем руководстве местным управлением и контроле над ним. В своей деятельности оно должно было опираться на главноуправляющего Кавказским краем и астраханского гражданского губернатора. В непосредственном подчинении названных лиц находились главный пристав и другие чиновники местного управления.

В начале XIX в. российское правительство не располагало точными данными о составе и численности калмыцкого духовенства. В связи с этим согласно Правилам 1825 г. в качестве областного органа управления в структуре губернского правления в г. Астрахани была учреждена Астраханская комиссия калмыцких дел (далее – АККД). В ее состав входили астраханский гражданский губернатор, вице-губернатор, главный пристав, губернский прокурор и два калмыцких депутата, избиравшихся от нойонов и духовенства. АККД просуществовала с 26 июля 1826 г. по 13 мая 1836 г. и являлась распорядительно-исполнительным органом с некоторыми судебными функциями [НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 236. Л. 82–85; НАРК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 27; НАРК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 1. Л. 32].

*В научной литературе XX в. широко использовались термины «ламаизм», «ламаистская церковь», которые присутствуют и в источниках по истории этой религии среди калмыков. В настоящий период ученые отказываются от употребления указанных терминов в связи с тем, что «ламаизмом» называли северную ветвь буддизма, а сами «ламаисты» еще в начале XX в. официально обращались в различные инстанции с просьбами именовать их буддистами. Использование в статье терминов «ламаизм, ламаистские» определено отсылками к первоисточникам. – *Прим. ред.*

АККД поручалось составить список представителей высшего духовенства, собрать сведения «об отношении владельцев к духовенству», «о степени зависимости подвластных и о повинностях ими отправляемых в пользу... духовенства» и, наконец, «о степени власти духовенства и их обязанностях, влиянии их на дела народа, на владельцев, зайсангов и простоллюдинов».

Обязанности окружного управления Правилами 1825 года возлагались на суд Зарго, в состав которого входили восемь представителей от привилегированных калмыцких сословий (два – от духовенства и шесть – от нойонов и зайсангов), избираемых сроком на три года.

Низшую инстанцию в системе органов управления составляли улусные управления, включавшие нойона-улусовладельца, судей, которые избирались на один год из числа зайсангов, частного пристава и толмача. Калмыцкие улусы разделялись на владельческие и казенные. Владельческие улусы возглавляли их нойоны-владельцы, казенные – правители из местных зайсангов или нойонов, не имевшие собственных улусов и назначаемые администрацией. Нойоны и правители владельческих и казенных улусов подчинялись приставам. Частные приставы не имели права вмешиваться во внутренние дела, но они обязаны были быть в курсе этих дел и время от времени доносили о них главному приставу. При этом им поручалось контролировать деятельность местных судов. Таким образом, частные приставы осуществляли административный и полицейский надзор и выполняли некоторые судебные функции [ПСЗРИ-I, т. XL 1830: 155–162; Бурчинова 1980: 20–22; Максимов 1995: 214–220; Максимов 2002: 165–172; История Калмыкии 2009: 489–491].

Таким образом, высшее духовенство калмыков принимало участие и в местном управлении, а именно – помимо привилегированного сословия (нойонов и зайсангов) в АККД был включен Лама, в орган окружного управления Зарго должны были избираться каждые три года по два представителя от духовного сословия калмыков. При этом члены Зарго, избранные от духовенства, не должны были участвовать в разборе гражданских дел и могли их рассматривать только в том случае, если за отсутствием и недостатком доказательств или улики потребовались бы «убеждения совести» или если гражданские дела имели общую связь с духовными делами. Например, к такому разряду дел относились «дела по несогласиям супружеским и дела между родителями и детьми» и т. д. Правилами 1825 г. за калмыками сохранялось право исповедовать собственную религию – «ламаизм», а также российское правительство должно было располагать сведениями о численности высшего духовенства. При этом не был разработан порядок административного контроля над калмыцкой церковью.

Правила 1825 г. носили временный характер, и следующим шагом в определении правового статуса в отношении калмыцкого духовенства послужило «Высочайше утвержденное Положение по управлению калмыцким народом» 24 ноября 1834 г. [ПСЗРИ-П, т. X 1836: 18–40].

Согласно Положению для калмыцкого народа учреждалось «особое управление, отдельное от губернского». Вместо ранее установленного административного надзора со стороны пристава была введена попечительская система управления Калмыцкой степью. Были упразднены должности частных приставов и назначены вместо них попечители. В свою очередь, попечители осуществляли руководство делами по управлению калмыцким народом. Главноуправляющий Кавказским краем был освобожден от исполнения прежних обязанностей по управлению калмыцким народом, и его полномочиями наделялся астраханский военный губернатор. АККД была реорганизована в Совет калмыцкого управления, впоследствии переименованный в Совет астраханского калмыцкого управления (далее – САКУ). САКУ функционировал с 21 мая 1836 г. по 4 октября 1848 г. [НАРК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 1. Л. 7; НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 16. Л. 86; Д. 17. Лл. 3–17об.]. В его состав вошли главный попечитель, два заместителя, один ассессор, избираемый от нойонов, и два представителя от аймачных зайсангов. По Положению 1834 г. у калмыков признавалась «ламаистская церковь». Калмыцкое духовенство выделялось как самостоятельное сословие. Более того, указывались основные категории духовных служителей: Лама, гебкуи, гелюнги, манджики. Для них устанавливались права и обязанности. Если по правилам 1825 г. духовенство принимало участие в гражданских органах управления, то согласно Положению 1834 г. оно отстранялось от такого участия и даже присутствия.

Фактически произошло окончательное отделение буддийской (ламаистской) церкви от государства, с полной утратой ее самостоятельности. Круг полномочий был сужен и замыкался на духовных и лишь некоторых гражданских делах калмыков. Более того, сохранялся полный надзор над буддийской (ламаистской) церковью со стороны российского правительства, а также осуществлялось и подчинение ее местным и центральным органам власти.

В связи с этим в целях установления правительственного контроля над калмыцким духовенством по Положению 1834 г. организовывалась новая государственная структура высшего звена местного управления – Ламайское духовное правление. Его штат состоял из назначаемого императором из числа высшего буддийского духовенства Калмыкии Ламы калмыцкого народа (председателя правления) и четырёх членов, избираемых общим собранием бакшей и гелюнгов сроком на три года. Постановления Ламайского духовного правления подлежали обяза-

тельному утверждению САКУ, в противном случае они не могли быть реализованы.

Ламайское духовное правление должно было иметь сведения о численности калмыцкого духовенства, осуществлять постоянный контроль над хурулами, не допускать вмешательства духовных лиц в светские дела, например, сочинять или переписывать жалобы и прошения, разбирать тяжбу между калмыками.

В круг деятельности Ламайского духовного правления входили: административное управление буддийским духовенством, назначение бакшей, гекбуев, гелюнгов, гецулей и манджиков и присвоение им соответствующих духовных званий, а также наблюдение за их действием и поведением. Правление имело некоторые судебные функции в семейно-брачной сфере и в отношении непристойного поведения духовенства (кроме уголовных преступлений), а именно судило духовных лиц, допустивших неприличные поступки, рассматривало дело о неправильном присвоении духовных званий, а также мирян по некоторым категориям гражданских дел (семейные). Материалы об уголовных преступлениях, совершенных духовными лицами, передавались в улусный суд и Зарго. Также правление следило за правильным расходованием финансовых средств и вело учет приношений в хурулах [ПСЗРИ-II, т. X 1836: 18–40; Бурчинова 1980: 20–24; Максимов 1995: 220–241; Максимов 2002: 172–187; История Калмыкии 2009: 492–496].

На основании п. 17 «Высочайше утвержденного Положения по управлению калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. утвержденный Лама калмыцкого народа Джимбе Габунг Намкаев* 27 сентября 1836 г. он сообщил астраханскому военному губернатору, что в присутствии главного калмыцкого попечителя и прибывших из разных улусов 17 гелюнгов посредством выборов был укомплектован состав Ламайского духовного

* После перерыва в 30 с лишним лет на основании «Высочайше утвержденного Положения по управлению калмыцким народом» Ламой всего калмыцкого народа 24 ноября 1834 г. был избран Джимбе-Габунг Намкаев. 15 июня 1836 г. российское правительство утвердило его на должность Председателя Ламайского духовного правления – Ламы калмыцкого народа, и он занимал эту должность до 1847 г. включительно. На данную должность были предложены две кандидатуры: 1) Джимбе-Габунг Намкаев, человек с большими познаниями, состоявший в звании бакши более 10 лет, был предложен от владельцев Хошеустьевского улуса Серебджаба Тюменя и Церен-Норбо Тюменя, от владельцев Малодербетовского улуса Деджит Замбо Тундутова и Менко-Очир Тундутова, мелкопоместного владельца Большедербетовского улуса Цой Аршиева, зайсангов Эркетеневского улуса Уту Насуна и Замбо; 2) Сама-бакша был предложен от торгоутовского владельца Церен-Убаши и зайсанга казенного Багацохуровского улуса. Астраханский военный губернатор поддерживал кандидатуру, предложенную Тюменями и Тундутовыми [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1221. Л. 4–5 об.; Дорджиева 2012: 72].

Оконова Л.В. Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом

правления. В него вошли гелюнги – представители 4 улусов: из Малодербетовского – Лушур-бакша, из Багацохуровского – Цюрюм-Дензен, из Хошеутовского – Цюрюм-Дорджи, из Харахусовского – Гелик [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Секретарем был избран коллежский регистратор Алексей Ефимович Бесхарченко [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1221. Л. 25]. В ответ на это сообщение Лама калмыцкого народа получил 27 октября 1836 г. ответ от генерал-майора И.С. Тимирязева с утверждением состава Ламайского духовного правления и просьбой уведомить о времени открытия Ламайского духовного правления, а также предложением привести состав правления к присяге «по обрядам ламайской веры» [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

28 октября 1836 г. состоялось открытие и первое заседание присутствия Ламайского духовного правления [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 1. Л. 5]. Уведомления об открытии Ламайского духовного правления были посланы астраханскому губернатору, астраханскому губернскому правлению, Совету Астраханского калмыцкого управления, суду Зарго, «Икихурулам» (т. е. большим хурулам): Малодербетовскому, Большедербетовскому, Икицохуровскому, Багацохуровскому, Яндыковскому, Харахусовскому, Эркетеневскому, Эрдени Цаган-Кичиковскому и Хошоутовскому. Руководству ики-хурулов, в свою очередь, предписывалось довести информацию об открытии Ламайского духовного правления до сведения представителей бага-хурулов, или малых хурулов [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8об.].

Правительство, разрешив калмыкам иметь собственное духовное правление, установило над ними повседневный контроль. Его должны были осуществлять главный и улусные попечители. На САКУ была возложена особая задача – «по собрании надлежащих сведений, определить, сколько при хурулах каждого улуса, по числу оногo, должно быть духовных лиц и каких именно». Это послужило в дальнейшем основанием для узаконения определенного числа калмыцких хурулов и служивших при них духовных лиц, т. е. предусматривалось количественное сокращение калмыцкого духовенства. В течение 1836–1837 гг. шла переписка между САКУ и Ламайским духовным правлением. САКУ от 28 октября 1836 г. запросил от Ламы Намкаева следующие сведения: об имеющихся правилах в ламайском вероисповедании, регулирующих численность духовных лиц в соотношении с численностью населения; о численности духовных лиц (гелюнгов, гецулей и манджиков) в одном хуруле; об определении численности духовных лиц в соответствии с количеством хурулов и кибиток (сколько на 200 кибиток необходимо гелюнгов, гецулей и манджиков) [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. Из ответа Ламы от 30 ноября 1836 г. следовало, что у калмыков согласно обычаям и правилам «ламайской веры» не имеется четкого определения относительно

соотношения численности людей и количества хурулов, а также относительно численности духовных лиц в одном хуруле. Предлагалось на 200 кибиток определить при одном хуруле 50 духовных лиц: 25 гелюнгов, 10 гецулей и 15 манджиков [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 3].

САКУ в своем письме от 30 ноября 1836 г. запросил у Ламы дополнительные сведения о том, на каком основании происходит перевод духовных лиц из одного звания в другой: из манджиков в гецули, из гецулей в гелюнги. Ламайское духовное правление в письме от 1 декабря 1836 г. отвечало, что переход в духовное звание манджика в гелюнги или гецули происходит весной, с предварительным извещением зайсанга, с разрешения которого Ламе докладывали сведения о претендентах на новое духовное звание. Лама испытывал «в полноте познания и достоинства каждого». Письменных актов не выдавалось. Принявший духовный сан обязан был находиться при хуруле, преуспевать в науках, не совершать греховные дела [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 8].

7 декабря 1836 г. САКУ обратился с запросом в Ламайское духовное правление с просьбой уведомить о необходимой численности (согласно буддийским обычаям) духовных лиц на каждый большой и малый хурулы, а также сообщить, возможны ли их объединение, сокращение количества; кроме того, запрашивался необходимый количественный состав в каждом улусе больших и малых хурулов [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–11об.]. 8 декабря 1836 г. Ламайское духовное правление впервые упорядочило сведения и внесло предложение о новом штате калмыцкого духовенства. Согласно штатному расписанию Правление признало наиболее приемлемым разделение хурулов на большие и малые.

В состав штата большого хурула были включены: 1 бакша (начальник), 1 гекбуй (правитель), 1 гунзуд (начинающий службу), 1 нирва (казначей или эконом), 1 геик (помощник гекбуя), 1 дарга (помощник нирвы), 1 цавруча («подаватель святой воды»), 1 бурхачи, 2 зама (повар), 2 чел. прислуги. Играющих на инструментах насчитывалось – на 2 бишкюрах (коротких трубах) – 2 чел.; на 2 бюрях (длинных трубах) – 4 чел.; на 2 дунгах (раковинах) – 2 чел.; на 2 ганглинах (ритуальных флейтах, обычно изготавливавшихся из берцовой кости, потому в источнике названных «берцовая дудка») – 2 чел.; на 2 хонху (колокольчиках) – 2 чел.; на 10 кенкерге (барабанах) – 10 чел.; на 2 цанги (медных тарелках) – 2 чел.; на 2 сельниках (медных тарелках меньшего размера) – 2 чел. Также в штат были включены «чтецы» [молитв] – 10 чел. Всего на один большой хурул приходилось 50 духовных лиц [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 17].

В состав малого хурула были включены: 1 бакша (начальник), 1 гекбуй (правитель), 1 гунзуд (начинающий службу), 1 нирва (казначей или эконом), 1 геик (помощник гекбуя), 1 цавруча («подаватель святой

Оконова Л.В. Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом

воды)), 1 бурхачи, 2 зама (повар), 2 чел. прислуги. Играющих на инструментах насчитывалось: на 2 бишкюрах (коротких трубах) – 2 чел.; на 2 дунгах (раковинах) – 2 чел.; на 2 сельниках (медных тарелках малого размера) – 2 чел.; на 1 кенкерге (барабана) – 1 чел.; на 1 хонху (колокольчике) – 1 чел.; на денгше – 1 чел.; кроме того, учитывались «чтецы» [молитв] – 5 чел. Итого в штате малого хурула получалось 25 духовных лиц [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 17об.].

В Эркетеневском, Багацохуровском, Яндыковском, Икицохуровском, Хоштутовском улусах Ламайское духовное правление решило оставить по 3 больших и 5 малых хурула, Харахусовско-Эрдениевском и Большедербетовском – по 3 больших и 3 малых хурула, в Малодербетовском – 9 больших и 15 малых хурулов. В сумме число хурулов по улусам составило 30 больших и 46 малых хурулов. При этом в большом хуруле был определен штат в 50 духовных лиц (25 гелюнгов, 10 гецулей, 15 манджиков) и в малом хуруле – штат в 25 духовных лиц (12 гелюнгов, 5 гецулей и 8 манджиков). Таким образом, Ламайским духовным правлением было определено штатное расписание калмыцкого духовенства. На 30 больших хурулов по 50 человек в каждом численность составила 1 500 чел, на 46 малых хурулов по 25 человек в каждом – 1 150 человек. Итого численность всего духовенства в 1836 г. должна была составить 2 650 человек [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 19].

САКУ на заседании от 15 декабря 1836 г. решил уменьшить число хурулов согласно составленному Ламайским духовным правлением штатному расписанию. Также было принято решение об исключении из духовного звания неспособных, безнравственных, а также здоровых и молодых мужчин-калмыков. Посвящение и принятие в духовное звание на время было прекращено [НАРК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 84. Л. 625–629]. Ламайское духовное правление уведомляло попечителей улусных управлений, заведывающих казенными улусами о численности исключенного духовенства и составляло общий список исключенных, который доставляли в САКУ [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 17. Л. 2об.]. В свою очередь, САКУ обязал Ламайское духовное правление собрать в каждом улусе всех духовных лиц. Каждый бакша должен был составить именной список духовенства своего хурула с указанием возраста, поведения и времени посвящения их в духовное звание. Помимо этого, члены Ламайского духовного правления обязаны были провести испытания для всех представителей духовенства в знании их обязанностей. Всем, кто выдержал данное испытание, выдавали письменное свидетельство о включении их в штат, скрепленное печатью и подписями присутствующих и секретаря [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 17. Л. 2об.].

Часть хурулов, не вошедших в штат, подлежали закрытию, другая часть по своей малочисленности присоединялась к оставшимся

76 хурулам. Лица духовного звания, не попавшие в штат духовенства, должны были стать мирянами и отправлены в те улусы, откуда они были родом, для несения повинностей [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 17. Л. 3, 24].

САКУ получило отчет Ламайского духовного правления от 31 декабря 1837 г. о том, что при 76 хурулах оставлено: гелюнгов – 1302, гецулей – 530, манджиков – 818, всего 2 650 человек против 5 270 человек в 105 хурулов в предшествующий период [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 37. Л. 4]. Фактически количество духовных лиц было сокращено в два раза, а число хурулов – на одну треть.

Созданием Ламайского духовного правления власти стремились поставить под свой контроль и привлечь для решения своих задач буддийское духовенство, превратив его служителей в государственных чиновников, а возглавляемые им структуры в придаток государственного бюрократического аппарата. Новый орган по своим функциям, принципам и методам работы напоминал обычное государственное учреждение, которое было призвано облегчить управление духовными делами калмыков. Более того, его организацией преследовалась цель ускорить окончательную разработку правового статуса калмыцкого духовенства. Нужно отметить, что со времени ввода в действие Положения 1834 г. и утверждения штатного расписания калмыцкого духовенства и до принятия нового «Положения» 1847 г. его численность оставалась на прежнем уровне.

Правовое положение ламаистской церкви получило окончательное оформление в «Высочайше утвержденном Положении об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. [ПСЗРИ-II, т. XXII 1848: 349–372]. Над калмыцким духовенством устанавливался контроль со стороны местной и центральной власти. Согласно Положению 1847 г. правительство признало нецелесообразным дальнейшее существование Ламайского духовного правления, которое было ликвидировано, а его функции распределены между АПГИ и Ламой калмыцкого народа и его канцелярией. Ламайское духовное управление было упразднено 1 октября 1848 г. На АПГИ было возложено регулирование численности буддийского духовенства и хурулов, надзор за порядком и законностью их деятельности, а также наблюдение за правильностью отвода мест под пастьбу хурульного скота.

Лама калмыцкого народа рассматривался как высшее духовное лицо, начальник всех хурулов, а фактически он являлся должностным лицом, состоявшим на службе правительства. Его должность утверждалась императором из числа бакшей больших калмыцких хурулов, кандидатуру на данную должность предлагали после согласования её между собой главный попечитель, улусовладельцы, правители и опекуны улусов и

астраханский губернатор. В помощь ему назначались письмоводитель и секретарь. Реально власть Ламы не была единоличной.

К компетенции Ламы были отнесены вопросы вероисповедания и брачно-семейные отношения, надзор за хурульным хозяйством и поведением буддийского духовенства, кадровые назначения и перемещения служителей буддийского культа. Лама должен был следить, «чтобы духовные лица ни под каким предлогом не вмешивались в дела светские» и «без письменного дозволения начальников хурулов не отлучались от места своего пребывания», и ежегодно предоставлять Главному попечителю «верные сведения о всех хурулах, о способах их содержания, о числе состоящих при них духовных лиц» [ПСЗРИ-II, т. XXII 1848: 349–372; Бурчинова 1980: 24–26; Максимов 1995: 242–267; Максимов 2002: 187–201; История Калмыкии 2009: 531–532].

Делопроизводственный комплекс по рассматриваемой тематике отложился в Отделе дореволюционных фондов Национального архива Республики Калмыкия в фонде И-42 «Ламайское духовное правление». Он состоит из документов двух фондообразователей – Ламайского духовного правления (1836–1848 гг.) и Канцелярии Ламы калмыцкого народа (с 1848 г.). В фонде насчитывается 54 единицы хранения, которые датируются с 1836 г. по 1898 г. В данном фонде круг делопроизводственных материалов достаточно разнообразен как в видовом, так и содержательном отношении, он является основой источниковой базы по изучению религиозных вопросов в рассматриваемый период. Материалы включают донесения об открытии Ламайского духовного правления, журналы заседаний, годовые отчеты и ведомости о состоянии вероисповедания в Калмыцкой степи, сведения о молитвенных зданиях, численности хурулов, размерах их хозяйства, мирских приношениях, список служителей ламаистского культа, табель калмыцких праздников. Неплохой массив материалов имеется о правительственных мероприятиях по сокращению численности духовенства, запрещении гелюнгам склонять крещеных калмыков к исповеданию буддийской (ламаистской) церкви.

Некоторые краткие отчеты Лам калмыцкого народа выявлены в фонде И-9 «Управление калмыцким народом» [НАРК. Ф. И-9], в основном они хранятся в виде подготовительных материалов, которые включались в состав сводного годового отчета калмыцкого управления.

Изучение делопроизводственного комплекса показало, что правомочия Ламы и Астраханской палаты государственных имуществ были строго разграничены. По Положению 1847 г. Лама обязывался ежегодно представлять составленный по форме отчет главному попечителю, который его использовал при составлении сводного годового отчета по всем отделениям калмыцкого управления.

В учреждения или должностным лицам, наделенным одинаковыми полномочиями, рассылались единообразные предписания и отношения. Если требуемая информация касалась не одного вопроса, то сообщалась форма, по которой предлагалось представить интересующие сведения. Например, 12 декабря 1849 г. Астраханская палата государственных имуществ по отделению Ордынских народов предписала Ламе калмыцкого народа представить не позже 10 января 1850 г. отчет по форме, соответствующей форме предыдущих годов и направлявшейся предшествующему учреждению – Совету Астраханского калмыцкого управления. При этом к письму, отправленному Ламе, прилагались формы ведомостей. Всего их насчитывалось пять: 1. «Ведомость о числе хурулов и духовенства в калмыцком народе за 1849 год»; 2. «Ведомость о числе хурульных зданий»; 3. «Ведомость о нерешенных делах по ведомству Ламы калмыцкого народа продолжающихся более 3 лет»; 4. «Ведомость о движении дел и бумаг по ведомству Ламы калмыцкого народа за 1849 год»; 5. «Ведомость о приношениях и добровольных пожертвованиях в пользу хурулов калмыцким народом за 1849 год» [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 37. Л. 146–153].

Каждому отчету давался заголовок, например, «Краткий отчет по Духовному Калмыцкому Управлению Астраханской губернии за 1884 год». Внешний анализ отчета позволяет сделать вывод о том, что он включал 4 листа рукописного текста, заполненных с обеих сторон на хорошей качественной бумаге каллиграфическим почерком, черными чернилами. В визуальном отношении лист условно разделен на две части: в левой части отчет написан на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»); в правой – размещен параллельный перевод на русский язык. К отчету прилагается сопроводительное письмо «О предоставлении годового отчета за 1884 год» за подписью Ламы калмыцкого народа, написанное на «тодо бичиг» с параллельным переводом на русский язык. Содержание отчета говорит о том, что описательная часть отчета состояла из двух разделов: «Хурулы» и «Духовенство». В разделе «Хурулы» описываются наличие и количественные данные больших и малых хурулов на отчетный год. В разделе «Духовенство» отражается штатное расписание калмыцкого духовенства. К отчету прилагались статистические таблицы-ведомости, в которых отражен учет умерших и выбывших по разным причинам духовных лиц, а также ведомость о наличном числе хурулов и калмыцкого духовенства поулусно [НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 74. Л. 271–277]. Анализ источников показал, что практика составления краткого годового отчета Ламы калмыцкого народа в целом была устойчивой, за исключением статистических ведомостей. Можно предположить, что это связано с плохой сохранностью данного вида источника.

Оконова Л.В. Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что к концу XIX в. был окончательно определен правовой статус буддийской (ламаистской) церкви и разработаны структура и порядок управления духовными делами калмыков. С одной стороны, российское правительство четко признавало буддизм как религию калмыков, с другой стороны, буддийская церковь была лишена автономности и попала в полное подчинение и контроль государственных органов управления имперской власти. Был четко налажен бюрократический аппарат, управлявший духовными делами, а также его внутреннее делопроизводство. Произошла как регламентация мер как по ограничению прав буддийской церкви, так и по уменьшению численности хурулов и состоявших при них духовных лиц. Лама калмыцкого народа стал одним из должностных лиц в общем административном аппарате управления, а его канцелярия – государственным учреждением, которое было, на наш взгляд, аналогом Святейшего правительствующего синода – высшего органа церковно-государственного управления Русской церковью, учрежденного Петром I.

Источники:

Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое: Том XL: 1825 по 19 ноября. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 155–162.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том X. Прибавление к IX-му Тому. № 7560а. Отделение второе. 1835 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. С. 18–40.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXII. Отделение первое. 1847 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. С. 349–372.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Литература:

Авляев Г.О. Калмыцкие хурулы в XIX веке // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 56–69.

Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.

Бакаева Э.П. Буддизм // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 406–429.

Бакаева Э.П. Исследования по истории буддизма Калмыкии на современном этапе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. №3. С. 72–88.

Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX века. М.: Наука, 2005. 155 с.

Бобровников А.А. Очерки религиозного состояния калмыков // Православное обозрение. Т. 17. Кн. 7. С. 334–352; Кн. 8. С. 401–510. М., 1865.

Бурчинова Л.С. Ламаистская церковь Калмыкии в системе российской государственности: разработка правового статуса калмыцкого духовенства в первой половине XIX в. // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 26–73.

Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (Вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 4. 385 с.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 2. СПб., 1777. 362 с.

Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 128 с.

Дорджиева Г.Ш. Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX-первой половине XX века. М.: ИРИ РАН, 2001. 177 с.

Дорджиева Г.Ш. Буддизм у калмыков // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 3. С. 218–259.

Дорджиева Г.Ш. Буддизм в Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII–начало XX вв.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с.

История Калмыкии с древнейших дней до наших дней: в 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. 845 с.

Ламаизм в Калмыкии / ред. В. П. Дарбакова, А. И. Наберухин, Н. Л. Жуковская. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. 112 с.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 1. СПб., 1771. 537 с.

Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. С. 214–220.

Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. С. 165–172.

Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. Крайя, 1852. 199 с.

Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. Крайя, 1834. 290 с.

Орехов И.И. Ламаистское духовенство Калмыкии в начале XX века // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 50–55.

Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям (местам) Российской империи. Ч. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1809. 657 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургская, т.е. обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской АН корреспондентом П. Рычковым. СПб., 1762. Ч. 1. 331 с.

Vakaeva E.P. Research on the History of Buddhism in Kalmykia at the Present Stage // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2015. Vol. 53. Is. 4. P. 21–46.

Vakaeva E.P. Buddhism in Kalmykia (Excerpts) // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2000. Vol. 39. Is. 3. P. 11–87.

**Оконова Л.В. Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы
по материалам отчетов Управления калмыцким нароом**

Bakaeva E.P. Lamaism in Kalmykia // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2000. Vol. 39. Is. 3. P. 8–10.

Batyreva K.P., Batyreva S.G. Figurative Art and Epic Imagery in Kalmykia in Light of the Ethnic Identity of the Creative Individual // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2015. Vol. 54. Is. 3. P. 6–23.

DOI 10.22162/2541-9749-2017-4-2-98-107

УДК 7.035(47)9

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СУВЕНИРНОЙ ПРОДУКЦИИ ИЗ ВОЙЛОКА В КОНТЕКСТЕ КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ*

Батырева С.Г.¹

¹ доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: sargerel@mail.ru

Аннотация: В условиях расширяющегося этнокультурного взаимодействия в мировом сообществе закономерно возрастает роль и значение культурного наследия. Тенденциям глобализации культуры противостоит массовый интерес к ее этнической художественной выразительности, искусству. Интересный материал в этом отношении предоставляет наследие кочевой культуры Калмыкии. С переходом калмыков на оседлость ремесленное производство необходимых в быту предметов в настоящее время утрачено. Вместе с тем культура традиционного общества востребована в индустрии современного туризма. Становление сувенирного дела в республике происходит в сложных условиях аккультурации. Туристический рынок Калмыкии наводнен изделиями, далекими в исполнении от традиций, что составляет проблему художественного образования мастеров–исполнителей сувенирных изделий. Стремление гостей приобщиться к национальным культурным ценностям предъявляет особые требования к традиционным технологиям исполнения художественной продукции Калмыкии.

Ключевые слова: культурное наследие, искусство, художественные традиции, войлок, сувенир, народное творчество.

Тенденциям глобализации культуры, наблюдаемым сегодня, противостоит массовый интерес к ее художественной выразительности – искусству. Различны способы воплощения этнического начала на разных стадиях культурного развития человечества. Это позволяет выделить среди многих социальных функций искусства собственно этнические его функции [Щедрина 1987: 41–47]. Интересный материал в этом отношении предоставляет традиционное наследие кочевой культуры Калмыкии.

* Статья написана в рамках исследований по Государственному заданию № 115062510041 «Комплексное исследование этнических культур монголоязычных народов в условиях социокультурного взаимодействия».

Батырева С. Г. К вопросу об изучении сувенирной продукции из войлока в контексте калмыцких народных традиций

Необычна историческая судьба калмыков, предки которых в начале XVII века оставили в Центральной Азии этническую прародину. В новых исторических, географических и социально-экономических условиях и развитии связей с соседями происходило сложение калмыцкого этноса, самобытной культуры. В прикаспийских степях юга России при переходе на оседлость происходит их адаптация ко «вторичному культурному ландшафту». Ее этнические особенности синтезированы в народном декоративно-прикладном искусстве. Оно формируется в русле развития орнаментального наследия, проходившем далеко за пределами монгольского мира. Общее и особенное их художественной культуры объясняется социально-экономической основой уклада кочевых народов России. Неудивительно, что так много общего в традиционных пластах культуры бурят, калмыков, башкир, казахов, киргизов, каракалпаков, алтайцев, тувинцев, якутов.

Вместе с тем особенная выразительность калмыцкого наследия XIX – начала XX вв. позволяет считать его явлением не только в искусстве родственных монголов и бурят, но и вообще в искусстве кочевников. Наблюдаемое народное прикладное творчество синтезировало все исторические перипетии необычной судьбы этноса, что хорошо видно, например, в орнаменте. Орнаментальной культуре калмыков присущи лаконизм композиции и полихромия колорита, подчеркнутые графической выразительностью рисунка рельефного узора, тисненного на коже, выбитого чернью по металлу, стеганного по войлоку, резного по дереву или вышитого на ткани. Наиболее ярко эти особенности можно проследить в такой сфере калмыцкого народного декоративно-прикладного искусства, как художественная обработка ткани и войлока, реализуемая в оригинальной технике исполнения узора-аппликации «зег» [Сычев 1970: 41–42]. В призме традиций была сформирована этническая система выразительных средств и художественных приёмов прикладного творчества: резьба и роспись по дереву, художественная обработка металла, тиснение и аппликация по коже, орнаментация войлочных изделий, вышивка цветными, серебряными, золотыми нитями и позументами одежды и головных уборов, мягких бытовых предметов.

С женским рукоделием связаны изготовление и орнаментация войлока, шитье и вышивка одежды и обуви. Лёгкий и прочный, пыле- и влагонепроницаемый войлок – универсальный материал в кочевом хозяйстве – использовался не только для покрытия кибитки «ишкэ гер», разборного и переносного жилища кочевников. Из него изготавливали подстилки на кровать «девскр», циновки «ширдг», валяные чулки «өөмсн», конские и верблюжьи потники «эмэлин тохм», рукавицы «бэрүл» для горячих котлов и прочее. Из поколения в поколение пере-

давались приёмы художественной обработки войлока, используемого в традиционном хозяйстве.

Декор войлочной циновки «ширдг» состоял из поля узорной композиции и внешней каймы, ограничивающей поле строчевыми швами. Узор в основном геометрический, широко варьировался в сочетании косых параллельных линий, полукружного, П-образного или Т-образного меандра «зег». Геометрический рисунок стёжки, имитирующей пошаговое развитие орнаментальной композиции, повторяет форму войлока калмыков, генетически близкого в происхождении стёганому узору войлока ойратов Западной Монголии и монгольских этносов Китая (Синьцзяна и Внутренней Монголии).

Калмычки с малолетства владели традиционными навыками сучения шерстяных нитей, прядения и ткачества. Они пряли овечью и верблюжьей шерстью на ручном веретене «иг». Мастерницами делались маленькие мотки шерсти «түүдг», шерсть наматывалась на указательный палец левой руки, а правой, подкручивая веретено, сучили нитку, сматываемую в большие клубки. Их использовали для простёгивания войлока и тканья тесьмы «хошлн», перевязывающей войлочное покрытие калмыцкой кибитки «ишкэ гер». Цветную тесьму изготавливали с применением небольшого станка, по уровню её изготовления и художественным достоинствам изделия судили о мастерстве рукоделия хозяйки. Декор войлочных изделий калмыков несет древние пласты художественной культуры, органично связанной с основой животноводческого хозяйства, производящего кожу и шерсть, традиционные материалы народного декоративно-прикладного искусства.

В соотношении того, что было и существует сейчас, можно проследить дальнейшую судьбу народного творчества в современных условиях. Депортация народа (1943–1957 гг.) в результате сталинских репрессий наложила обезличенную печать на современный художественный процесс. Во многом утрачены традиционные ремесла, сегодня искусство Калмыкии развивается в основном путем реконструкции художественного наследия. Оно хранимо образной памятью и этническим самосознанием авторов, питающим древо национальной культуры в побегах искусства нового. Мироощущение личности, преломляющей в призме творчества традиции, разные в происхождении, синтезированы в декоративно-прикладном искусстве Калмыкии. Здесь осуществляется диалог традиций в евразийском художественном пространстве культуры народов России. Этим сформирован характер открытой к взаимовлияниям современной калмыцкой культуры, в ее поле очевидны проблемы развивающегося искусства.

Отметим, что аутентичная реконструкция традиций в культуре трудно воспроизводима в современных условиях ускоренного размывания

Батырева С. Г. К вопросу об изучении сувенирной продукции из войлока в контексте калмыцких народных традиций

ее этнических особенностей. Пробивающийся на поверхность процесса глобализации животворный родник требует не только усилий народных мастеров, самодельных и профессиональных художников, работающих в сфере прикладного искусства Калмыкии. Необходимы условия для изучения наследия и переложения знаний в системе художественного образования с последующим внедрением в процесс развития туристической инфраструктуры республики. Актуально сегодня обращение к наследию номадической культуры Калмыкии.

Художественные традиции востребованы в индустрии современного туризма. Стремлением человека эмпирически приобщиться к культурным и национальным ценностям: увидеть, ощутить, познать и в итоге получить накопленный на месте культурный опыт, объясняется расширяющийся список предложений туристического рынка. Действительно, познавательный туризм дает возможность погрузиться в культурное пространство в необходимой степени. В условиях развития въездного и внутреннего туризма богатейший потенциал страны составляют традиционный уклад и фольклор народов, населяющих регионы.

К таковым относятся традиционные художественные ремесла этноса. Исторически бытовавшие в регионе, они могут заполнить востребованные ниши туриндустрии, и в частности, в такой ее области, как сувенирное производство. Его ассортимент должен нести знаковый характер этнической культуры. Таковым является изготовление войлока, традиционного материала животноводческого хозяйства номадов. Художественная обработка войлочных изделий на современном этапе может быть развита в формах, сегодня востребованных. Для этого необходима интеграция производства продуктов туриндустрии в социокультурную практику. Желающим познакомиться с традиционной культурой должно быть предоставлено не только посещение музея с экскурсионным и лекционным обслуживанием, составляющим пассивное знакомство с этнической культурой. Организация и проведение мастер-классов по созданию изделий традиционного быта с непосредственным участием туристов в технологическом процессе народного промысла предполагает его активную познавательную деятельность.

Непосредственное общение с носителями живой культурной традиции имеет обширный познавательно-обучающий, то есть дидактический характер для туриста. В условиях негативных проявлений массовой культуры, урбанизации и аккультурации современного бытия создание того или иного сувенирного изделия представляет положительный опыт не только для гостей, но и молодого поколения традиционного общества, уходящего в прошлое. На современном уровне бытия этнической традиции историческое наследие оживает в процессе его реконструкции и

репрезентации в реализации концепта «сувенир», принимая актуальные формы социокультурной художественной практики.

Новая жизнь традиции реализуется в процессе творческих поисков мастеров разнообразия самобытной продукции. Это затруднено утратами культурного наследия: оно ушло в прошлое в связи с переходом кочевников на оседлость. Вместе с тем необходимость восполнения традиций художественной обработки войлока как этническое зерно культуры сегодня осознается в полной мере. Еще в 60-е годы XX в. в республике поднималась проблема возрождения народного прикладного искусства, предпринимались первые попытки создания сувенирной промышленности. Предприятие «Калмыцкие умельцы» было призвано к деятельности по созданию «подарков на память», как правило, не имеющих функционального назначения бытовой вещи. Между тем в своей эстетической значимости сувенир обязательно предполагает адекватное восприятие этнической культуры. К художественному воплощению предмета культурного наследия предъявляются особые требования, относящиеся к форме, символике цвета и атрибутов, материалу изготовления, его художественной обработке. Все это должно дополняться компактной формой, обязательной небольшой себестоимостью и соответствующим товарным видом изделия.

Естественно творческая деятельность авторов должна быть одухотворена знанием традиционного быта народа, его культуры. В художественной обработке войлока и кожи, традиционных материалов калмыцкого ремесла, оно воссоздается в произведениях современного искусства. Таковы декоративные войлочные и кожаные панно, выполненные в технике аппликации и тиснения, предназначенные для украшения интерьера. В произведения «этнографического искусства» мастера вкладывают свое представление о национальной культуре, используя характерную фактуру материала и применяя освоенную ими народную технику художественной обработки. Вдохновение, по выражению мастера А. Кошевого, – «берут от степи», осознавая ее территорией, где проживают многие народы. Синтез традиций воплощают в образах, где «ищут корни культуры». Такое творчество характеризует исследовательский подход в создании произведений. «Автор имеет право на создание произведения лишь после осмысления традиции», – считает А. Кошевой [ПИМА: Кошевой]. В поисках золотой середины между исходной традицией и ее авторской трактовкой, лишь в обретении аутентичности наследия изделие имеет право на существование.

В данном процессе особую значимость приобретает музей, хранящий традиционное наследие. Выставки декоративно-прикладного искусства в целенаправленно планируемой деятельности музея формируют современный художественный процесс в нужном направлении и

Батырева С. Г. К вопросу об изучении сувенирной продукции из войлока в контексте калмыцких народных традиций

темпе развития. Выставки музея, представляя современное состояние процесса, дают реальную возможность автору соотнести свое творчество с общим уровнем искусства, тем самым способствуя его личностному развитию. Системно проводимая экспозиционная работа художественного музея имеет социокультурную значимость образовательно-просветительного центра региона [Акулич 2004]. Здесь осуществляются необходимые в художественном процессе связи «творческий союз – музей – зритель».

Декоративно-прикладное творчество, напрямую связанное с сувенирным производством, в своем развитии предполагает обращение к национальным школам, близким в истоках этнической культуры. Несомненный интерес в этом отношении представляет опыт сувенирной промышленности Монголии. Разнообразные национальные сувениры, характерные профессиональным уровнем технического исполнения, представлены в богатейшем ассортименте, востребованном потребителями. В качестве последних выступают многочисленные туристы, посещающие страну. Широкий ассортимент изделий из кожи, войлока, дерева, рога и кости, металла, фарфора и пластмассы, ткани, используемых в создании сувенира, органично сопряжен в сюжете, форме и технике исполнения со знанием традиции.

В противоборстве массовой культуре, формирующей потребительский рынок, состоит производство, претендующее на этническую выразительность изделий, аутентичных в восприятии наследия. Это должны быть произведения, воплощающие эстетику и нравственно-этические ценности этноса. Вот отправное начало, место и роль национального сувенира в современном диалоге культур. В возрастающих культурных запросах массового потребителя, функционировании российского художественного рынка формируется сувенир, современный продукт декоративно-прикладного искусства Калмыкии.

Связать нарушенную в драматических коллизиях истории «нить преемственности», воссоздав художественные традиции из небытия и осмыслив их в новых, созвучных времени форме и содержании, такая ставится задача в современном искусстве. Тесным образом это сопряжено с системой художественного образования в республике. Декоративно-прикладное отделение Элистинского колледжа искусств, призванное готовить профессиональных мастеров, должно развиваться по пути расширения направлений сувенирного дела, определяемых традиционными материалами художественных ремесел (кожи и войлока, дерева и металла, ткани).

Этническое русло развития искусства формируется идентичностью художника, осознающего принадлежность к общности, характеризуемой языком, историей его государственности, культурой [Тишков 2003: 112–

120]. Руководствуясь нормами и ценностными ориентациями общества, он ищет символы коллективной идентичности, усиливая чувство общих корней. Самосознание личности органично претворяется в приобщении к историческому прошлому, определяя тематику творчества в современной реконструкции художественного наследия. Воссоздание в искусстве традиционной модели культуры выступает «универсальным социальным механизмом» традиции, стабилизирующим этническую культуру [Мосолова 1995: 87].

На мой взгляд, именно открытость культуры позволила малочисленному этносу выжить в условиях кардинальных социальных перемен, но другой стороной адаптации становится проблема художественного стиля. Животворные истоки традиций «завалены» вторичными наслоениями сложной истории народа. Отсюда необходимость ориентации автора на отработанные веками и стилистически завершенные в эстетической выразительности декора формы. Дерево художественных ремесел продолжает расти благодаря творческой деятельности самодеятельных художников, народных мастеров.

С достоинством работали и работают на многотрудной стезе сохранения, возрождения и преемственности художественных традиций народные умельцы: ювелир Г. Васькин из Элисты, резчик по дереву А. Овкаджиев из Ергенинского, мастер конской упряжи Д. Нандышев из Кетченер, шорник Н. Бадмаев из Кегульты, мастера кожевенных дел Б. Дохаев и Б. Баиндорджиев из Бергина. Золотошвейки В. Басангова и Н. Лиджиева из Цаган-Амана и Б. Чурюмова из Кетченер продолжают традиции вышивки, ориентируясь и опираясь в работе на исследовательские труды калмыцких ученых, посвященных орнаментальной культуре [Сычев 1970; Ковалев 1977; Батырева 2005].

Орнамент «зег», емкий в богатстве полихромной композиции четко очерченный, как душа калмыцкого искусства, сохранялся в образной памяти поколения, прошедшего депортацию. Созданные мастерами вещи кочевого быта из войлока и ткани несут своеобразие творческого почерка автора в чистоте выстланного стежка гладью или незатейливого стеганого сюжета в войлоке. В следовании народным приемам наложения шнура, позумента, нитей и ткани, составляющим самобытный язык калмыцкого рукоделия «зег», мастерицы создают сумочки, кошельки, декоративное оформление головных уборов, манишек, кисетов.

Преодолеваются технические трудности валяния войлока. Плотно сваляная овечья шерсть используется в изготовлении циновок-ширдыхов, подушек, обуви и кибиточного покрытия. Стеганным геометрическим узором, несложным лишь на первый взгляд, заполнялись в традиционной системе воспроизведения форма предметов, окаймленных тка-

Батырева С. Г. К вопросу об изучении сувенирной продукции из войлока в контексте калмыцких народных традиций

невым, умело подобранным в цвете, бордюром. Нить стежки традиционно должна быть контрастного к войлочному полотну цвета в цинковке «ширдг», переметной суме «даалинг», круглой валикообразной подушке «дер». Лаконичный художественный образ вещей, воспринимаемых в ансамбле, наглядно представляет в эстетической выразительности номадический быт калмыков. Теплая кошмовая поверхность вещей создает необходимый сдержанный цветовой фон для выразительной геометрической композиции. Произведения калмыцкой коллекции Российского этнографического музея, экспонированные на выставках «Калмыцкая вышивка» и «Степные узоры», и наследие, хранимое в Национальном музее имени Н.Н. Пальмова Республики Калмыкия, служат самобытными ориентирами в творчестве современных авторов.

Искусные руки и врожденный вкус мастеров рожают на свет вещи, вызволенные из забвения. Декоративно-прикладное искусство представлено предметами быта, созданными в коже, кости и роге, войлоке, дереве и металле. В концептуальном осмыслении народного творчества был создан Музей традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН. Фонды комплектовались в русле финансирования по Программе поддержки академических музеев, осуществляемой Музейным советом Российской академии наук. Среди них произведения, реконструируемые по описаниям источников и сохраняющимся в памяти мастеров традициям народного искусства. Музей является этнокультурным центром, востребованным в сфере образования и науки. Издание монографий, музейного путеводителя [Музей 2016] и множества статей по калмыцкому искусству и в будущем – каталога произведений народного творчества, видится перспективным в плане методологического оснащения учебного процесса подготовки мастеров-прикладников в системе художественного образования.

Музей традиционного наследия функционирует как научно-исследовательский и культурно-образовательный центр, своеобразный транслятор традиций в широком спектре коммуникативной и просветительной деятельности. В социальной характеристике музея видится его роль в сохранении культурного наследия, частью которого является народное декоративно-прикладное искусство. Его современное кризисное бытие обусловлено нарастающей коммерциализацией и глобализацией мировой культуры. В противостоянии нивелирующей тенденции важно поддерживать творческую деятельность мастеров в сфере создания этнически выразительного сувенира.

В лабиринте культуры постмодернизма, характерном многообразием связей и отношений, нередко возникает «семиотический парадокс» в форме и декоре сувенирного изделия. В активном диалоге культур они

имеют право на существование, выражая во многом транзитивный характер художественной культуры. В материальной разработке традиционного национального сувенира важно найти этническое зерно условного обобщения формы. Отметим, что изделия художников-прикладников, претендующие на традиционность, нередко имеют стилизованный характер художественной обработки войлочных и кожаных предметов. Кустарные произведения мастеров и художников-профессионалов, созданные в небольшом количестве, достаточно высоки в себестоимости, обусловленной трудностями сувенирного дела. Сплелись воедино проблемы преемственности художественных традиций в современной культуре производства и спроса, конкурентоспособности в товарных требованиях к изделиям.

Вместе с тем в условиях расширяющейся сферы туризма, новых форм этнокультурного взаимодействия растет интерес к этнической выразительности сувенирного изделия. Отвечая вызовам времени, оно противостоит тенденциям глобализации культуры и коммерциализации искусства, стимулируя творческие поиски мастеров, активизированные потребностями общества. Плоды творческой деятельности синтезируют художественные традиции на новом уровне развития. Это происходит в процессе межэтнического культурного взаимодействия, реализуемом в творчестве. Последнее формирует художественный процесс, образуемый коллективными усилиями авторов. Его направление – восстановление традиций наследия в современном бытии этнического сообщества.

Историческая память как этнообразующая доминанта художественного процесса проецирует «лакмусовые» для самосознания фольклорные и буддийские тенденции развития искусства XXI в. Архетипические основы сознания, этноконфессиональная принадлежность, национально-территориальная государственность и исторический опыт народа формируют универсальный вектор этнической идеи, демонстрирующий непрерывность Прошлого и Настоящего в художественном поле традиционной культуры.

Источники:

Полевые материалы автора: Кошевой А. Запись сделана 24 октября 2011 г.

Литература:

Акулич Е.М. Музей как социокультурное явление // Социс. 2004. № 10. С. 10–92.

Батырева С.Г. Калмыцкое народное декоративно-прикладное искусство XIX – начала XX вв. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 160 с.

Ковалев И.Г. Калмыцкий народный орнамент. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. 146 с.

Батырева С. Г. К вопросу об изучении сувенирной продукции из войлока в контексте калмыцких народных традиций

Мосолова Л.М. Современный цивилизационный процесс, проблемы актуализации традиций этнических культур и образование // Проблемы изучения регионально-этнических культур России и образовательные системы. Тезисы докладов на международной научной конференции. СПб.: Познание, 1995. С. 83–90.

Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты. Путеводитель / Сост. Батырева С.Г., Батырева К.П., Манхадыхова Е.Н. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 108 с.

Сычев Д.В. Заметки о калмыком орнаменте // О калмыцком прикладном искусстве. Волгоград: Н.-Волж. кн. изд., 1967. С. 36–52.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Щедрина Г.К. Искусство как этнокультурное явление // Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. С.41–47.

Ad memoriam

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ М.Л. КИЧИКОВА: К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Очиров У.Б.¹, Тепкеев В.Т.²

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

² кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: tvt75@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу научной библиографии известного историка нашей республики, первого калмыка – доктора исторических наук Мергена Лиджиновича Кичикова (1922 – 1999), который внес существенный вклад в развитие исторической науки Калмыкии во второй половине XX в. Особый вклад М.Л. Кичиков внес в изучение истории формирования Калмыцкого ханства и истории Калмыкии в период Великой Отечественной войны. Его концепции, наработки, огромный эмпирический материал, введенный им в научный оборот, снискали историку заслуженную славу.

Статья, посвященная памяти историка, публикуется в год его 95-летия.

Ключевые слова: история Калмыкии, историография, Калмыцкое ханство, Великая Отечественная война, КНИИЯЛИ, Мерген Леджинович Кичиков.

Мерген Лиджинович Кичиков родился 2 августа 1922 г. в станице Иловайской Сальского округа Донской области, в семье видного ученого, крупного общественного и политического деятеля Номто Очирова и медицинского работника Докты Пасугиновой. Отец юного Мергена был хорошо известен в Калмыкии и востоковедном научном мире как калмыковед, специалист в разных отраслях знаний. Он имел два высших образования (для Калмыкии того времени – случай уникальный), писал труды по калмыцкой этнографии, экономике, фольклористике, эпосоведению. Именно Номто Очиров записал первые песни и открыл научному миру талант джангарчи Ээлян Овла, цикл песен которого ныне считается классическим.

Помимо научной деятельности Н.О. Очиров активно занимался общественной и политической деятельностью, был широко известен в народе и после начала революции 1917 г. постоянно избирался в представительные органы власти Калмыцкой степи: сначала в ЦИК управления калмыцким народом, затем в Малый круг Калмыцкой части Астраханского казачьего войска, войсковое правительство. В 1919 г. являлся руководителем войскового правительства Астраханского казачьего войска. Советская власть прилагала

большие усилия, чтобы переманить на свою сторону одного из ведущих лидеров калмыцкого народа. В 1920 г. он отказался от эмиграции и вернулся в Калмыкию, получив персональную амнистию ВЦИК за подписью В.И. Ленина и М.И. Калинина. Номто Очиров несколько лет работал в советских органах власти, но со временем его, как бывшего белогвардейца, стали преследовать, лишили работы, несколько раз арестовывали и судили по печально известной 58-й статье. В 1927 г. Д. Пасугинова развелась с Н. Очировым и вышла замуж за сотрудника НКВД Л. Кичикова. Отчим относился к юному Мергену, как к родному, дал ему свою фамилию и отчество, под которым будущий историк и стал известен в калмыцкой историографии.

В 1935 г. умерла мать М.Л. Кичикова, а в 1937 г. под жернова репрессий Большого террора попал и отчим, который служил в Монголии, советником Х. Чойбалсана. Осиротевший юноша переехал к родственникам матери, в станицу Кутейниковскую – центр Калмыцкого района Ростовской области, где он в 1941 г. окончил среднюю школу [Ванькаев 2016].

В сентябре 1941 г. Мерген Лиджинович был призван на фронт Калмыцким районным военкоматом Ростовской области и направлен сначала в полковую школу младших командиров, а затем на учебу в артиллерийское училище. После окончания училища был произведен в лейтенанты и 18 января 1943 г. прибыл на службу в 792-й артиллерийский полк 256-й стрелковой (будущей Нарвской Краснознаменной) дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта. В рядах этого полка М.Л. Кичиков провёл всю войну (с февраля 1944 г. – в составе Ленинградского фронта, с августа 1944 г. – 2-го Прибалтийского), сначала командиром взвода разведки штабной батареи, затем командиром 5-й батареи. Он принимал участие в прорыве блокады Ленинграда, Мгинской операции, «Январском громае», освобождении Нарвы, боях на территории Латвии, под Лиенапай и Тукумсом, блокаде курляндской группировки. В 1944 г. 256-я дивизия дважды попадала в окружение, но смогла продержаться до подхода помощи. В период сражений Мерген Лиджинович был трижды ранен (27 августа 1943 г., 18 октября 1943 г. и 23 ноября 1944 г.), за отличия в боях награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степ. [ОБД «Подвиг народа»: Кичиков М.]. С июля 1945 г. по июль 1946 г. нес службу в артиллерийских частях в Молдавии [Ученые 2001: 182].

В 1946 г. М.Л. Кичиков демобилизовался, выехал в восточный Казахстан, где проживал его отец – Н.О. Очиров, вскоре арестованный уже в пятый раз и осужденный по все той же 58-й статье. В 1948–1952 гг. Мерген Лиджинович учился на историческом факультете Казахского пединститута им. Аблая в Алма-Ате. До 1957 г. М.Л. Кичиков работал учителем истории в вечерней школе в Усть-Каменогорске, позднее стал ее директором.

После восстановления автономии калмыцкого народа М.Л. Кичиков вернулся в Калмыкию и работал инспектором Приозерного района. В 1961 г. он поступает на работу в Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (далее – КНИИЯЛИ) старшим научным сотрудником сектора истории. В том же году Мерген Лиджинович поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, где его научным руководителем стал известный советский историк-монголист И.Я. Златкин –

**Очиров У.Б., Тепкеев В.Т. Научное наследие М.Л. Кичикова:
к 95-летию со дня рождения**

автор монументальной «Истории Джунгарского ханства». Именно под его влиянием для своей диссертации наш земляк выбрал ранее малоизученную тему – образование калмыцкой государственности в XVII в. Выбранная тема была весьма актуальной для того времени – периода восстановления автономии после 13-летней депортации калмыцкого народа.

М.Л. Кичиков основательно изучил архивные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (далее – ЦГАДА), специальную литературу, а также калмыцкие историко-генеалогические сочинения. Стоит отметить, что Мерген Лиджинович был первым из калмыцких историков, обратившимся к данной тематике, и в дальнейшем опубликовал по ней ряд трудов. Первой его научной работой, которая увидела свет в 1962 г., стала статья «К истории образования Калмыцкого ханства в составе России», опубликованная в «Записках» – первом периодическом издании КНИИЯЛИ [Кичиков 1962]. Развивая свои изыскания по этой тематике, М.Л. Кичиков написал еще одну статью, которую опубликовал в 1963 г. в другом периодическом сборнике КНИИЯЛИ – «Вестник института» [Кичиков 1963]. В этих работах автор подробно рассматривает первые десятилетия пребывания калмыков на Волге (1630-е – 1660-е гг.). Особое внимание Мерген Лиджинович уделяет таким проблемам, как решение территориального вопроса в русско-калмыцких отношениях, общественно-политическое и экономическое положение калмыцкого общества в XVII в., участие калмыков в Русско-польской войне 1654–1657 гг., время образования Калмыцкого ханства в составе России и усиление личной власти тайши Дайчина. Во второй работе автор впервые опубликовал калмыцкое письмо Дайчина 1661 г., составленное на старописьменном монгольском языке [Кичиков 1963: 24].

На основе архивных документов М.Л. Кичиков впервые пришел к выводу, что тайша Дайчин был первым калмыцким ханом, хотя и не признанным в этом новом звании царским правительством. Поскольку его власть была недостаточно устойчивой, она во многом зависела от характера русско-калмыцких отношений. Возникновение полунезависимого и достаточно сильного в военном отношении Калмыцкого ханства соответствовало интересам Московского государства в XVII в. Однако русское правительство, как считал Мерген Лиджинович, желало иметь более послушного калмыцкого правителя, поэтому оно использовало политическое падение Дайчина в пользу его сына Мончака (Пунцуга), который оказался более лояльным и преданным интересам России [Кичиков 1963: 28].

В следующей работе историк обратился к истории легендарного калмыцкого героя – Мазан-Батыра [Кичиков 1964]. Опираясь на материалы ЦГАДА, М.Л. Кичиков обстоятельно, на документальной основе, доказывает, что герой калмыцкого фольклора – это реальная историческая личность. В частности, он кратко описывает военные деяния Мазан-Батыра в 1670-е гг., когда тот участвовал в русско-турецких войнах против Крымского ханства и его сюзерена – Османской империи. Основным выводом этой статьи стало утверждение автора, что Мазан-Батыр «честно и безупречно исполнял свой долг, защищая интересы своего нового отечества и навсегда остался в памяти своего народа» [Кичиков 1964: 75].

По итогам своих изысканий Мерген Лиджинович подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Образование Калмыцкого ханства в составе России (1607–1664)», которую успешно защитил в 1963 г. Уже через год он был назначен заместителем директора КНИИЯЛИ, а в 1965 г. стал заведующим сектором истории, которым руководил почти 12 лет, вплоть до своего переезда в другой регион.

В 1966 г. на основе своего диссертационного исследования М.Л. Кичиков написал монографию «Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России» [Кичиков 1966]. Рассматривая основные этапы продвижения калмыков из Джунгарии в Сибирь и далее на Волгу, автор поставил под сомнение господствовавшее ранее в дореволюционной историографии мнение об экспансионистском характере миграции калмыков на запад. Приход на Волгу он рассматривал как «результат объективно-исторической необходимости» [Кичиков 1966: 140]. Образование Калмыцкого ханства в составе России, по мнению Мергена Лиджиновича, не было случайным явлением. Калмыки, поселившиеся в степных пределах Приуралья и Поволжья, не представляли собой «дикую орду» и пришли в Россию с определенно сложившимися феодально-иерархическими и государственными традициями и принесли с собой солидный багаж культурного наследия своих предков [Кичиков 1966: 137].

В 1967 г. М.Л. Кичиков опубликовал краткий обзор результатов своих поисков по данной теме [Кичиков 1967а].

Продолжая исследования по истории XVII в., М.Л. Кичиков в 1969 г. издал новый труд, в котором сделал краткий исторический обзор ситуации на юго-востоке страны в XVII в. и оценил роль калмыков в этих событиях [Кичиков 1969б]. Как видим, Мерген Лиджинович свою научную деятельность не стал ограничивать только темой своего диссертационного исследования, т.е. периодом образования Калмыцкого ханства, и начал рассматривать и последующие периоды истории, особенно время правления хана Аюки. Это дает основание нам полагать, что М.Л. Кичиков планировал продолжить исследование истории Калмыцкого ханства, но в 1970-е гг. он переключился на другую тематику.

Тем не менее, изредка (если не считать обобщающие труды, при написании которых Мерген Лиджинович основывался на результатах исследований 1960-х гг.) он возвращался к XVII в. в отдельных статьях. Например, в 1976 г. вышла его статья по одному из наиболее дискуссионных вопросов в историографии истории Калмыкии XVII в. – о характере переселенческого движения калмыков из Джунгарии на Волгу [Кичиков 1976]. В ней М.Л. Кичиков обратился к ранее не использованной им литературе, в частности, материалам С.К. Богоявленского и трудам нескольких зарубежных ученых. Он еще раз подверг критике утверждения американского исследователя калмыцкого происхождения А. Борманджинова и других авторов об экспансионистском характере калмыцкой миграции на запад [Кичиков 1976: 6].

Подводя итог изысканиям Мергена Лиджиновича по этой тематике, следует отметить, что он первым из калмыцких историков обратился к теме истории образования калмыцкой государственности. Хотя его ра-

**Очиров У.Б., Тепкеев В.Т. Научное наследие М.Л. Кичикова:
к 95-летию со дня рождения**

боты по истории Калмыцкого ханства были далеко не исчерпывающими, и на них лежала печать советской идеологии, можно со всей уверенностью считать, что М.Л. Кичиков во второй половине XX в. дал серьезный импульс для развития этой темы, который подхватили последующие поколения калмыцких историков.

В начале 1960-х гг. М.Л. Кичиков в соавторстве с Б.С. Санджиевым принял участие в другом проекте – составлении и издании сборника документов об участии калмыков в войне 1812 г., который был опубликован в преддверии юбилея – 150-летия Отечественной войны [Калмыки 1964]. Работа в основном велась в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (Москва) и Центральном государственном архиве Калмыцкой АССР (Элиста), отчасти в государственных архивах Ростовской и Астраханской областей. Несколько документов было взято из дореволюционных публикаций, ставших библиографической редкостью. В этом сборнике также было опубликовано введение, принадлежавшее перу Мергена Лиджиновича, которое стало квинтэссенцией представлений калмыцких учёных того времени об участии калмыков в Отечественной войне 1812 г. В ходе своих исследований наши коллеги смогли разыскать и ввести в оборот большой объем неизвестных ранее архивных документов. Благодаря этому им удалось заметно продвинуться в изучении боевого пути трех национальных полков. Кроме того, впервые в описании истории Калмыкии был поставлен вопрос об участии в войне 1812–1814 гг. донских калмыков. Впрочем, и эта тема в последующем не получила развития в трудах М.Л. Кичикова. Во второй половине 1960-х гг. он сконцентрировался на исследованиях по новой теме, приведших историка к новому триумфу.

Параллельно с исследованиями по вышеназванным темам Мерген Лиджинович начинает активно разрабатывать другую тему, которая для него была близкой и понятной в силу личного опыта и переживаний – историю Калмыкии и ее уроженцев в период Великой Отечественной войны. С первых дней восстановления института эта тема стала одной из основных и особо актуальных. В течение нескольких лет историки КНИИ-ЯЛИ проводили поиск документов в архивах, опрашивали ветеранов, собирали воспоминания очевидцев о тех годах. Огромный пласт материалов, собранных в те годы, ныне хранится в Научном архиве КалмНЦ РАН, свидетельствуя о значительном объеме работы, осуществленной научными сотрудниками сектора истории. По итогам этой работы в 1966 г. был опубликован сборник документов и материалов об участии Калмыкии и ее жителей в Великой Отечественной войне, который успешно выдержал еще два переиздания [Калмыкия 1966; 1985; 2005]. В ходе работы по составлению сборника М.Л. Кичиков (в соавторстве с Б.С. Санджиевым) опубликовал первую научную статью по теме участия Калмыкии в Великой Отечественной войне, в которой авторы представили своеобразный отчет о проделанной работе [Санджиев, Кичиков 1964].

Спектр вопросов, которые изучал Мерген Лиджинович в рамках своих исследований по истории Великой Отечественной войны, был необычайно широким. Он занимался изучением истории Калмыкии

в 1941–1943 гг., в том числе и в период частичной оккупации, участия жителей региона в боевых действиях и их ратных подвигах, в том числе в партизанских отрядах и Движении Сопротивления, трудового вклада наших земляков в Победу. Ряд промежуточных результатов, достигнутых М.Л. Кичиковым, нашел отражение в статьях, опубликованных в «Ученых записках» КНИИЯЛИ и материалах различных конференций [Кичиков 1967в; 1968; 1970а; 1972а].

Особый пласт в исследованиях Мергена Лиджиновича составила история национального соединения – 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии (далее – ОККД), боевой путь которой в те годы был малоизвестен и оброс большим комом слухов и инсинуаций. Под его руководством сформировалась группа энтузиастов, активно занимавшихся исследованиями по истории 110-й ОККД. В составе группы работали как ветераны 110-й ОККД (М.Т. Бимбаев, М.И. Гучинов, А.И. Заднепрук и др.), так и более молодые исследователи (А.С. Заярный, Н.У. Илишкин и др.). При этом они не ограничивались исследовательской работой, но и вели работу по патристическому воспитанию молодежи, организовали несколько мотопоходов, в том числе и к местам боев 110-й ОККД. Под руководством М.Л. Кичикова эта группа опубликовала два сборника воспоминаний [В боях 1969; В боях 1973], а также книгу «В годы суровых испытаний», которая выдержала два переиздания. Кроме того, Мерген Лиджинович писал по этой теме отдельные статьи [Кичиков 1967в; 1968; 1970а; 1974б; 1975а и др.].

М.Л. Кичиков внес свой вклад в изучение биографии самого высокопоставленного военачальника-калмыка – О.И. Городовикова, исследовав один из малоизученных периодов его жизненного пути – начального этапа Великой Отечественной войны, когда тот являлся фактически командующим кавалерией Красной армии и неоднократно выезжал на фронт по поручениям Ставки ВГК. Этой теме был посвящен доклад на конференции, посвященной 90-летию Оки Ивановича Городовикова [Кичиков 1971].

Все вышеизложенное позволило М.Л. Кичикову решить ряд сложных задач по изучаемой теме и приступить к написанию обобщающего труда по истории Калмыкии в период Великой Отечественной войны, который был опубликован в 1970 г. [Кичиков 1970б]. В монографии рассматривался широкий круг проблем по данной теме: военные мобилизации в Калмыкии в 1941–1943 гг., формирование и боевой путь 110-й ОККД, ратные подвиги наших земляков на фронтах и во вражеском тылу (особое внимание М.Л. Кичиков обратил на кавалеров нескольких орденов и Героев Советского Союза), трудовой вклад жителей Калмыкии в Победу, включая участие в важнейших оборонных стройках (железная дорога Кизляр – Астрахань, Донской оборонительный рубеж и др.), история оккупации части республики и изгнания врага из Калмыкии. Автор в своем труде подчеркнул, что «Калмыкия, как составная часть многонационального государства, как и другие края, области, союзные и автономные республики, сыграла свою историческую роль в общем гигантском процессе наращивания сил и обеспечения победоносной борьбы против фашистской агрессии» [Кичиков 1970б: 14].

На основе этой монографии Мерген Лиджинович написал докторскую диссертацию «Советская Калмыкия в Великой Отечественной

**Очиров У.Б., Тепкеев В.Т. Научное наследие М.Л. Кичикова:
к 95-летию со дня рождения**

войне 1941–1945 годов», которую успешно защитил в 1972 г., став первым среди калмыков доктором исторических наук.

Подводя итоги его исследований в этой теме, следует подчеркнуть, что в ней работы М.Л. Кичикова стали первыми, и его концепции, несмотря на смену научной парадигмы, имеют опорный характер, от которых отталкиваются в своих разработках историки последующих поколений. Не меньшее значение имеет весь массив эмпирического материала, собранного Мергеном Лиджиновичем в архивах и при опросах ветеранов, значительная часть которого теперь носит уникальный характер и сохранилась только благодаря неустанному труду историка.

Таким образом, благодаря своим разноплановым и глубоким исследованиям, в 60-х гг. XX в. М.Л. Кичиков становится одним из ведущих историков Калмыкии, незыблемым авторитетом по таким темам, как история вхождения калмыков в состав России, образование Калмыцкого ханства, участие калмыков в наполеоновских войнах, вклад Калмыкии и ее жителей в Победу в Великой Отечественной войне. Поэтому при написании трудов обобщающего характера автором глав и разделов по вышеуказанным темам вполне логично выбирался Мерген Лиджинович. Результаты его исследований легли в основу нескольких таких изданий. Например, в 1967 г. он написал два обобщающих доклада к научной сессии по истории и культуре народов Дона и Северного Кавказа, посвященной 50-летию Октябрьской революции [Кичиков 1967б; 1967в].

В том же году вышел в свет 1-й том «Очерков истории Калмыцкой АССР», где М.Л. Кичиков являлся автором трех (4, 5, 6-й) глав, посвященных истории Калмыкии во 2-й пол. XVII в. – 1-й пол. XIX в. (в соавторстве с Н.В. Устюговым, Т.И. Беликовым и М.Я. Поповым), включая такие темы, как образование Калмыцкого ханства и участие калмыков в наполеоновских войнах [Очерки 1967]. В 1970 г. вышел 2-й том «Очерков», в котором Мерген Лиджинович стал автором 7-й главы, посвященной истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны [Очерки 1970].

На следующий год после выхода в свет 1-го тома «Очерков истории Калмыцкой АССР» калмыцкие историки под руководством М.Л. Кичикова опубликовали учебное пособие для изучающих историю родного края – «Калмыкия в истории СССР». В этом издании Мерген Лиджинович выступил автором «Введения» и разделов, посвященных истории Калмыкии XVII – XVIII вв. [Калмыкия 1968: 9–36]. В 1994 г. он переиздал свою часть пособия под названием «Образование Калмыцкого ханства. Пособие для учителя по изучению курса истории Калмыкии» [Кичиков 1994], которое до сих пор пользуется интересом у преподавателей истории родного края.

М.Л. Кичиков был также автором соответствующих глав и статей в коллективных монографиях и книгах: «Мы – интернационалисты» [Мы – интернационалисты 1969], «Политические и социально-экономические аспекты социалистического строительства в Калмыкии» [Кичиков 1977], «Навеки вместе», посвященный 375-летию вхождения Калмыкии в состав России [Навеки 1984]. В 1981 г., к 40-летию института, вышла книга «Развитие науки в Калмыцкой АССР», ставшая своеобразным отчетом о развитии общественных наук в республике. Статью

об исторической отрасли написали М.Л. Кичиков и А.И. Наберухин [Кичиков, Наберухин 1981].

Разумеется, исследования такого специалиста широкого профиля, как Мерген Лиджинович, не ограничивались только вышеуказанными темами. Он писал статьи об анализе эпоса «Джангар» как исторического источника [Кичиков 1969а], о военных мобилизациях в период Гражданской войны и межвоенный период [Кичиков 1975б] и т.д. В 1970-х – начале 1980-х гг. М.Л. Кичиков стал разрабатывать новую тему, в значительной мере имеющей теоретический характер – история построения социализма на территории Калмыкии в различные исторические периоды [Кичиков 1970в; 1972б; 1974а; 1980; 1982; 1985]. Со сменой научной парадигмы в конце 1980-х – 1990-е гг. актуальность трудов подобного профиля заметно снизилась, интерес к ним угас, эта часть творческого наследия историка оказалась бесперспективной.

К сожалению, по семейным обстоятельствам Мергену Лиджиновичу в 1977 г. пришлось переехать в другой регион, после чего интенсивность его научных исследований снизилась. Вследствие этого произошло снижение уровня исторических исследований в Калмыкии по ряду тем, особенно по истории Великой Отечественной войны. М.Л. Кичиков поддерживал связь с республикой, неоднократно приезжал в Элисту, принял участие в ряде проектов обобщающего характера. В 1990-е гг. он выступил автором еще двух важных работ по истории Великой Отечественной войны, имевших большую практическую значимость: 1) доклада об истоках и причинах депортации; 2) вводной статьи к первым двум томам Книги Памяти «Санл» [Кичиков 1992; 1995]. К сожалению, до выхода следующих томов «Санл» Мерген Лиджинович не дожил. Однако память о М.Л. Кичикове и его трудах продолжает сохраняться среди новых поколений историков Калмыкии.

Источники:

В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.

В боях за Северный Кавказ: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. и науч. ред. М.Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 124 с.

Калмыки в Отечественной войне 1812 г.: сб. док. / сост. М.Л. Кичиков, Б.С. Санджиев. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: док. и матер. / сост. М.Л. Кичиков, Б.С. Санджиев, Ю.О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 552 с.

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: док. и матер. / сост. М.Л. Кичиков, Б.С. Санджиев, Ю.О. Оглаев. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 512 с.

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: док. и матер. / сост. М.Л. Кичиков, Б.С. Санджиев, Ю.О. Оглаев. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 784 с.

ОБД «Подвиг народа».

Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 440 с.

**Очиров У.Б., Тепкеев В.Т. Научное наследие М.Л. Кичикова:
к 95-летию со дня рождения**

Литература:

- Ванькаев В.* Человек – легенда // Байрта. 2016. № 10.
- Калмыкия в истории СССР. Пособие для изучающих историю родного края. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 184 с.
- Кичиков М.Л.* К истории образования калмыцкого ханства в составе России // Записки [КНИИЯЛИ]. Вып. 2. Элиста: Калмгосиздат, 1962. С. 31–60.
- Кичиков М.Л.* К вопросу образования Калмыцкого ханства в составе России // Вестник института [КНИИЯЛИ]. Вып. 1. Элиста: Калмгосиздат, 1963. С. 3–28.
- Кичиков М.Л.* О калмыцком герое Мазан-Батыре // Записки КНИИЯЛИ. Сер. истор. Вып. 4. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964. С. 74–78.
- Кичиков М.Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 152 с.
- Кичиков М.Л.* О некоторых проблемных вопросах историографии Калмыкии досоветского периода // Ученые записки. Сер. истор. Вып. 5. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967а. С. 118–131.
- Кичиков М.Л.* О насущных проблемах истории Калмыцкой АССР // К научной сессии по истории и культуре народов Северного Кавказа и Дона, посвященной 50-летию Великой Октябрьской революции. Элиста: б.и., 1967б. С. 3–6.
- Кичиков М.Л.* Трудящиеся Калмыцкой АССР в борьбе за Дон и Северный Кавказ (1941–1942 гг.) // К научной сессии по истории и культуре народов Северного Кавказа и Дона, посвященной 50-летию Великой Октябрьской революции. Элиста: б.и., 1967в. С. 19–24.
- Кичиков М.Л.* О некоторых вопросах истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки. Сер. истор. Вып. 6. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 163–194.
- Кичиков М.Л.* Героический эпос «Джангар» как исторический источник // Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969а. С. 60–69.
- Кичиков М.Л.* Об исторических корнях дружбы народов юго-востока России // Ученые записки. Сер. истор. Вып. 8. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969б. С. 57–65.
- Кичиков М.Л.* О некоторых новых данных по истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки. Сер. истор. Вып. 9. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970а. С. 330–337.
- Кичиков М.Л.* Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970б. 208 с.
- Кичиков М.Л.* Вопросы ленинской методологии и некоторые проблемы историографии советской Калмыкии // Торжество ленинской национальной политики (Тезисы докладов и сообщений). Чебоксары: б.и., 1970в. С. 48–51.
- Кичиков М.Л.* О.И. Городовиков о боевой подготовке кавалерийских частей в первый год Великой Отечественной войны // Ока Иванович Городовиков – видный советский военный деятель. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 82–96.
- Кичиков М.Л.* О некоторых историографических проблемах Советской Калмыкии периода Великой Отечественной войны // Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972а. С. 91–94.
- Кичиков М.Л.* Вопросы ленинской методологии и некоторые проблемы историографии Калмыцкой АССР // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. истор. Вып. 6. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972б. С. 35–54.
- Кичиков М.Л.* О закономерностях и своеобразии перехода к социализму Советской Калмыкии (1917–1929 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. истор. Вып. 9. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974а. С. 3–17.

Кичиков М.Л. К историографии боевого пути 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. истор. Вып. 10. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974б. С. 219–226.

Кичиков М.Л. В боях за Родину (Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии). Теегин герл. 1975а. № 1. С. 3–36.

Кичиков М.Л. Вопросы защиты Отечества в истории Советской Калмыкии переходного периода (1917–1937 гг.) // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. истор. Вып. 12. Элиста: КНИИЯЛИ, 1975б. С. 3–15.

Кичиков М.Л. О социально-экономических и политических предпосылках поселения калмыков (части ойратов) в степях Приуралья и Нижнего Поволжья // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. истор. Вып. 9. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 5–26.

Кичиков М.Л. Просвещение и культура Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны // Политические и социально-экономические аспекты социалистического строительства в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 71–85.

Кичиков М.Л. К вопросу о сущности Советов Калмыкии в годы социалистической революции и гражданской войны // Калмыкия в трех революциях и гражданской войне. Элиста: КНИИИФЭ, 1980. С. 93–103.

Кичиков М.Л. Об особенностях проявления закономерностей переходного периода в условиях Советской Калмыкии // Основные этапы и закономерности развития Калмыцкой АССР в условиях развитого социализма. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 67–77.

Кичиков М.Л. Возрастание производственной и социальной значимости промышленных бригад в условиях совершенствования развитого социализма // Научный коммунизм. 1985. № 4. С. 10–17.

Кичиков М.Л. Истоки ликвидации Калмыцкой автономии и депортации калмыцкого народа // Тезисы докладов и сообщений Российской научно-практической конференции «Репрессированные народы: история и современность» (Элиста, 28–29 мая 1992 г.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. С. 27–29.

Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства. Пособие для учителя по изучению курса истории Калмыкии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 123 с.

Кичиков М.Л. Калмыкия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Санл – Память. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. С. 10–21.

Кичиков М.Л., Наберухин А.И. Исследования по истории Калмыцкой АССР // Развитие науки в Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 27–35.

Кичиков М.Л., Преображенская П.С. Некоторые проблемы истории Калмыцкой АССР дооктябрьского периода // История СССР. 1966. № 3. С. 225–226.

Мы – интернационалисты / авт. Бембеев В.Ш., Кичиков М.Л., Наберухин А.И., Оглаев Ю.О., Орехов И.И. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 100 с.

Навеки вместе. 375 лет добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России / авт. Кичиков М.Л., Батмаев М.М., Шовунов К.П., Бурчинова Л.С., Наберухин А.И., Максимов К.Н., Команджаев А.Н. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 239 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 1. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.

Санджиев Б.С., Кичиков М.Л. К подготовке документального сборника «Калмыкия в Великой Отечественной войне» // Записки КНИИЯЛИ. Сер. истор. Вып. 4. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964. С. 61–67.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.И. НАБЕРУХИНА: К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Лиджиева И.В.¹

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: irina-lg@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу научной библиографии известного историка Калмыкии Аркадия Исаевича Наберухина (1937 – 1998), который внес существенный вклад в развитие исторической науки республики во 2-й пол. XX в. Основной темой его исследований стала история Калмыкии в период революции 1917 г. и Гражданской войны. Результаты этих изысканий актуальны и сегодня, несмотря на смену научной парадигмы. А.И. Наберухин являлся специалистом широкого профиля, обладавшим энциклопедическими знаниями во многих отраслях исторической науки. При этом он проявил себя как замечательный учитель и талантливый педагог, воспитав целую плеяду историков, которые сегодня работают в научных центрах и школах республики. Статья, посвященная памяти историка, публикуется в год его 80-летия.

Ключевые слова: история Калмыкии, историография, Великая Российская революция, КНИИЯЛИ, КНИИИФЭ, Аркадий Исаевич Наберухин.

Историческая наука Калмыкии второй половины XX в. неразрывно связана с именем Аркадия Исаевича Наберухина. Он родился 8 сентября 1937 г. в г. Изяслав Хмельницкой области Украинской ССР в семье военного. Его отец – Исай Наберухин во время Великой Отечественной войны служил вместе с легендарным танковым командиром М.Е. Катукowym. После демобилизации он вернулся на Украину и поселился с семьей в Киеве. По всей видимости, военная карьера отца оказала большое влияние на формирование личности юного Аркадия и его интерес к истории, особенно военной. После окончания школы А.И. Наберухин поступил в ведущий исторический ВУЗ страны – Московский государственный историко-архивный институт и с блеском закончил его в 1960 г. Несмотря на заманчивые предложения, он выбрал работу по распределению и приехал в Калмыцкую АССР. Вся дальнейшая деятельность талантливого исследователя оказалась связана с историей калмыцкого народа, вернувшегося на родину после 13-летней ссылки.

А.И. Наберухин – автор, редактор, составитель более 70 трудов. Как исследователь он внес большой вклад в изучение истории Калмыкии не только начала XX в., но и других периодов. А.Г. Балакаев, оценивая роль «варягов» в общественно-культурном развитии Калмыкии в XX в., поста-

вил Аркадия Исаевича рядом с такими подвижниками, как С.Р. Залкинд и Н.Н. Пальмов. Действительно, многолетняя деятельность А.И. Наберухина, его вклад в развитие исторической науки Калмыкии сродни подвигу, память о котором всегда останется в наших сердцах.

В данной статье предпринимается попытка историографического анализа работ А.И. Наберухина, как выдающегося исследователя исторического прошлого Калмыкии, через призму региональных проблем характеризовавшего глобальные теоретические вопросы исторической науки.

Уже в начале его научной карьеры многие отмечали энциклопедичность знаний, прекрасную память и блестящий аналитический ум молодого ученого. Для калмыцкой науки, восстанавливающейся после депортации, такой сильный специалист, обладающий познаниями широкого профиля, оказался буквально «на вес золота» и мастером «на все руки». Он принимал участие в восстановлении архивного дела, вел исторические исследования по малоизученным проблемам, преподавал в университете. Всюду он вызывал восхищение своими талантами и эрудированностью.

Свою карьеру в Калмыкии А.И. Наберухин начал научным сотрудником Центрального государственного архива Калмыцкой АССР (далее – ЦГА КАССР). Это учреждение только восстанавливалось после депортации. Необходимо было вернуть фонды, которые после ликвидации республики попали в другие хранилища. Аркадий Исаевич внес неоценимый вклад в восстановление и развитие архивного дела, в возрождение архивных учреждений Калмыкии. Значительный объем архивных материалов был возвращен в республику из соседних регионов, благодаря его усилиям, упорству, знаниям. Вот как описывал работу А.И. Наберухина по возвращению архивных документов его друг и коллега Ю.О. Оглаев: «Одним из первых его производственных заданий был вывоз из Астрахани в Элисту документальных материалов, принадлежавших ранее Центральному госархиву Калмыцкой АССР. Архивное руководство Астрахани и, в частности, Иван Иванович Парфентьев, старый архивный волк, каждое «дело» возвращал со скрипом, как Дикой – свои денежные долги. И когда выдавший виды грузовой «газон» Аркадия подруливал в Астрахани к Никольскому собору, где размещался тогда областной госархив, то бедный Иван Иванович «свистал наверх» всех своих архивистов и занимал чуть ли не круговую оборону: «Опять этот Заберухин приехал! Разорит он нас дотла!» На что «Заберухин» весело отшучивался: «Не дрейфь, ребята! – Чужой земли не надо нам ни пяди, но и своей вершка не отдадим!..» [Цит. по: Джалаева 2017].

Тогда же Аркадий Исаевич выпустил свою первую научную публикацию. Вникая в тонкости фондирования документальных материалов, вопросы создания объединенных фондов, сохранения и пополнения комплекса документальных материалов, он приходит к практическим и теоретическим выводам, изложенным им на научно-методической конференции архивистов, состоявшейся в мае 1964 г. в Москве [Наберухин 1965].

Одновременно с этим А.И. Наберухин принял активное участие в другом проекте, осуществлявшемся Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (далее – КНИИЯЛИ): составлению сборника документов об участии калмыков в Отечественной войне 1812 г. [Калмыки 1964]. Он осуществил поиск документов

не только в ЦГА КАССР, но и в Центральном государственном военно-историческом архиве. Его ученик У.Б. Очиров, занимавшийся в начале 2010-х гг. исследованиями по истории участия калмыков в наполеоновских войнах, говорил, что видел архивные дела, в которых стояли отметки о снятии копий или выписок Аркадием Исаевичем в нач. 1960-х гг. Таким образом, он внес значимый вклад в его создание, хотя имени Наберухина среди составителей этого сборника нет.

После учебы в аспирантуре Киевского университета в 1966 г. А.И. Наберухин поступил на работу в КНИИЯЛИ на должность старшего научного сотрудника сектора истории. Аркадий Исаевич сразу показал себя специалистом широкого профиля, владеющим хорошим научным слогом. Уже с первых лет работы он активно привлекается к работе над институтскими сборниками в качестве научного редактора.

Основной темой его исследований стала история революции 1917 г. и гражданской войны в Калмыкии. При разработке этой темы А.И. Наберухин буквально «перелопатил» огромный массив информации, привлек и ввел в научный оборот значительное количество неизвестных ранее материалов из нескольких архивов, в том числе Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (далее – ЦГАОР), Центрального государственного архива Советской армии (далее – ЦГАСА), Государственных архивов Астраханской и Волгоградской областей. Полученные результаты были апробированы в статьях, опубликованных в первых периодических изданиях института – «Вестнике» и «Ученых записках» [Наберухин 1967; 1968]. Уже в первых статьях, посвященных установлению Советской власти в Калмыкии и началу национально-государственного строительства, а также первым мобилизациям жителей региона на защиту Советской власти в 1918 г., А.И. Наберухин предстает, несмотря на свою молодость, зрелым и опытным исследователем, основательно фундирующим свои выводы.

Неудивительно, что вскоре результаты его изысканий нашли отражение уже в монографии, написанной совместно с заместителем директора КНИИЯЛИ И.И. Ореховым и посвященной установлению власти Советов в Калмыкии [Наберухин, Орехов 1968]. Изучая ход революционных событий, авторы не могли обойти своим вниманием социально-экономическое положение Калмыцкой степи в этот период, которая «превращалась в сырьевой придаток промышленно-развитых центральных районов России» [Наберухин, Орехов 1968: 5]. Кроме того, «административная расчлененность не могла не отразиться на социально-экономической структуре различных групп народа» [Наберухин, Орехов 1968: 5]. Кочевой образ жизни большинства населения, отсутствие промышленных предприятий в регионе не могло способствовать образованию рабочего класса, являвшегося согласно тогдашней научной теории движущей силой революции. Неудивительно, что к 25 января 1918 г., когда в Астраханской губернии утвердилась власть Советов, в Калмыцкой степи Советы как органы власти вообще отсутствовали. Это обусловило своеобразие процесса установления их власти: «Рождение Советов в разных улусах Калмыцкой степи происходило неодинаковыми путями, и на первых порах в их организации и структуре имелись отличия, обусловленные местными особенностями» [Наберухин, Орехов 1968: 33].

Развивая это исследование, А.И. Наберухин и И.И. Орехов в сотрудничестве со ставропольским ученым Н.И. Иванько написали и опубликовали в том же 1968 г. совместную монографию [Иванько, Наберухин, Орехов 1968], на десятилетия ставшую для историков, изучающих период 1917–1920 гг., основным опорным трудом, от которого отталкивались последующие изыскания. Коллективная монография «Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии» – это первый серьезный научный труд, где была сделана попытка комплексно осветить весь ход революции 1917 г. и Гражданской войны в Калмыкии. Как писали сами авторы, их работа «представляет собой по существу первую попытку систематического изложения в виде цельного очерка истории Октябрьской революции и гражданской войны в Калмыкии» [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 4]. По вполне понятным причинам для авторов были недоступны материалы эмигрантских фондов (бывшего Русского Заграничного исторического архива и трофейных документов), на которых стоял гриф секретности, однако они привлекли огромный объем материалов из других архивов (ЦГАОР, ЦГАСА, региональных архивов Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей, Ставропольского края и, конечно же, Калмыцкой АССР), причем значительная часть впервые была введена в научный оборот. Поэтому никак нельзя полностью согласиться с некоторыми современными нам исследователями, утверждающими, что одной из главных причин, помешавшей авторам вышеуказанной монографии решить поставленные задачи, стало «отсутствие источниковой базы, особенно архивных материалов» [цит. по: Антропов 1999: 7].

Закономерно, что структура данной работы подчинена хронологическому принципу. В первой главе «От Февраля к Октябрю» рассмотрено социально-экономическое положение в Калмыцкой степи в указанный период, анализируется деятельность национально-буржуазного движения, особенно направления, выступавшего «за казачью Калмыкию». Вторая глава «Великий Октябрь в Калмыкии» содержит анализ процесса создания и развития Советов как органов власти, при этом особое внимание уделено проблемам национально-государственного строительства. Военным действиям на окраинах Калмыцкой степи в годы гражданской войны, а также освобождению оккупированных деникинскими войсками улусов и образованию автономной области калмыцкого народа посвящена третья глава «Гражданская война». В заключении авторы, подводя итоги, подчеркивают, что «изучая историю Калмыкии, мы отмечаем не только общее, что было свойственно общероссийской социалистической революции, но и специфические черты и особенности, которые были характерны только для Калмыкии, которые делают историю Калмыкии именно историей Калмыкии» [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 145]. Конечно, нельзя не признать, что к тому времени идеология уже стала задавать жесткие концептуальные рамки для научных исследований, поэтому произведенный подбор фактов и полученные выводы трудно считать полностью объективными. Тем не менее, я полностью соглашусь с У.Б. Очировым, который в своей диссертации, посвященной истории Калмыкии в революции 1917 г. и Гражданской войны, писал: «Следует все же еще раз подчеркнуть, что в тех условиях исследователи Н.И. Иванько, А.И. Наберухин, И.И. Оре-

хов провели значительный объем работы (пусть даже и в рамках, заданных идеологией); а основная ценность их труда заключается в наличии значительного массива фактического материала» [Очиров 2007: 11–12].

Следующая монография А.И. Наберухина «Ленинское воззвание к калмыцкому трудовому народу» [Наберухин 1969] посвящена одному документу, раскрывающему основные вопросы, волновавшие калмыцкий народ в годы революционных событий. Исследуя скрупулезно строчку за строчкой, Аркадий Исаевич проводит анализ текста «Воззвания», раскрывает его сущность и определяет предпосылки его появления. В заключении автор приходит к выводу о том, что именно этот документ, «являясь директивным для калмыцких, астраханских и ставропольских органов Советской власти, содержащим конкретные указания о том, как следует на практике подходить к осуществлению равноправия калмыцкого народа» [Наберухин 1969: 47], обусловил образование автономии калмыцкого народа.

Результаты исследований Аркадия Исаевича по истории Калмыкии в период Гражданской войны нашли отражение в ряде трудов обобщающего характера: в учебном пособии «Калмыкия в истории СССР», написанном для изучающих историю родного края [Калмыкия 1968], брошюре «Мы – интернационалисты» [Мы – интернационалисты 1969], во 2-м томе «Очерков истории Калмыцкой АССР», опубликованной издательством «Наука» [Очерки 1970], и в кандидатской диссертации по теме «Октябрьская революция и гражданская война в Калмыкии (1917–1920 гг.)», которую А.И. Наберухин с блеском защитил в 1971 г.

Помимо научных изысканий А.И. Наберухин занимался и организационной работой. В частности, в 1966 г. по предложению первого секретаря Калмыцкого обкома КПСС Б.Б. Городовикова он вместе с С.Б. Бадмаевым, М.П. Ивановым, Ю.О. Оглаевым, И.И. Ореховым и др. вошел в состав группы по разработке проекта преобразования Калмыцкого педагогического института в Калмыцкий государственный университет. В 1970 г. эта мечта, наконец, реализовалась, причем в новом ВУЗе было открыто историческое отделение. Аркадия Исаевича, уже славившегося в республике своей эрудицией и энциклопедическими знаниями, сразу пригласили туда преподавателем на это отделение, на котором он проработал пять лет.

Работая в университете, А.И. Наберухин проявил себя и как блестящий педагог. Его лекции, которые он, как правило, читал без всяких бумажек, опираясь исключительно на свою блестящую память, вызывали у студентов, в числе которых был и автор этих строк, неподдельный интерес. Владая широким спектром педагогических методов, он всегда мог превратить самый скучный предмет в интересный и увлекательный рассказ, как истинный Учитель мог несколькими простыми словами раскрыть и объяснить сложные и запутанные хитросплетения истории страны. Аркадий Исаевич прекрасно владел методикой применения технических средств обучения и мог, пользуясь лишь старой доской и мелом, многократно расширить на полуторачасовой лекции объем предоставляемой информации. На его лекциях, вне зависимости от того, читал ли он основные курсы по истории России или разнообразные специальные курсы по исторической географии, палеографии и т.д., всегда было

много студентов, хотя А.И. Наберухин никогда не обращал внимания на фактор посещаемости и не вел учета отсутствующих. Ныне многие ученики продолжают дело Учителя и служат музе Клио, всегда вспоминая его самыми добрыми и теплыми словами.

В апреле 1975 г. Аркадий Исаевич вернулся на работу в КНИИ-ЯЛИ в качестве заместителя директора института по научной работе (1975–1978 гг.), затем работал заведующим сектора, отдела истории (1978–1992 гг.), старшим научным сотрудником (1997–1998 гг.). Параллельно с этим он преподавал в университете, где стал наставником почти для половины нынешних научных сотрудников отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН, который является преемником КНИИЯЛИ.

Все это время А.И. Наберухин продолжал вести исследования по истории Калмыкии в период революции 1917 г. и Гражданской войны, изучая различные ее аспекты, как теоретического, так и практического характера. Он стал наиболее заметным исследователем по данной тематике, которой занимался в общей сложности более 20 лет и опубликовал более 30 трудов по этим темам (не считая редакторской и составительской работы). Работая в рамках сложившейся марксистско-ленинской схемы (как и другие современные ему историки), он пытался дать конкретное описание событий 1917–1920 гг. и установить особенности местных процессов. Хотя результаты его поисков так или иначе были предопределены политической идеологией, нельзя не отметить, что он в своих работах описывал и раскрывал реальные процессы.

Теоретический подход в изучении истории революционных событий октября 1917 г. и гражданской войны в Калмыкии был предпринят А.И. Наберухиным в статье «О периодизации истории Октябрьской революции и гражданской войны в Калмыкии (1917–1920 гг.)» [Наберухин 1970а]. Отмечая актуальность изучения региональных аспектов революционных событий октября 1917 г., автор акцентирует внимание на хронологическом периоде от Февральской революции до окончания гражданской войны [Наберухин 1970а: 23], который в современной историографии представляется как единое историческое событие под названием «Великая российская революция». В статье дана периодизация указанных событий, сформированная и разделенная А.Ч. Чапчаевым на три этапа: I этап – «год анархии и великих потрясений», включает полностью 1918 г.; II этап – «год исканий и колебаний» начинается в июле 1918 г. и продолжается по середину 1919 г.; III этап – «год резкого перелома в настроении калмыков» – вторая половина 1919 г. – первая половина 1920 г. Следует отметить, что вторая половина 1918 г. была отнесена А.Ч. Чапчаевым как к первому, так и второму этапам [Наберухин 1970а: 25–27]. При этом Аркадий Исаевич отмечает, что А.Ч. Чапчаев: «стремился не столько к строгой периодизации, сколько к общему выяснению динамики развивающейся революции» [Наберухин 1970а: 26]. Сам автор предлагает свою концепцию периодизации, основанную на «поступательном характере успехов и достижений национально-государственного строительства» [Наберухин 1970а: 27]. Исследователь выделяет девять периодов в истории Октябрьской революции и гражданской войны в Калмыкии, отмечая,

что «если к буржуазно-демократической революции в ее национально-освободительном варианте Калмыкия была готова, то о социалистической революции этого сказать нельзя» и «только в силу общего хода вызревания и свершения социалистической революции в стране побеждает она и в Калмыкии» [Наберухин 1970а: 36].

Обобщающие теоретические выводы по проблеме общественно-политического положения в Калмыкии в период 1917–1920 гг. были сделаны А.И. Наберухиным в статье, подготовленной в соавторстве с М.П. Ивановым и опубликованной в ведущем историческом журнале страны – «Вопросах истории» [Иванов, Наберухин 1973]. Во вступительной части авторами дана характеристика национальной политики Временного правительства, суть которой, по их мнению, заключалась в том, что оно в одном случае препятствовало образованию независимых государств, в другом – с малыми народами, «национальное самоуправление которых не угрожало политическому и экономическому господству русской буржуазии – заигрывает». На основе широкого круга источников в национальном движении Калмыкии того времени было выделено два направления: 1) контрреволюционно-националистическое, выступавшее за приобретение национальных привилегий на основе перевода калмыцкого населения в казачье сословие; 2) национально-революционное, выступавшее за установление власти Советов. Представители буржуазного реформизма, отстаивавшие идеи «культурно-национальной автономии», по утверждению авторов, занимали промежуточное положение между ними.

Уже к лету 1917 г. в связи с укреплением позиций феодально-буржуазного блока, внутри которого определилось два течения: 1) сторонников национально-территориальной автономии и 2) сторонников культурно-национальной автономии, был «поставлен вопрос о статусе Калмыкии в составе буржуазной России» [Иванов, Наберухин 1973: 31]. По замыслу первых в состав автономии предполагалось включение не только калмыцких улусов, но и русско-украинских селений, что не получило одобрения со стороны Временного правительства. В связи с этим большое распространение получили идеи культурно-национальной автономии. Июльское совещание 1917 г. представителей калмыков Астраханской и Ставропольской губерний, Донской и Терской областей отвергло программу национально-территориальной автономии, выдвинутую Э. Хара-Даваном, что, по мнению авторов, «уменьшило возможность устранения русско-калмыцких земельных противоречий» [Иванов, Наберухин 1973: 32]. На этом же совещании Д. Тундутовым был предложен новый «более реакционный курс» – перевод калмыцкого населения в казачество. И только установление советской власти, как утверждают авторы, «способствовало созданию в Калмыцкой степи реальных предпосылок образования наиболее прогрессивного типа автономии национально-территориальной, построенной на советских социалистических основах» [Иванов, Наберухин 1973: 35].

Помимо теоретических изысканий А.И. Наберухин осуществил объем исследований, имеющих большое прикладное значение. Он продолжил работу по введению документальных материалов в научный оборот и в 1971 г. совместно с Б.С. Санджиевым издал материалы I Общекалмыцкого съезда Советов, состоявшегося 2–9 июля 1920 г. и провозгласившего

автономию Калмыкии [Первый 1971]. Это ценнейший исторический источник, значение которого трудно переоценить.

Спустя несколько лет под руководством Аркадия Исаевича был издан еще один сборник, который ввел в научный оборот 189 документов и материалов, раскрывающих проблемы образования и развития советской национальной государственности [Национально-государственное 1981].

Изданием сборника документов и материалов, как и в ряде других случаев, была реализована тема изучения ленинского наследия, связанного с историей Калмыкии. Аркадий Исаевич совместно с Б.С. Санджиевым и сотрудниками ЦГА КАССР З.Б. Очировой и А.О. Тапкиной опубликовал сборник «В.И. Ленин и Калмыкия» [В.И. Ленин 1976]. Позже этот сборник был дополнен и переиздан [В.И. Ленин 1979; 1990].

Изучение темы Гражданской войны в Калмыкии, по мнению А.И. Наберухина, в значительной степени связано «с анализом военных событий на территории Калмыцкой степи, что позволит ясно представить значение военного фактора и его влияние на развитие социалистической революции в Калмыкии». В исследованиях Аркадия Исаевича раскрывались биография О.И. Городовикова, история 1-й Элистинской дивизии, бои на Ставропольско-Царицынском тракте и другие эпизоды войны, оказавшиеся в «тени» более эпохальных сражений – обороны Царицына, разгрома 11-й армии и др. [Наберухин 1970б; 1971; 1974а; 1974б; Наберухин, Раров 1980; 1981].

Неподдельный интерес А.И. Наберухина вызвала личность Араши Чапчаевича Чапчаева – видного партийного, советского и общественного деятеля Калмыкии, первого председателя Калмыцкого ЦИКа, безвинно казненного в период «Большого террора». Первое исследование было подготовлено совместно с В.Б. Убушаевым на основе документальных материалов из фондов ЦГА КАССР и издано в 1976 г. [Наберухин, Убушаев 1976]. Понятно, что в этом исследовании авторы, в некоторых аспектах скованные цензурой, были вынуждены умалчивать о каких-то деталях. Забегая вперед, отмечу, что Аркадий Исаевич не оставил эту тему и посвятил личности А.Ч. Чапчаева еще несколько исследований, содержание которых характеризуется все большей наполняемостью фактологическими материалами и более свободными в суждениях выводами [Араши Чапчаев 1990; Наберухин 1990а; 1990б]. Приведем такой пример. В труде 1976 г. авторы говорят о том, что «В марте 1937 г. жизнь Араши Чапчаевича Чапчаева трагически оборвалась» [Наберухин, Убушаев 1976: 120]. В последующих работах, изданных в постперестроечный период, А.И. Наберухин провел анализ немногочисленных, но уже доступных следственных материалов по делу А.Ч. Чапчаева и пришел к выводу том, что «16 января 1938 г. была разыграна комедия суда – скорого и неправого. В тот же день он был расстрелян» [Наберухин 1990а: 39].

А.И. Наберухин осуществил ввод в оборот источников и по этой тематике. В 1990 г. в связи со столетним юбилеем А.Ч. Чапчаева, был издан документальный сборник, включавший его выступления, речи и доклады за 1918–1925 гг., ответственным редактором и автором предисловия которого выступил Аркадий Исаевич [Араши Чапчаев 1990]. Во вступительной статье к сборнику он поставил перед молодыми исследователя-

ми задачу дальнейшего «выявления рукописного и печатного наследия А.Ч. Чапчаева за время после 1924 г. – по материалам архивов Москвы, Саратова, Волгограда, Казахстана, Дальнего Востока и периодической печати, выходявшей за пределами Калмыкии» [Араши Чапчаев 1990: 24].

В этот период А.И. Наберухин не просто продолжал свои научные разработки, но и значительно расширил их круг. Он обратился к истории XVIII в., изучал различные проблемы истории Калмыцкого ханства. Результаты его исследований нашли отражения в докладах на конференциях, посвященных 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева и 100-летию со дня рождения первого историка-калмыковеда Н.Н. Пальмова (которые прошли фактически одновременно – 1–2 июня 1974 г.). Доклад, посвященный юбилею Н.Н. Пальмова, носил историографический характер. В нем Аркадий Исаевич проанализировал представления первого советского историка-калмыковеда об эволюции политического строя Калмыцкого ханства [Наберухин 1974в]. Доклад на второй конференции, написанный в соавторстве с А.Н. Бутовым, был посвящен вопросам политического самозванничества у калмыков в XVII – XVIII вв. [Наберухин, Буров 1974].

В 1978 г. в Элисте прошла Всесоюзная научная конференция, посвященная проблемам изучения эпоса тюрко-монгольских народов, на которую съехались ведущие эпосоведы и фольклористы страны. А.И. Наберухин не являлся фольклористом, но эрудированность и широта его кругозора позволили ему написать доклад на стыке истории и фольклора, в котором он осветил роль эпоса «Джангар» в жизни революционных деятелей Калмыкии и калмыков-воинов Красной армии [Наберухин 1978].

К тому времени Аркадий Исаевич стал одним из самых известных историков республики, незыблемым авторитетом по истории Калмыкии в период революции 1917 г. и Гражданской войны. Неудивительно, что при подготовке обобщающих изданий по истории Калмыкии его стали включать в состав авторских коллективов для написания глав или параграфов, в которых считался признанным специалистом.

В 1981 г. институт (к тому времени переименованный в Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, далее – КНИИИФЭ) праздновал свой 40-летний юбилей и издал к этой дате в качестве своеобразного отчета книгу «Развитие науки в Калмыцкой АССР», в которой отразил состояние исследований в общественных науках. Статью по историческим исследованиям поручили написать М.Л. Кичикову и А.И. Наберухину, что они и исполнили с присущим им блеском [Кичиков, Наберухин 1981].

В 1982 г., к 65-летию юбилею Октябрьской революции была подготовлена книга, в которой раскрывалось поэтапное развитие Калмыкии в советский период. Разумеется, автором главы, посвященной революции 1917 г. и Гражданской войны, стал А.И. Наберухин [Наберухин 1982в].

Еще один юбилейный труд, на этот раз посвященный 375-летию вхождения Калмыкии в состав России, был выпущен КНИИИФЭ в 1984 г. Аркадий Исаевич здесь не только стал автором главы, посвященной периоду 1917–1920 гг. [Наберухин 1984], но и ответственным редактором всего издания вместе с директором института К.П. Катушовым.

Изучение хода поэтапного развития событий в Калмыкии в 1917–1977 гг. (к 60-летию Октябрьской революции) было осуществлено в монографии «Советская Калмыкия в составе СССР» К.Н. Максимова и А.И. Наберухина [Максимов, Наберухин 1983].

Аркадий Исаевич продолжил исследования по истории революции и Гражданской войны в Калмыкии, поиск и выявление в архивах (в том числе Центральном государственном историческом архиве) неизвестных ранее материалов, ввод их в научный оборот. По мере накопления данных исследователь переходит к новому этапу в своей биографии, отходя от упрощенного классового подхода и раскрывая описываемые процессы как более сложную и многогранную проблему, но в рамках марксизма-ленинизма. Если говорить аллегориями, то можно сказать, что ученый пошел на новый виток исследований по этой же теме, но на более высоком уровне.

В ходе изысканий А.И. Наберухин начинает обращаться к более раннему историческому периоду, который стал предтечей революционных событий 1917 г. Особый интерес исследователя вызвала история первой русской революции 1905–1907 гг. и развитие капиталистических отношений в патриархальном калмыцком обществе [Наберухин, Тепикин 1980]. В 1903, 1904 и 1907 гг. были проведены съезды улусных попечителей и крупных калмыцких скотоводов с целью определения экономического потенциала Калмыцкой степи для дальнейшей разработки реформы управления данной территорией в интересах государства. Рассматривая положение в Калмыцкой степи накануне революционных событий 1905–1907 гг. А.И. Наберухин и А.В. Тепикин, пришли к выводу о том, что «начавшаяся реформа должна была стать вторым этапом (после реформы 16 марта 1892 г.) подрыва остатков политического влияния калмыцких феодальных элементов» [Наберухин, Тепикин 1980: 43]. При этом МВД ограничило степень участия калмыков-скотоводов лишь участием в обсуждении вопросов развития животноводства. Однако уже на съезде 1903 г., по мнению авторов, прозвучало «свойственное любой буржуазии стремление к национально-территориальной монополизации сферы хозяйственной деятельности» [Наберухин, Тепикин 1980: 45]. На этом же съезде была констатирована необходимость решения земельного вопроса в общекалмыцком масштабе, в связи со слабостью родовых обществ в регулировании выпасов постороннего скота. Дальнейшие события указанного периода, реконструированные авторами, показывают, что, несмотря на узость политических взглядов, выдвинутые национально-либеральной буржуазией требования сыграли значительную роль в формировании политических взглядов революционно настроенных слоев населения Калмыцкой степи.

Эта тематика была продолжена Аркадием Исаевичем самостоятельно в статье, посвященной аграрной политике царизма в Калмыкии после первой русской революции 1905–1907 гг. [Наберухин 1982б].

События с февраля по октябрь 1917 г. в Калмыцкой степи, в ходе которых произошел процесс изменения характера революции, А.И. Наберухин подробно осветил в статье «Вопрос об областной автономии Калмыцкой степи в период перерастания буржуазно-демократической

революции в социалистическую» [Наберухин 1983]. Особо важным и насущным в эти дни был вопрос об областной автономии, являвшийся краеугольным в рассматриваемый период в борьбе за политическое равноправие калмыцкого народа. Постановление Временного правительства от 1 июля 1917 г. «О введении земских учреждений в Калмыцкой степи и Киргизской внутренней орде Астраханской губернии», по мнению ряда исследователей, приводило к выделению территории астраханских калмыков (с присоединением Кумского аймака) в самостоятельную губернскую единицу – Степная область калмыцкого народа. Однако, как указал А.И. Наберухин, детальный анализ акта «не дает никаких оснований для подобного рода заключений» [Наберухин 1983: 145]. На основе анализа документов ЦИК Управления калмыцким народом исследователь пришел к выводу о том, что «речь можно вести не столько о провозглашении, сколько о прокламировании области внутри узкого круга осведомленных лиц» [Наберухин 1983: 157].

Дальнейшие процессы перерастания революции и их особенности в Калмыкии были рассмотрены А.И. Наберухиным в статье «Победа Великого Октября – коренной поворот в судьбе калмыцкого народа» [Наберухин 1985]. Развитие этих процессов, по словам автора, было обусловлено тем, что «постепенно таяло доверие к Временному правительству, отказавшему калмыцкому народу в элементарном демократическом праве на автономию» и «в силу этих причин все больше находила сторонников программа большевистской партии, выступавшей за право наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельных государств и предоставления автономии народам, оставшимся в составе России» [Наберухин 1985: 76]. Более того, «калмыцкий трудовой люд воочию убеждался, что ему не по пути с казачьими верхами» [Наберухин 1985: 78]. Говоря об организации Советов, Аркадий Исаевич указал, что «в феврале 1918 г. они имелись уже во всех без исключения улусах» [Наберухин 1985: 79].

Проблемы революционной пропаганды и политического просвещения калмыков в период революции 1917 г. и на начальном этапе Гражданской войны были раскрыты в статье, которую А.И. Наберухин написал в соавторстве с В.Ш. Бембеевым [Наберухин, Бембеев 1984]. Как и во многих предыдущих случаях Аркадий Исаевич выступил не только автором статьи, но и редактором всего сборника.

Следующий этап развития революции нашел отражение в статье «Интернационалистический характер борьбы трудящихся Калмыкии за власть Советов», в которой автор подчеркнул, что «Советы в Калмыкии возникли... под непосредственным воздействием Советской власти, установившейся в соседних с Калмыцкой степью районах России» [Наберухин 1982а: 4]. С созданием Советов в Калмыкии, по утверждению А.И. Наберухина, «Впервые за все время пребывания калмыцкого народа в составе России были созданы местные органы власти и государственного управления, объединившие и сплачивающие представителей всех национальностей, проживающих в Калмыцкой степи» [Наберухин 1982а: 80]. Анализируя текст ленинского «Воззвания», А.И. Наберухин приходит к выводу, что данный документ «представлял собой

декрет Совнаркома, концентрировавший волю трудящихся калмыцкой массы к устройству своей жизни на основе равенства со всеми народами советской России и облакавший эту волю в форму государственного правового акта» [Наберухин 1982а: 82].

Более подробный анализ одного из ленинских декретов, сыгравших определяющую роль в победе Советской власти в Калмыкии, но оказавшегося в «тени» знаменитого «Воззвания», был осуществлен Аркадием Исаевичем в статье «Историческая обусловленность издания декрета «О новом устройстве земельного быта калмыцкого народа». По мнению автора, история разработки этого декрета, содержащего конкретный план решения национально-территориального и аграрного вопросов на начальной стадии создания калмыцкой государственности, «представляет собой один из важнейших аспектов самоопределения калмыцкого народа» [Наберухин 1981]. Автор подробно осветил историю появления этого декрета, который, учитывая специфические особенности региона, фактически являлся механизмом реализации права калмыцкого народа на самоопределение. В заключении автор отметил: «История разработки декрета «О новом устройстве земельного быта» представляет собой один из важнейших аспектов самоопределения калмыцкого народа. В этом заключается основной исторический смысл декрета» [Наберухин 1981: 37]. По итогам исследования Аркадий Исаевич пришел к важному выводу: предпосылкой к втягиванию Калмыцкой степи в революционное движение была нерешенность земельного вопроса.

Исследования, осуществленные А.И. Наберухиным в 1980-х гг. и охватившие все основные политические и экономические аспекты развития революции и Гражданской войны, позволили ему написать монографию «Калмыкия в трех российских революциях» [Наберухин 1987]. Эта работа стала заметным шагом вперед по сравнению с коллективной монографией 1968 г. как по широте охвата материала, так и по глубине теоретического исследования. Это был уже период перестройки, и диктат идеологии над наукой заметно ослаб. Аркадий Исаевич попытался более объективно оценить процессы, происходившие в Калмыкии в 1905–1917 гг., рассмотреть революционные события 1917 г. как сложную многогранную проблему. Автором на первый план были выдвинуты особенности социально-экономического развития Калмыцкой степи в начале XX в., от которых зависело включение ее населения в борьбу за установление власти Советов. Обращает внимание тщательность и скрупулезность в изучении фактического материала, которые позволяют ему в мельчайших деталях проследить процессы развития революционного движения в Калмыцкой степи. Несомненную ценность работе придают архивные материалы, вновь введенные в научный оборот.

Таким образом, с именем А.И. Наберухина связано появление ряда фундаментальных трудов, утверждение смелых для своего времени концепций в истории Калмыкии. Основной темой его исследования стала история революции 1917 г. и Гражданской войны в Калмыкии. Несмотря на то, что свои исследования Аркадий Исаевич проводил в контексте коммунистической идеологии, заложенные им научные основы изучения этих процессов актуальны и в настоящее время, даже после смены научной па-

радикалы. В условиях повышения интереса к истории России начала XX в. его работы имеют большую научную и практическую значимость.

В 1990-е гг. для исследователей-историков наступили благоприятные условия, при которых А.И. Наберухин мог создать немало великолепных работ по истории Калмыкии. Его перу принадлежит ряд статей: по ленинскому теоретическому наследию, по национальному суверенитету, по историографии [Наберухин 1989; 1992; Наберухин, Цюрюмов 2001]. В 1993 г. Аркадию Исаевичу пришлось по семейным обстоятельствам уехать на Украину к родственникам, где он стал работать в Институте истории Украины НАНУ. Однако в 1997 г. А.И. Наберухин, к радости своих коллег и друзей, вернулся для завершения фундаментального проекта по написанию истории Калмыкии. У него было множество планов и задумок. Не сбылось...

Однако память об Учителе, Ученом, Человеке с большой буквы продолжает оставаться в наших сердцах, и его имя по-прежнему называют среди ведущих историков республики.

Источники:

Араши Чапчаев. Выступления, речи и доклады. Сб. док. / отв. ред. А.И. Наберухин. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 123 с.

В.И. Ленин и Калмыкия. Сб. док. и матер. / сост. З.Б. Очирова, Б.С. Санджиев, А.О. Тапкина, А.И. Наберухин. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 213 с.

В.И. Ленин и Калмыкия. Сб. док. и матер. / сост. З.Б. Очирова, Б.С. Санджиев, А.О. Тапкина, А.И. Наберухин. Изд. 2-е. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 213 с.

В.И. Ленин и Калмыкия. Сб. док. и матер. / сост. З.Б. Очирова, Б.С. Санджиев, А.О. Тапкина, А.И. Наберухин. Изд. 3-е, доп. и испр. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 222 с.

Калмыки в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. / сост. М.Л. Кичиков, Б.С. Санджиев. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.

Национально-государственное строительство (Июль 1920 – июнь 1937 гг.). Сб. док. и матер. / отв. ред. А.И. Наберухин. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 366 с.

Первый Общекалмыцкий съезд Советов. 2–9 июля 1920 г. Протоколы / сост. А.И. Наберухин, Б.С. Санджиев. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 220 с.

Литература:

Антропов О.О. Астраханское казачье войско в 1-й трети XX в.: опыт социально-исторического анализа. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. 334 с.

Джалаева А.М. Он ушел в историю, не попрощавшись... // Калмыкия сегодня. 2017. 27 октября.

Иванов М.П., Наберухин А.И. Крах национально-буржуазного реформизма в Калмыкии (1917–1920 гг.) // Вопросы истории. 1973. № 6. С. 28–39.

Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И. Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 148 с.

Калмыкия в истории СССР. Пособие для изучающих историю родного края. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 184 с.

Кичиков М.Л., Наберухин А.И. Исследования по истории Калмыцкой АССР // Развитие науки в Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 27–35.

Максимов К.Н., Наберухин А.И. Советская Калмыкия в составе СССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 128 с.

Мы – интернационалисты / авт. Бембеев В.Ш., Кичиков М.Л., Наберухин А.И., Оглаев Ю.О., Орехов И.И. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 100 с.

Наберухин А.И. Фондирование документальных материалов и создание объединенных архивных фондов // Труды Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР: в 2 т. Т. 1. М.: б.и., 1965. С. 155–162.

Наберухин А.И. Установление Советской власти и начало национально-государственного строительства в Калмыкии (февраль – июль 1918 г.) // Вестник института [КНИИЯЛИ]. Сер. истор. № 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 5–24.

Наберухин А.И. Мобилизация трудящихся Калмыкии на защиту Советской власти и борьбу с контрреволюцией (1918 г.) // Ученые записки. Сер. истор. Вып. 6. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 67–93.

Наберухин А.И. Ленинское воззвание к калмыцкому трудовому народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 49 с.

Наберухин А.И. О периодизации истории Октябрьской революции и гражданской войны в Калмыкии (1917–1920 гг.) // Ученые записки. Сер. истор. Вып. 9. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970а. С. 20–49.

Наберухин А.И. Материалы Центрального государственного архива Советской Армии по истории гражданской войны в Калмыцкой степи // Ученые записки. Сер. истор. Вып. 9. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970б. С. 339–345.

Наберухин А.И. Вклад О.И. Городовикова в разгром белогвардейцев на юге России // Материалы научной конференции «Ока Иванович Городовиков – видный советский военный деятель», посвященной 90-летию со дня рождения (Элиста, 1–2 июля 1971 г.). Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 64–81.

Наберухин А.И. Боевые действия Красной Армии по отражению деникинского наступления в Калмыцкой степи весной и летом 1919 г. // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии. Элиста: КалмГУ, 1974а. С. 169–180.

Наберухин А.И. Борьба за Ставропольско-Царицынский тракт (конец 1918 г. – начало 1920 г.) // Ученые записки. Сер. истор. Вып. 10. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974б. С. 74–111.

Наберухин А.И. Н.Н. Пальмов об эволюции политического строя Калмыцкого ханства // Вестник института. Сер. истор. № 11. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974в. С. 23–28.

Наберухин А.И. Роль «Джангара» в формировании калмыцких революционных деятелей // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. Тезисы доклада на Всесоюзной научной конференции «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов» (Элиста, 17–19 мая 1978 г.). Элиста: КНИИЯЛИ, 1978. С. 137–138.

Наберухин А.И. Историческая обусловленность издания декрета «О новом устройстве земельного быта калмыцкого народа» // Роль ленинских декретов в образовании и развитии советской автономии Калмыкии / Отв. ред. А.И. Наберухин. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 17–39.

Наберухин А.И. Интернациональный характер борьбы трудящихся за власть Советов // Развитие Советской Калмыкии в братской семье народов СССР / Отв. ред. А.И. Наберухин. Элиста: КНИИИФЭ, 1982а. С. 3–20.

Наберухин А.И. Об одном из методов аграрной политики царизма в Калмыкии после первой русской революции (1907–1917 гг.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982б. С. 103–116.

Наберухин А.И. Победа Великого Октября – решающее условие создания автономии Советской Калмыкии // Основные этапы и закономерности развития Калмыцкой АССР в условиях социализма. Элиста: КНИИИФЭ, 1982в. С. 56–66.

Наберухин А.И. Вопрос об областной автономии Калмыцкой степи в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (февраль–октябрь 1917 г.) // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 143–164.

Наберухин А.И. На заре советской власти // Навеки вместе. 375 лет добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России / Отв. ред. К.П. Катушов, А.И. Наберухин. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 115–137.

Наберухин А.И. Победа Великого Октября – коренной поворот в судьбе калмыцкого народа // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста: КалмГУ, 1985. С. 74–85.

Наберухин А.И. Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 160 с.

Наберухин А.И. Ленинское теоретическое наследие как основа совершенствования современных межнациональных отношений // Совершенствование межнациональных отношений в республике: опыт и проблемы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. С. 57–59.

Наберухин А.И. Араши Чапчаев. Элиста: Общество «Знание», 1990а. 40 с.

Наберухин А.И. Араши Чапчаев – вехи биографии (К 100-летию со дня рождения) // Теегин герл. 1990б. № 5. С. 7–10.

Наберухин А.И. Национальная суверенность и проблемы полной реабилитации депортированных народов // Тезисы докладов Российской научно-практической конференции «Репрессированные народы: история и современность» (Элиста, 28–29 мая 1992 г.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. С. 170–172.

Наберухин А.И., Бембеев В.Ш. Революционная агитация и политическое просвещение калмыцких трудящихся в 1917–1919 гг. // Развитие трудовой и политической активности трудящихся Калмыкии в период социализма / Отв. ред. А.И. Наберухин. Элиста: КНИИИФЭ, 1984. С. 20–43.

Наберухин А.И., Буров А.Н. Самозванчество и царистские иллюзии в классовый борьбе XVII–XVIII веков в России // Вестник института. Сер. истор. № 11. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 167–175.

Наберухин А.И., Орехов И.И. Победа советской власти в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. 35 с.

Наберухин А.И., Раров А.Ф. Боевые действия Красной армии по освобождению Калмыцкой степи (декабрь 1919 г. – январь 1920 г.) // Проблемы социалистического строительства в Калмыкии. Элиста: КалмГУ, 1980. С. 15–24.

Наберухин А.И., Раров А.Ф. Влияние географического фактора на планирование боевых действий Красной армии в Калмыцкой степи в годы гражданской войны // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР / Отв. ред. А.И. Наберухин. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 89–104.

Наберухин А.И., Тепикин А.В. Программные требования калмыцкой национальной буржуазии накануне и в годы первой русской революции // Калмыкия в трех революциях и гражданской войне / Отв. ред. А.И. Наберухин. Элиста: КНИИИФЭ, 1980. С. 42–63.

Наберухин А.И., Убушаев В.Б. Первый председатель КалмЦИКа (Биографический очерк о А.Ч. Чапчаеве). Элиста: Калмиздат, 1976. 121 с.

Наберухин А.И., Цюрюмов А.В. Актуальные проблемы истории Калмыкии XVII–XX вв. // Материалы Республиканской научной конференции «Проблемы современного калмыковедения», посвященной 70-летию проф. А. Борманджинова. Элиста: КалмГУ, 2001. С. 122–128.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. М.: Наука, 1970. 432 с.

Очиров У.Б. Калмыкия в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2007. 450 с.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ К.П. ШОВУНОВА: К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Очиров У.Б.¹, Лиджиева И.В.²

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

² кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: irina-lg@yandex.ru

Аннотация: В статье произведен анализ научной библиографии известного историка нашей республики Кима Павловича Шовунова (1937–1998), который внес существенный вклад в развитие исторической науки Калмыкии, в первую очередь, в изучение военной истории калмыков во второй половине XVII – начале XIX вв. и историю калмыцкого казачества в дореволюционный период. Статья, посвященная памяти историка, публикуется в год его 80-летия.

Ключевые слова: история Калмыкии, историография, калмыки в русской армии, калмыки-казаки, КНИИИФЭ, КИГПИ, Ким Павлович Шовунов.

Ким Павлович Шовунов родился в станице Кутейниковской Калмыцкого района Ростовской области 15 сентября 1937 г.

В декабре 1943 г. в возрасте 6 лет вместе с калмыцким народом его депортировали в Сибирь, в Боготольский район Красноярского края. Здесь юный Ким окончил школу, поступил в Красноярский техникум физкультуры, обучение в котором завершил в 1957 г., когда была восстановлена калмыцкая автономия. Вернувшись на Родину, К.П. Шовунов стал работать учителем: сначала в Кировской школе Западного района, затем в средней школе № 3 г. Элисты, одновременно исполняя обязанности директора первой детской спортивной школы. При этом интересы молодого учителя не замыкались только на спорте, он читал много книг, увлекался музыкой, активно занимался общественной работой по комсомольской линии. В феврале 1960 г. Кима Павловича перевели на работу в обком комсомола: сначала инструктором, затем зав. отделом. В 1962–1963 гг. он являлся председателем Республиканского спортивного союза, а с апреля 1963 г. – 1-м секретарем горкома ВЛКСМ. Параллельно с этим К.П. Шовунов заочно учился на историческом факультете Ставропольского педагогического института, который окончил летом 1963 г.

**Очиров У.Б., Лиджиева И.В. Научное наследие К.П. Шовунова:
к 80-летию со дня рождения**

В сентябре 1964 г. Кима Павловича назначили директором Буратинской средней школы. Казалось, прекрасное начало карьеры и у 27-летнего учителя истории впереди были заманчивые перспективы роста по административной линии. Однако, как писал его старший коллега М.П. Иванов, «его заинтересованное отношение к углублению своих знаний по специальности историка, глубокое изучение исторической литературы привело его к мнению о необходимости совершенствования своих знаний по истории» [Иванов 1995: 176] и в октябре 1968 г. молодой директор поступает в аспирантуру Института истории СССР АН СССР. Его научным руководителем стал крупнейший специалист по истории Русской Императорской армии и флота XVIII – нач. XX вв. профессор Л.Г. Бескровный. По его рекомендации К.П. Шовунов для своей диссертации избрал малоисследованную тему о военной службе калмыков в вооруженных силах России в XVIII – нач. XIX в. Эта многоплановая, обширная тема в течение двух десятилетий была предметом его научно-исследовательской деятельности. Здесь Ким Павлович, как говорят, обнаружил «золотую жилу» и из года в год методично и скрупулезно искал и находил все новые и новые факты из истории боевого прошлого наших предков.

Благодаря этому уже первая статья К.П. Шовунова «Калмыки в системе военной организации России в первой четверти XIX в. и калмыцкое ополчение 1806–1807 гг.», опубликованная в «Трудах молодых ученых Калмыкии» [Шовунов 1973], стала заметным успехом. Она делилась на две, практически независимые части. Первая была посвящена анализу состояния военных формирований калмыков в составе русской армии в начале XIX в., когда в результате ряда реформ Военного министерства происходят значительные изменения в их комплектовании, вооружении, меняются принципы организации. Молодой ученый совершенно правильно указывает, что «у оставшейся части не было, как прежде, ни людских, ни материальных ресурсов для комплектования массовой конницы. Если до 1771 года только одни волжские калмыки могли во время войны выставить до 20 тысяч вооруженных всадников «о дву-конь», то теперь с большим трудом могли набрать 5 тысяч человек, способных к службе» [Шовунов 1973: 284]. Особый интерес молодого ученого вызвал проект А. Круля по организации калмыцкой конницы, который предлагал использовать ее с традиционным вооружением для нарушения коммуникаций противника, предвосхитив идею развертывания партизанского движения в тылу врага. По мнению А. Круля, «ежели научатся они (калмыки – К. Ш.) полевым и им привычным движениям, превзойдут завсегда по легкости своей не только кроатов, но и всякого рода конницу» [Шовунов 1973: 285]. К сожалению, этот проект остался не реализованным, и партизанское движение пришлось разворачивать на ходу в разгар войны 1812 г. В данной статье Ким Павлович ввел в оборот значительное количество новых данных, в том числе о численности калмыков в составе Донского, Ставропольского, Оренбургского, Астраханского казачьих войск XIX в.

Вторая часть статьи была посвящена истории калмыцкого ополчения 1806–1807 г., мобилизованного на войну с Наполеоном. Данный эпизод до этого являлся слабо изученным в исторической литературе, поэтому эта часть практически полностью состоит из новых материалов, извлеченных из документов Центрального государственного военно-исторического архива (далее – ЦГВИА). К сожалению, автор по неизвестной причине не сообщил о бунтах в головных калмыцких полках и утверждал, что «поход калмыков до Москвы и обратно прошел организованно, за исключением команды Эрдени Тундутова» (в которой бунтов, кстати говоря, не было) [Шовунов 1973: 297]. Впрочем, в последующих трудах эта ошибка была исправлена. Введенный в научный оборот материал, включая численность первых семи полков, их командного и рядового состава, имена командиров полков и прикомандированных к ним штаб-офицеров, виды и количество вооружения, места дислокации и т.д., был уникальным. В течение нескольких десятилетий исследователи (если не считать новых публикаций К.П. Шовунова) не могли внести ничего нового по данной теме и при освещении этих событий опирались исключительно на труды Кима Павловича.

Две следующие статьи К.П. Шовунов опубликовал одновременно в одном сборнике «Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии». Первая статья «Военная организация калмыков в первой половине XVIII в.» [Шовунов 1974а] была посвящена вопросам организации, комплектования и тактики войск Калмыцкого ханства. Автор сделал правильные выводы о том, что калмыцкое войско комплектовалось на основе всеобщей воинской повинности, его структура соответствовала общественному устройству калмыков, материально-техническое обеспечение вытекало из скотоводческого характера их хозяйства, а тактика калмыцкого войска, «сложившаяся в систематических столкновениях периода феодальной раздробленности среди кочевых народов, постоянно совершенствовалась под влиянием военного искусства русской армии» [Шовунов 1974а: 228]. Другая статья «Ставропольское калмыцкое войско» посвящена истории этого войска, до этого малоизвестной в калмыцкой историографии [Шовунов 1974б]. Основываясь на материалах ЦГВИА, Ким Павлович показывает процесс его формирования и развития, дает различные количественные показатели, освещает историю участия ставропольских калмыков в войнах России.

К сожалению, на 3-м курсе обучения из-за анонимной кляузы он был отчислен из аспирантуры. По возвращении в Калмыкию К.П. Шовунова назначили инспектором Юстинского района (1971–1976 гг.), затем директором Верхне-Яшкульской школы-интерната (1976–1979 гг.). Несмотря на эти перипетии и большой объем обязанностей по основному месту работы, Ким Павлович не изменил своему увлечению военной историей калмыков и стремился продолжить работу в научной сфере. Он завершил написание кандидатской диссертации «Калмыки в системе

военной организации России (XVIII век)», которую с успехом защитил в Ростове-на-Дону в 1980 г.

В декабре 1979 г. К.П. Шовунов был принят в Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики (далее – КНИИИФЭ, ныне КалмНИЦ РАН) младшим научным сотрудником сектора истории, а вскоре после защиты диссертации возглавил сектор истории дооктябрьского периода (1981–1985 гг.). В 1985 г., стремясь высвободить больше времени для исторических исследований, командировок в иногородние архивы, Ким Павлович по собственному желанию ушел с поста заведующего сектором истории и был переведен на должность старшего научного сотрудника отдела истории.

Получив возможность вновь заниматься наукой, К.П. Шовунов интенсивно ведет поиски материалов в архивах, активно публикуется. В 1981 г. выходит статья «Калмыцкие казачьи поселения и их военная организация в XVIII в.», в которой освещается история службы калмыков в составе казачьих войск и полков, в том числе таких малоизвестных, как Астраханский и Николаевский (позднее Азовский) казачьи полки. По утверждению автора, «калмыки, обладавшие многочисленными табунами лошадей, к тому же не уступавшие по своей подготовленности казакам» [Шовунов 1981] вполне устраивали правительство как часть иррегулярных войск России в составе казачества. В данной статье подробно исследуется служба калмыков-казаков по следующему плану: «Калмыки Войска Донского»; «Калмыцкие роты Чугуевского казачьего полка»; «Яицкие и Оренбургские калмыки» и «Служба калмыков в других казачьих полках». По каждому из вышеназванных калмыцких казачьих поселений приводятся сведения, характеризующие структуру военной организации, включая историю возникновения, демографические показатели и социально-экономическое положение. Особое внимание автор уделяет источникам доходов жителей этих поселений. Так, например, чугуевские калмыки получали государственное жалованье и в мирное время, а донские – «в мирное время жалованье не получали, поскольку военная служба являлась своеобразной формой повинности за предоставленные им кочевья» [Шовунов 1981: 18]. В заключении Ким Павлович приходит к выводу о том, что в последней трети XVII – XVIII вв. в различных регионах страны было образовано 7 калмыцких поселений казачьего типа, из которых 5 получили статус казачьих. В этих поселениях проживал 17 751 калмык, из них способных к военной службе в среднем было до 3,5 тыс. человек, а ежегодно постоянную службу несли более 2 тыс. человек [Шовунов 1981: 27].

В последующие годы К.П. Шовунов начинает расширять спектр своих исследований по истории калмыцкого казачества, как по хронологии (освещая уже XIX в.), так и по кругу охватываемых вопросов (включая социально-экономическую проблематику). В статье «К вопросу о земельной политике царизма в калмыцких казачьих поселе-

ниях (XVIII – первая половина XIX в.)» он анализирует особенности земельной политики царского правительства по отношению к калмыкам-казакам в указанный период [Шовунов 1982] и приходит к выводу о том, что «земельный вопрос являлся одним из средств превращения калмыков в оседлое население» с целью облегчения управления народом. При этом «царизм использовал известные традиционные формы политики, присущие в отношении окраинных народов империи, в которой сочеталась гибкость с прямым давлением» [Шовунов 1982: 39]. Так, если в отношении калмыков Донского и Чугуевского поселений со стороны властей не было давления, то в Ставропольском поселении и у калмыков Астраханского казачьего войска «формы насильственного давления преобладали» [Шовунов 1982: 39].

В ходе исследования социально-политического развития донских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX вв. К.П. Шовунов выявил основные этапы политики имперских властей в их отношении [Шовунов 1983]. Особенностью первого этапа являлось то, что «внутреннее устройство донских калмыков вплоть до XIX в. оставалось фактически независимым от порядков донских казаков... Донские атаманы и старшины не стремились открыто вмешиваться во внутренние дела калмыков. Обычно войсковое начальство передавало свои распоряжения, наряды на службу, судебные и другие вопросы через специальных войсковых толмачей. В свою очередь предводители улусов и сотен осуществляли исполнение указаний казачьего руководства самостоятельно» [Шовунов 1983: 79].

Начало второго этапа (1799–1801 гг.), по мнению автора, связано с попыткой разрушения прежнего устройства и введения общеказачьих порядков для калмыков [Шовунов 1983: 83]. Инкорпорирование калмыцких казачьих поселений на Дону в общевойсковую систему управления происходило путем ограничения территорий их кочевий, а также создания Калмыцкого правления, подчинявшегося общевойсковому. Данные мероприятия, по мнению Кима Павловича, «ускорили процесс классовой дифференциации» [Шовунов 1983: 86]. Следует отметить, что в данном случае автор имел в виду имущественное расслоение калмыков, обусловленного их введением под юрисдикцию имперского законодательства, которое в отличие от норм обычного права не способствовало взаимопомощи и взаимоподдержке.

Третий этап связан с утверждением 26 мая 1835 г. «Положения об управлении Донского войска». Глава десятая части третьей данного «Положения» определяет правовой статус Калмыцкого правления, в соответствии с которым «перевод донских калмыков к оседлости принял силу государственного закона» [Шовунов 1983: 94].

Освещению отдельных аспектов административно-политического статуса, хозяйства, быта и религии терских калмыков посвящено специальное исследование К.П. Шовунова «Терское поселение калмыков»

[Шовунов 1984]. Успешная внешнеполитическая активность Российской империи во 2-й пол. XVIII в. привела к расширению южных границ государства и необходимости укрепления их обороноспособности. В связи с этим в 1777 г. на территорию Моздокской крепости наряду с казаками были переведены крещеные калмыки, подавляющая часть которых были выходцами из Яндыковского улуса. Переход в христианство, по мнению автора, «служил юридическим заслоном от посягательств более сильной кочевой знати». Однако, несмотря на принятие православия, терские калмыки продолжали исповедовать буддизм, что, по мнению автора, было обусловлено «мобильной кочевой жизнью и глубокой приверженностью их к религии предков» [Шовунов 1984: 104]. Кроме того, калмыков «интересовали следовавшие за крещением ряд царских привилегий» [Шовунов 1984: 94], прежде всего, земля. Между тем вопрос о наделении терских калмыков так и не был решен до 1910 г., хотя на протяжении XIX в. поднимался не раз. Революционные настроения начала XX в. коснулись и терских калмыков, направивших в 1906 г. депутацию в Петербург для решения вопроса наделения землей, следствием чего стало создание Межведомственной комиссии, в ходе работы которой терским калмыкам было отведено 97 тыс. десятин земли.

Вышеназванные труды, в которых Ким Павлович ввел в научный оборот огромное количество неизвестных ранее фактов и цифр, снизили ему заслуженную славу специалиста в области военной истории калмыцкого народа XVIII–XIX вв. При написании трудов обобщающего характера К.П. Шовунову стали поручать написание соответствующих глав и статей. В 1984 г. вышла коллективная монография «Навеки вместе», посвященная 375-летию вхождению калмыцкого народа в состав России [Навеки 1984], в которой Ким Павлович выступил автором глав, посвященных участию калмыков в войнах России, вплоть до войны 1812 г. [Навеки 1984: 49–68], и участию калмыков в крестьянских восстаниях, в том числе и в войне под предводительством Е.И. Пугачева [Навеки 1984: 68–88].

375-летию вхождения калмыцкого народа в состав России был посвящен и сборник статей «Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение», в котором калмыцкие историки представили статьи по темам своей специализации, сделав его своеобразным отчетом о развитии исторического калмыковедения на данном этапе. Ким Павлович написал статью о месте калмыков в системе военной организации России XVIII в., кратко обобщив результаты своих исследований по этой тематике [Шовунов 1985].

Обобщающий характер носит и статья К.П. Шовунова о развитии калмыцкого казачества, опубликованная в ведущем военно-историческом журнале страны [Шовунов 1987а]. В этой работе анализировалась история привлечения калмыков в составе казачества к военным действиям и охране южных границ, перевод некоторой их части в казачье сосло-

вие с середины XVII в. Автор обращает внимание на то, что «Калмыцкое казачество вписало немало ярких страниц в военную историю страны» [Шовунов 1987а: 83].

В 1987 г. КНИИИФЭ выпустил первый специализированный сборник статей архивоведческого характера. В нем Ким Павлович представил свой анализ архивных материалов по военной истории калмыцкого народа в XVIII – 1-й пол. XIX вв. [Шовунов 1987б]. Огромный опыт работы в центральных и региональных архивов позволил ему провести подробный качественный анализ документальных материалов по данной проблематике.

В том же году К.П. Шовунов издал учебное пособие для преподавателей истории родного края [Шовунов 1987в], которое и поныне вызывает интерес у преподавателей истории Калмыкии, став уже библиографической редкостью.

Помимо научных публикаций Ким Павлович продолжал активно заниматься и пропагандой научных знаний в местной прессе, примером чему можно назвать статью «И почестей, и памяти достойны...», опубликованную на страницах журнала «Теегин герл». В этой работе автор в популярной форме раскрыл для массового читателя историю участия калмыцких полков в Заграничном походе и их действия на территории Германии в 1813 г. [Шовунов 1987г].

В 1988 г. КНИИИФЭ выпустил первый специализированный сборник статей по историографии истории Калмыкии «Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии». В нем свой обзор досоветской историографии военной службы калмыков в XVIII – нач. XIX в. представил и К.П. Шовунов [Шовунов 1988а]. Автор обстоятельно разобрал и проанализировал труды своих предшественников дореволюционного периода. Оценивая степень изученности по данной теме, он пришел к совершенно правильному выводу о том, что «отечественные исследователи дооктябрьского периода внесли заметный вклад в освещение истории калмыцких казачьих поселений. Сравнительно подробно рассмотрены... история их возникновения, быт и хозяйство калмыков-казаков. Однако оставались заметные пробелы в освещении службы калмыков, их военной организации, боевой деятельности. История отдельных небольших групп калмыков, также исполнявших казачью службу, не получила какую-нибудь известность и в наши дни» [Шовунов 1988а: 78].

В статье «Положение рядовых калмыков-казаков в XIX в.» [Шовунов 1989а] было продолжено исследование проблемы социального расслоения калмыцкого населения на Дону, прежде всего, беднейшего, среди которых заметную часть составляли байгуши, «не имевшие не только какое-либо хозяйство, но даже средств передвижения» [Шовунов 1989а: 44]. Согласно данным автора, они составляли 30 % от всего населения. По мнению автора, обнищание населения было связано с сокращением пастбищных территорий и правительственной политикой,

направленной на перевод калмыков к оседлому образу жизни. Так, Ким Павлович справедливо отмечает: «если для оседлого земледельческого населения размеры паевого надела земли обеспечивали минимальные хозяйственные и бытовые потребности, то для кочевников-скотоводов этот надел явно был недостаточным и ограничивал постоянную перекочку с использованного пастбища на новые, что приводило к быстрому разорению кочевого хозяйства калмыка. А за столь короткое время, разумеется, калмыки не могли приспособиться к земледельческому труду» [Шовунов 1989а: 49].

Труды К.П. Шовунова по военной истории калмыков снискали ему широкую известность не только в Калмыкии, но и за ее пределами, как среди историков Юга России, так и в историческом монголоведении, включая зарубежное. Кима Павловича неоднократно приглашали на научные конференции, на которых он представлял различные результаты своих исследований. Тезисы докладов об участии калмыков в составе русской армии в русско-турецких войнах 2-й пол. XVII в. – 1-й четв. XVIII в. и в наполеоновских войнах были опубликованы в ведущем научном журнале Юга России – «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки» [Шовунов 1986; 1988б].

Исследования К.П. Шовунова по военной истории калмыков заметно расширили наши представления по этой тематике. Особенно большой вклад он внес в изучение истории участия калмыков в наполеоновских войнах. Опираясь на большой круг источников, Ким Павлович сумел выявить ряд ошибок предшественников (об участии 1-го Калмыцкого полка в сражениях у Лейпцига, Фер-Шампенуаза, Парижа и Леферта, об участии 2-го Калмыцкого полка – в боях на Березине). К сожалению, в работах К.П. Шовунова повторены утверждения Т.И. Беликова о том, что 1-й Калмыцкий полк форсировал Рейн в декабре 1813 г. и сражался у Сезанна и Мо в феврале 1814 г., а Ставропольский полк – у Фер-Шампенуаза. Однако семидневные и месячные рапорты 1-го Калмыцкого полка, разысканные историком, ясно показывают, что в эти дни часть находилась в Польше.

Начавшаяся перестройка, а затем крушение советского строя, помимо всего прочего, привели к исчезновению цензуры, диктата идеологии над наукой, дали возможность свободно излагать свои мысли и результаты своих исследований. К.П. Шовунов, опираясь на многочисленный собранный материал, не только продолжил свои исследования по истории военной истории калмыков конца XVII – 1-й четв. XIX вв., но и заметно расширил их, начиная охватывать более ранний период – военную историю ойратов.

В 1989 г. вышла статья «Вооружение калмыков в XVII – XVIII вв.», в которой Ким Павлович проанализировал особенности вооружения калмыков («дистанционного и ближнего боя, а также средства защиты») и их материального обеспечения в походах с начала прихо-

да в Россию и до Семилетней войны [Шовунов 1989б]. Автор, освещив особенности вооружения калмыков, указывает на то, что «Заметно возрастает удельный вес огнестрельного оружия... в конце XVII, особенно, в XVIII в.» [Шовунов 1989б: 89]. При этом К.П. Шовунов привел факты, свидетельствующие не только о поставках артиллерии из-за пределов Калмыцкого ханства, но и о нелегальном литье орудий и изготовления пороха в улусах [Шовунов 1989б: 90]. Завершает статью анализ вознаграждений, производимых российским правительством калмыцкому войску.

Развивая эту тему, К.П. Шовунов начал изучать военную организацию ойратов в XIV – XVII вв. Первые результаты исследований апробировались исследователем на конференциях «Джангар» и проблемы эпического творчества» (Элиста, 22–24 августа 1990 г.) Тезисы доклада были опубликованы в 1990 г. [Шовунов 1990а], а сам доклад – в 2004 г. (уже после его смерти) [Шовунов 2004]. Автор в своем докладе увязывал истоки военного дела ойратов с монгольской армией Чингис-хана. Опираясь на эпос «Джангар» и Великое степное уложение 1640 г. Ким Павлович доказывал, что ойратское войско имело разнообразные виды оружия (до двух десятков названий) и «сохраняя некоторые признаки военной демократии, значительно приблизилось по своему характеру к типу регулярной армии» [Шовунов 1990а: 166]. 29–31 мая 1992 г. в Тайбэе (Тайвань) прошел Международный симпозиум по монгольской культуре, на котором К.П. Шовунов представил расширенный вариант предыдущего доклада [Шовунов 1994а].

В 1992–1993 гг. Ким Павлович работал в Калмыцком университете заведующим отдела истории в только что созданном Научно-методическом центре возрождения и развития калмыцкого языка и культуры. Однако вскоре, в 1993 г. он вернулся обратно в институт, уже в качестве директора, назначенный Указом Президента Калмыкии К.Н. Илюмжинова. Сам институт уже в пятый раз сменил название и стал именоваться Калмыцким институтом гуманитарных и прикладных исследований. Несмотря на это, К.П. Шовунов продолжал преподавать, вести спецкурс по военной истории калмыков. Ким Павлович никогда не обращал внимания на посещаемость, не вел учета студентов, но его лекции всегда пользовались огромной популярностью у студентов, в аудитории практически никогда не было свободных мест. Ныне некоторые его ученики, в том числе и соавторы этой статьи, продолжают дело К.П. Шовунова, развивая исследования по военной истории калмыков и истории казачества.

В этот период в обществе резко возрастает интерес к военной истории калмыков, и книгоиздатели стали обращаться к нему с предложением о публикации обобщающих книг по данной тематике. В короткий срок Ким Павлович написал и издал три книги: «Во славу Отечества» [Шовунов 1990б], «Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.)» [Шовунов 1991], «Калмыки на защите Отечества (Будущим солдатам

**Очиров У.Б., Лиджиева И.В. Научное наследие К.П. Шовунова:
к 80-летию со дня рождения**

России)» [Шовунов 1994в], которые практически сразу были раскуплены читателями и стали библиографической редкостью.

Кроме того, К.П. Шовунов обобщил и свои многолетние изыскания по истории калмыцкого казачества в XVII – XIX вв., выпустив монографию «Калмыки в составе российского казачества» [Шовунов 1992а]. Этот монументальный труд охватил практически все группы калмыков-казаков, осветив их историю, экономическое положение, социальное развитие в дореволюционный период. На базе этой монографии Ким Павлович написал докторскую диссертацию «Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.)», которую защитил в 1994 г.

Следует особо подчеркнуть выдающуюся роль К.П. Шовунова в возрождении калмыцкого казачества, в его организационном оформлении. В процессе воссоздания казачества Ким Павлович принимал самое активное участие, был главным его идеологом, избирался атаманом Калмыцкого казачьего войска. Неудивительно, что в этот период его научные изыскания, которые он по-прежнему осуществлял, несмотря на увеличившийся объем работы, как директора института, так и атамана казачьего войска, концентрируются на истории калмыцкого казачества, охватывая все новые хронологические периоды. В 1992 г. на Российской научно-практической конференции «Репрессированные народы: история и современность» (Элиста, 28–29 мая 1992 г.) он выступил с докладом о репрессиях донских калмыков, впервые выйдя в своих исследованиях за рамки дореволюционного периода [Шовунов 1992б: 91]. В 1994 г. К.П. Шовунов опубликовал в журнале «Шамбала» статью о религиозных воззрениях калмыков-казаков [Шовунов 1994б].

В 1995 г. Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН опубликовал сборник «Калмыкия. Этнополитическая панорама», в котором была и статья К.П. Шовунова «Казачество Республики Калмыкия». Данное исследование содержит ретроспективный анализ формирования институциональной структуры калмыцкого казачества, включая и период 90-х гг. прошлого столетия. Автор подчеркнул, что «Калмыки-казаки, несмотря на свою территориальную оторванность от основной массы сородичей на Волге и на все усиливавшуюся экономическую и политическую разобщенность с ними, свято хранили родной язык, религию, культуру, психологический склад и многие черты традиционного быта и хозяйственной деятельности» [Шовунов 1995: 63].

Все эти годы, наряду с общественной деятельностью, К.П. Шовунов продолжал руководить институтом. Последними научными трудами Кима Павловича стали его доклады, зачитанные на различных крупных научных форумах (XXXV Международный съезд востоковедов, 1-й Всероссийский съезд востоковедов, конференция, посвященная 75-летию А.Ш. Кичикова) [Шовунов 1997а; 1997б; 1999]. В этих обобщающих работах К.П. Шовунов, как директор института, оценивал развитие научных исследований в определенной отрасли или во всем калмыковедении.

В 1998 г. Кима Павловича не стало, но его труды по военной истории калмыков и истории калмыцкого казачества и по сей день являются актуальными и составляют «золотой» фонд исторического калмыковедения.

Литература:

Иванов М.П. Учитель, ставший академиком // Иванов М.П. О личностях с именами громкими и скромными. Элиста: Джангар, 1995. С.175–180.

Навеки вместе. 375 лет добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России / авт. Кичиков М.Л., Батмаев М.М., Шовунов К.П., Бурчинова Л.С., Наберухин А.И., Максимов К.Н., Команджаев А.Н. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 239 с.

Шовунов К.П. Калмыки в системе военной организации России в первой четверти XIX в. и калмыцкое ополчение 1806–1807 гг. // Труды молодых ученых Калмыкии. Серия истории и филологии. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 284–299.

Шовунов К.П. Военная организация калмыков в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии. Элиста: КалмГУ, 1974а. С. 215–229.

Шовунов К.П. Ставропольское калмыцкое войско // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии. Элиста: КалмГУ, 1974б. С. 230–247.

Шовунов К.П. Калмыцкие казацкие поселения и их военная организация в XVIII в. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 13–31.

Шовунов К.П. К вопросу о земельной политике царизма в калмыцких казацких поселениях (XVIII – первая половина XIX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 27–41.

Шовунов К.П. Социально-политическое развитие донских калмыков (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.) // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 78–100.

Шовунов К.П. Терское поселение калмыков // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста: КНИИИФЭ, 1984. С. 92–106.

Шовунов К.П. Калмыки в системе военной организации России XVIII века // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста: КалмГУ, 1985. С. 40–47.

Шовунов К.П. Место и роль калмыков в борьбе за выход к Черному и Азовскому морям (2-я половина XVII – 1-я четверть XVIII вв.) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1986. № 3. С. 122–123.

Шовунов К.П. О развитии казачества в России в XVII–XIX вв. // Военно-исторический журнал. 1987а. № 3. С. 81–84.

Шовунов К.П. Архивные материалы по военной истории калмыцкого народа XVIII – первая половина XIX вв. // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста: КНИИИФЭ, 1987б. С. 57–72.

Шовунов К.П. История Калмыкии с древнейших времен до XX века: Учебное пособие для 7–8 классов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987в. 80 с.

**Очиров У.Б., Лиджиева И.В. Научное наследие К.П. Шовунова:
к 80-летию со дня рождения**

Шовунов К.П. И почестей, и памяти достойны... // Теегин герл. 1987г. № 6. С. 87–90.

Шовунов К.П. Военное прошлое калмыцкого народа в дооктябрьской историографии России // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста: КНИИИФЭ, 1988а. С. 60–82.

Шовунов К.П. Калмыки в Отечественной войне 1812 года // Казачество в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813 – 1814 годов. Региональная научная конференция (Ростов-на-Дону, 9–10 сентября 1987 г.). (Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1988б. № 1. С. 12).

Шовунов К.П. Положение рядовых калмыков-казаков в XIX в. // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989а. 151 с.

Шовунов К.П. Вооружение калмыков в XVII–XVIII вв. // Обычай и обряды монгольских народов. Элиста: КНИИИФЭ, 1989б. С. 86–94.

Шовунов К.П. Военная организация ойратов в XIV – первой половине XVII вв. (с использованием данных эпоса «Джангар») // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста: КИОН РАН, 1990а. С. 166–167.

Шовунов К.П. Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990б. 61 с.

Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН РАН, 1992а. 320 с.

Шовунов К.П. Донские калмыки – объект репрессий коммунистического режима // Тезисы докладов и сообщений Российской научно-практической конференции «Репрессированные народы: история и современность» (Элиста, 28–29 мая 1992 г.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992б. С. 72–73.

Шовунов К.П. Система военной организации ойратов в XIV–XVII вв. // International Symposium on Mongolian Culture (Taipei, May 29–31, 1992). Taipei, 1994а. P. 559–569.

Шовунов К.П. Религиозные воззрения калмыков-казаков // Шамбала. 1994б. № 2. С. 12–13.

Шовунов К.П. Калмыки на защите Отечества. Элиста: АПП «Джангар», 1994в. 20 с.

Шовунов К.П. Казачество Республики Калмыкия // Калмыкия: Этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы. Т. I. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 60–68.

Shovunov K. The development of Kalmyk studies in the XX century // Oriental studies in the 20-th century: Achievements and Prospects. Vol. 2. М.: ИВ РАН, 1997а. P. 343–345.

Шовунов К.П. Задачи исследования эпоса в научном центре «Джангар» // Проблемы современного джангароведения. Республиканская конференция, посв. 75-летию А.Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 1997б. С. 52–54.

Шовунов К.П. Развитие калмыковедения в XX веке // Бюллетень о-ва востоковедов РАН. Материалы Всероссийского научно-организационного съезда «Отечественное востоковедение на пороге XXI века» (7–10 октября 1997 г.). М.: ИВ РАН, 1999. С. 18–22.

Шоунов К.П. Военная организация ойратов в XVI – первой половины XVII в. (на основе данных эпоса «Джангар») // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Материалы Международной научной конференции. Элиста: Джангар, 2004. С. 423–426.

Сведения об авторах

Батырева Светлана Гарриевна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Заярный Сергей Альбертович – независимый исследователь (г. Москва)

Лиджиева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Оконова Людмила Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Очиров Уташ Борисович – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Сартикова Евгения Викторовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Тепкеев Владимир Толтаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Эмгенов Санал Николаевич – аспирант отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста)

Научный журнал

**Magna adsurgit:
historia studiorum**

Великая степь:
исторические исследования

2017, №2

Компьютерная верстка *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 22.12.2017. Формат 70x100/16.

Тираж 300 экз. Заказ 27-17. Цена свободная.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8